Марина Андреева

Ведьмина книга

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мистика — нечто вымышленное. Так ли это? Или что-то существует, но мы не готовы прозреть? Мы удивляемся фантазии знакомых говорящих на эти темы, а порой и вообще чураемся их общества, считая странными или хуже того — сумасшедшими. Справедливо ли это? Об этом заставит задуматься непростая история из жизни двух сестёр, получивших неоспоримые доказательства того, что привычная реальность всего лишь миф. Открытие принесло с собой многочисленные испытания. Окажись вы волей судеб на месте девушек, удалось бы вопреки всему добиться желаемого, устоять перед немалыми соблазнами и остаться собой?

- Марина Андреева
  - Пролог
  - Глава 1. Рождение звезды
  - Глава 2. Сказка — быль…
  - Глава 3. Кардинальные перемены
  - Глава 4. Нереальная реальность
  - Глава 5 Из огня да в полымя…
  - Глава 6 Возрождение из небытия
  - Глава 7 Открытие новых талантов
  - Глава 8 Орденское посвящение
  - Глава 9 И против лома есть приемы
  - Глава 10 Из небытия в реальность и… обратно
  - Глава 11 Следствие ведут… ведьмаки
  - Глава 12 Рыцари престола господня
  - Глава 13 Жестокая реальность
  - Глава 14 Живая нежить
  - Глава 15 Возвращение к жизни
  - Глава 16 Победит сильнейший…
  - Эпилог

Марина Андреева
Ведьмина книга

Пролог

Невозможно остаться равнодушным при виде такой красоты. Ровная, словно нарисованная, чаша озера. Песок на берегу неестественно белый, вода — хрустально прозрачна. Непуганая рыба беззаботно плещется возле самого берега. Под слабыми порывами ветерка лениво пробегает по водной глади мелкая рябь. Поскрипывают, гудят вековые сосны. Многие десятилетия не ступала здесь нога человеческая. Вокруг не то, что дорог торных, даже тропок — нет. Зовётся это место Нойта Ярви, что означает Ведьмино озеро. Слава о нём в народе недобрая ходит.

В далеком сорок восьмом, во времена заселения некогда финских земель, переселенцы нашли небольшую деревеньку, где уже обживались несколько семей. Они поведали о том, что неподалеку, возле озера, стоит небольшая церквушка, а рядом с ней живут две сестры. «Совсем ещё юные, а уже лечат, роды принимают, от сглаза и других напастей избавляют, но могут и порчу навести на тех, кто им неугоден», — предупреждали старожилы.

Какое-то время жили люди в мире с ведьмами. Зла друг другу не чинили. Да и с кем ссориться? Кто-то уже с семьями, но больше бабы одинокие или с детьми и делить им с ведьмами нечего было.

Младшая из сестер, светловолосая красавица — Клавдия, даже в селение перебралась, чтоб поближе к людям быть, на случай если кому-то срочно помощь её понадобится. Женихи к её дому вереницей потянулись. Девица с норовом оказалась и очень разборчива, кого попало в свою жизнь пускать не желала, но один хлопец ей всё же приглянулся. Стала она по мужу — Вронская. А остальные, не солоно хлебавши, повадились тайком в церквушку бегать. Церковью это назвать было сложно, так… сруб деревянный, иным часовенкам уступающий. Доживал там свой век сухонький старичок — священник. Человек незлобивый и отзывчивый. Но привлекала мужиков не тяга к «запретному» в те времена слову божию, а живущая поблизости темноволосая, смешливая красавица — Варвара. В отличие от сестрицы, девушка никого прочь не гнала, но и суженого выбирать не спешила. Вскоре все мужики и парни словно разум потеряли: нет-нет, да от работы отлынивали, норовя сбежать — на Вареньку полюбоваться. Видите ли, не мила им жизнь без неё стала. Такое внимание девушке не только льстило, но и утомляло. Однако никак её сердечко выбрать одного-единственного не желало.

К тому времени священник умер. Похоронили его всем

народом, чин по чину. Некому стало гостей непрошенных от соседушки-красавицы отваживать. Ох, и невзлюбили деревенские бабы соперницу. Проследили кумушки, когда распутница в церквушку войдёт, привалили дверь бревнышком, облили керосином, да и запалили. Схватился сухой сруб мигом. И тут же началось светопреставление: поднялся ветер ураганный, небо тучами затянуло, и хлынул ливень, какого никто из деревенских на своём веку не видывал. Пламя, не успев проникнуть внутрь — погасло. Дверь затряслась под ударами вырывающейся на свободу женщины. Перепуганные бабы бросились врассыпную. Рядом, с треском, словно целясь в беглянок, били молнии. Как ни странно, никто не пострадал. Признаться в содеянном они не посмели, и всё продолжилось. Однако теперь мужики совсем на своих жен смотреть перестали. «Не иначе как ведьма порчу навела», — причитали бабы и, всё больше распаляясь, выискивали способ расквитаться с обидчицей. Приблудился к деревне один беглый. Деревенские комитетчики хотели его властям сдать и, не заботясь об охране, в погреб при управлении заперли. Местные кумушки тайно сговорились с беглым: ему дают ружье, он убивает живущую возле озера ведьму и убирается. Но не забыли пригрозить, если что-то пойдет не по плану, его самого убьют.

Выполнил беглый уговор. Как не сильна была ведьма, но от быстрой пули не сумела защититься. Обрадовались бабы. Вот только мужей вернуть так и не сумели. Запили мужики — все как один. Скотина, без должного ухода и от хворей, почти вся полегла. Нехарактерная для этих мест засуха урожай погубила. Пришла в упадок деревня. Даже дети рождаться перестали. Только Клавдия с мужем душа в душу живут, и хозяйство их процветает. И пошли кумушки на поклон к младшей сестрице загубленной ими ведьмы.

— Помоги нам, — просили они. — Мы в долгу не останемся.

— Чем же я помочь вам могу? — баюкая на руках младенца, спрашивала молодая женщина. — Вы сами на себя беду накликали.

— Тебе нас не понять. У тебя кормильца из дома не уводили. Угомони её дух. Верни наших мужиков…

Пожеланий оказалось ещё очень много. Девушка искренне жалела неразумных. Люди собственной злостью и глупостью навлекли на себя беды. Как объяснить, что Варя доброй была, что сестра в ней души не чаяла. Да и нужно ли что-то объяснять? Сделанного не воротишь, мертвого не воскресишь. Девушка не могла осудить загнанную в угол сестру. Окажись она сама на Варькином месте, повела бы себя точно также. Но бог помиловал. Теперь злодейки в глаза заискивающе смотрят, раскаиваются, о

помощи молят. А за спиной шепчутся: «Не поможет? Значит, и она, и выродки её — повторят сестрицыну судьбу». Страшно девушке стало. Не за себя. За мужа любимого, за сыночка единственного. Погоревала бедняжка, разрываясь между памятью сестры и жизнью близких, и выбрала — живых. Неприятно было неупокоенный дух родного человека в ловушку загонять, но Варя ожесточилась и жаждала крови, а Клавдия не хотела грех на душу брать.

— Изгнать её я не в силах, — спустя время сообщила девушка односельчанкам. — Но ограничить смогла. Сделайте так, чтобы к озеру никто не ходил. У неё сил не будет что-либо делать.

— А мужики-то наши как? — поинтересовалась одна дородная бабенка.

— Ждите. Вернутся. Но не сразу. Время нужно.

На том и разошлись. Бабы завалили валежником все дороги и тропы, ведущие к озеру. Мужики пили всё меньше, а вскоре и в семьи вернулись. Через пару лет на деревенских улицах вновь веселыми колокольчиками зазвенел детский смех. К озеру никто не ходил, а сказками о живущей там злой Ведьме пугали непослушных детей. Те же, кто, не веря в предупреждения, находил путь к проклятому месту — бесследно исчезали.

Глава 1. Рождение звезды

Характерная для Питера июньская преддождевая духота сменилась прохладой кондиционируемого помещения. Вошедшая в здание университета высокая темноволосая девушка окинула взглядом холл: возле стенда для абитуриентов собралась толпа. Мария протиснулась к заветной доске объявлений, взглянула сквозь оконное стекло на низкие свинцовые тучи и закрыла глаза. Все звуки, запахи, ощущения — исчезли.

«Я к вам со святой пасхой,
Вы ко мне с доброй лаской,
Я еду на сове,
Моя сова вашим соколам глаза повыкалывает,
Языки в узел позавязывает,
Пусть моя фамилия будет в списке поступивших…»

Маша трижды мысленно произнесла ни разу не подводивший заговор на удачу. Чувства вернулись. Страхи, обиды, радость и разочарование окружающих ударили по нервам. Небо за окном, ещё мгновение назад затянутое тучей, засияло просветами, а над домами появилась радуга. Девушка просмотрела список поступивших на филологический факультет: её фамилия — Вронская, оказалась в числе первых.

— Машка! — на подходе к метро воскликнул знакомый голос.

Из припаркованной неподалеку машины высунулся Витька Лебеда — давний друг девушки.

— Запрыгивай. Подвезу, — предложил он.

— Ты уже отслужил? — садясь на пассажирское сиденье, удивилась девушка.

— Три месяца как. Всё хотел к тебе заглянуть, да неудобно как-то было.

— А я в универ поступила! — похвастала Маша.

— Постой, ты же диплом писала, когда меня забирали… — растерялся молодой человек. — Или я что-то путаю?

— Да. С отличием закончила. Только коробит меня от экономики.

— Мы от армии косим — понятно. Готовы к черту на рога, лишь бы не в сапоги, а ты-то зачем поступала куда попало?

— Папа так решил.

— А теперь что?

— Увидел, что эта работа тоску нагоняет смертную и

сжалился. Принёс справочник ВУЗов и сказал: «Выбирай — куда поступать. О заработке не думай, у тебя папа не бедный».

— И? В смысле — куда?

— На филологический…

— Не припоминаю за тобой тяги к языкам. Ты же сама жаловалась, что английский еле-еле на заветную пятерку вытягивала, и ту-то препод по доброте ставил.

— А я на фольклористику и мифологию.

— О! Тяга к сказкам так и не иссякла. Кстати, как твои сны?

— Там всё чудесно, — улыбнулась девушка.

— А с женихами что?

— Ой… — Маша смутилась. — Не знаю, как отваживать. Все как сдурели.

— Ну и ну. Нет, ты, конечно, красивая — спору нет. Но чтоб так. Не ожидал.

— Тьфу на тебя. Я — про сны.

— Эх… так ты всю жизнь проспишь.

— А ты, когда детективы писал, которые никто, кроме друзей, не читал, наверное, по-полной жизнью наслаждался? Вымышленной… — добавила она.

— Тут ты права. Каюсь. Кстати, я литературным агентом теперь работаю.

— Надеешься себя протолкнуть?

— Это вряд ли. То есть, старые работы никуда не годятся. Сырые они, я тогда хоть и учился, а многого не понимал. Сейчас новую обдумываю, идея-то есть, а вот с сюжетом пока печалька. То есть, основа как раз есть. Самое смешное — это мой сон.

— Книга про сон?

— Нет, конечно! — рассмеялся парень. — Просто недавно проснулся как пришибленный. Мне такой насыщенный событиями, яркий и реалистичный сон привиделся, что я тут же бросился записывать всё произошедшее. Даже на утреннюю планёрку опоздал. Влетело, конечно, но оно того стоило. К вечеру я две трети записанного не помнил. Закрутка получится классная, но для сюжета книги этого недостаточно. Как-то так…

— Ну, допустим, сюжет ещё не совсем родился, а в чём идея-то? — девушке действительно было интересно, ей и прошлые книги товарища нравились, но они были несколько наивными.

— Личностный рост героя, конечно же. Типа в жизни должна быть цель, препятствия на пути к которой — всего лишь иллюзии, созданные страхом и нежеланием действовать. Герои покажут, как сложно различить тонкую грань между реальностью и вымыслом, искренней дружбой и завуалированной подлостью. А ближе к развязке борются с искушением. Всё это, на фоне

трагического события и связанного с ним расследования. Кстати, героиня подозрительно похожа на тебя, — в глазах парня скакали озорные бесенята. — Наверное, где-то в глубине души я в тебя влюблен и мечтаю воспеть.

— Ага, а герой на тебя. Вот только он не ботан, а мачо?

— Ну… с чего ты взяла, что я ботан? Может, я ещё тот мачо и в состоянии растопить даже ледяное сердце снежной королевы?

— Да ну тебя с твоими шуточками. Ты в армии совсем серьезно говорить разучился?

— Не, не… никто не станет сопереживать такому, как я. У меня серая жизнь: работа, бабы, кабаки. Нужен динамичный, яркий герой, ведущий действительно насыщенную, бурную жизнь.

— А такая, как я, как раз… привлечёт читателя.

— Хм… а почему нет? — оторвав взгляд от проезжей части, Витя окинул девушку оценивающим взглядом.

— Это не фильм, это книга. Ты сам говоришь, что нужны активные герои.

— Ну, во-первых, не все. Даже вокруг довольно пассивного могут развиваться события, а во-вторых… твоя героиня пишет книгу, которая, кстати, становится бестселлером. Не желаешь попробовать?

— Этого мне не хватало…

— А почему — нет? Не для широкой аудитории, так для себя. Ты же тихоня, живешь так, что и вспомнить нечего, — тоном познавшего жизнь резюмировал «опытный» друг и, закатив мечтательно глазки, продолжил: — А так… на старости, долгими пасмурными вечерами почитаешь о наполненных невероятными приключениями снах юности.

— Ты на дорогу лучше смотри, философ. Ладно, уговорил. Скоро отпуск. Попробую на досуге.

— Я в тебе не сомневаюсь! Вот увидишь — тебе понравится! И будет шедевр!

— Так-таки твоя героиня шедевр и написала?

— Ну, поначалу её не признавали, а потом как понеслось! Такую скандальную популярность обрела, что Стефани Майер и Роулинг со своим Гарри — отдыхают. Правда… в рамках России.

— Считай, уговорил. Останови на углу. В магазин зайти надо.

— Как прикажете, госпожа. Тебя подождать?

— Тут недалеко. Дойду, — отмахнулась девушка. — Спасибо, что подкинул. И заходи, не стесняйся.

Товарищ поклаксонил на прощание и скрылся за поворотом. Маша в задумчивости зашла в магазин, на автомате сделала покупки и, оказавшись дома, решилась: «А вот возьму и напишу! Пусть это всего лишь фантазии и сны. Витёк прав, хоть в старости

будет что вспомнить».

В квартире было непривычно пусто и одиноко — отец Марии уехал в служебную командировку. Послонявшись из комнаты в комнату, девушка открыла ноутбук, создала файл под названием «Ведьмина запруда» и задумалась: «С чего начать?» Мысли метались, лихорадочно прокручивая нереальные истории из прошлых снов, и вдруг словно озарение пришло, пальцы запорхали над клавиатурой. Слова, предложения, абзацы рождались сами по себе. Порой Маша удивлялась тому, что появлялось на экране. Возможно, из подсознания всплыли забытые сны? Она вновь переживала минувшие события, и ощущения, вопреки ожиданиям, не притупились, а наоборот, обрели новые оттенки. Увлечённая новым занятием девушка не замечала, что за окном ночь. Поймав себя на том, что, несмотря на попытки сфокусировать зрение на экране, строчки подло уплывают, смазываются, она бросила взгляд в угол монитора: «9-42». Она проморгалась, потёрла глаза, но картинка не изменилась.

— Наверное, часы сбились, я же села за комп в два часа дня, — не желая принять очевидное, проворчала она.

Ощутив головокружение, Маша перебралась на кровать и мгновенно уснула. Пробуждение оказалось непривычным: вместо обычного сожаления о том, что пришлось расстаться с миром фантастических грез, девушку переполняла бурлящая через край энергия и жуткий голод. На удивление бодро подхватившись с постели, она с удовольствием потянулась, выполнила несколько энергичных упражнений и, схватив ноутбук, выскользнула на кухню. Наскоро плеснув водой в лицо, она включила чайник и, взглянув на монитор ноутбука, успела отметить, что написала на удивление много. Погрузившись в чтение, она не заметила, как щелкнул, отключаясь, чайник. К концу текста, будоража сознание, сформировалось то, что будет дальше. Окружающее перестало существовать, пальцы, порхая над клавиатурой, жили собственной жизнью. Эмоции переполняли, вызывая порой мелкую дрожь. Звонок телефона вернул девушку на грешную землю, заставив оторваться от ставшего жизненно необходимым занятия.

— Привет, лисенок. Чем занимаешься? — произнесла трубка голосом Машиного отца.

— Меня Витёк подбил написать книгу, — забыв поздороваться, выпалила девушка.

— Достойное занятие. И как, нравится?

— Знаешь… — Маша попыталась сформулировать переполняющие её чувства, но не нашла слов. — Это

непередаваемо.

— Рад, что ты нашла себе увлечение. Я, собственно, чего звоню: поездка затягивается, не получится у меня вернуться до выходных. Сходи сама на выставку. Ты же мечтала там побывать.

— Она еще полторы недели работать будет. Вернешься — сходим.

— В том-то и дело, лисенок, — из трубки послышался вздох, — я здесь минимум на месяц застрял.

— Понятно, — произнесла девушка, и повисло гнетущее молчание.

— Ты не обижайся. Сама понимаешь, если бы мог… и я там полный холодильник тебе забил продуктами, надеюсь ты уже заметила? — Маша лишь угукнула в ответ, и отец удовлетворённый и этим, продолжил: — Так вот, ты хоть есть иногда не забывай, а то я тебя знаю…

— Я уже не маленькая, пап, — перебила его девушка.

— В том-то и дело, что не маленькая, а кормить с ложечки надо.

— Ладно, ладно! Я всё осознала. И даже раскаялась. Пойду съем половину. Окей? Ну всё, удачки тебе там. И звони. Люблю тебя! Чмок — чмок!

Распрощавшись с отцом, Маша с удивлением констатировала, что не испытывает ожидаемого разочарования. Да и сама идея похода на выставку как-то поблекла. Взгляд упал на подготовленную кружку, рука коснулась чайника. Холодный.

— Хм… включить забыла или уже остыл?

Жутко хотелось есть, пить, в туалет, но в то же время в голове роились образы дальнейших событий, облачались в слова. Казалось, ещё миг, и что-то очень важное забудется, и тогда…

— Так дело не пойдёт! — одернула себя Маша и, щелкнув чайником, размяла затекшее от долгого сидения тело, забежала в туалет, приняла душ, соорудила горку бутербродов. Жуя и давясь горячим чаем, она пробежала глазами новый фрагмент своего «творения». И в какой-то момент образы вновь заслонили собой весь мир. Девушка автоматически отложила недоеденный бутерброд, отодвинула кружку и принялась строчить.

И вновь телефонный звонок вернул её в реальность.

— Мария, вы не могли бы в следующий раз информировать о причинах своих неявок на работу? — послышался вечно недовольный голос Машиной начальницы.

— Ой… — спохватилась девушка, только сейчас осознав, что она настолько увлеклась, что напрочь забыла о необходимости идти на работу. — Вы знаете, я что-то неважно себя чувствую…

— Очевидно у вас летнее воспаление хитрости, —

безапелляционно высказалась женщина. — Не ожидала от вас подобной несерьёзности. И это ваша благодарность за то, что мы взяли вас без стажа?

— Если вас это напрягает, я могу написать заявление.

— На отпуск пишется за две недели! Вам ли не знать основ трудового законодательства.

— Прекрасно. Тогда я сегодня же подъеду в офис…

— Поздно, голубушка, я уже вынуждена буду принять меры.

— …и написать заявление об увольнении одним днем, — проигнорировала выпад начальницы девушка.

В трубке повисла тишина. Тем временем до Маши дошел смысл собственных слов. «Что я творю? В эту фирму все мечтают попасть… хотя… да пошло оно всё!»

— Алё? Маргарита Леонидовна, мне подъехать сегодня, или вы оформите всё и без моего присутствия? А я когда буду себя чувствовать лучше, подъеду за расчетом, трудовой и поставлю необходимые подписи?

— Если вы приняли такое решение, — голос руководительницы потерял характерную спесь. — Я дам распоряжение отделу персонала. Но вы уверены?

— Абсолютно, — произнесла девушка и, услышав в ответ гудки, ощутила, как с души свалился огромный камень — ей не нравилась эта работа, как бы престижна она ни была.

Девушка не замечала, как день сменялся днём. Она полностью погрузилась в мир своих фантазий: ночью во снах, а утром, перечитывая последнее написанное и продолжая строчить. Воспринимаемые теперь как досадная помеха звонки некогда горячо любимого отца изредка отвлекали её. И к тому моменту, когда она поставила заключительную точку в своём повествовании и приготовилась прочесть его «от и до», раздался сигнал домофона.

— И кого там принесло? — недовольно проворчала девушка и решила не отвечать, но гость оказался настойчив. — Кто? — раздраженно спросила она.

— Эээ… если ты не в духе, я зайду в другой раз, — раздался в ответ голос Витька.

— А, это ты. Заходи.

Минуту спустя на пороге стоял выпучивший от удивления глаза друг.

— Машк… — неуверенно протянул он. — Что-то случилось?

— В смысле? — не поняла та.

— Ты в зеркало-то на себя смотрела?

Девушка послушно сделала шаг в сторону и взглянула на своё отражение. Руки тут же взметнулись наверх, пытаясь создать

эффект относительно порядка в курятнике на голове. Отскребла со щеки прилипшую крошку, оттерла нос от непонятно как туда попавшего варенья.

— Запашок от тебя, прости… — друг скривил лицо. — Ты когда последний раз меняла одежду и мылась? Что с тобой?

— Да, так… — смутилась девушка. — Ты на кухню… — её взгляд упал на царящий там беспорядок, — ой, нет, в гостиную иди. Я быстро. И это… ты прости за то… что я вот так…

— Ничего, — растеряно пробормотал друг, — бывает.

Хозяйка появилась минут через десять. Розовый спортивный костюм, еще влажные, аккуратно расчесанные волосы.

— Это совсем другое дело, — похвалил друг. — А где папа?

— В командировке…

— И, судя по всему, давно?

Девушка неуверенно повела вокруг глазами.

— Да ты совсем от реальной жизни оторвалась. А как же твоя жутко любимая работа?

— Уволилась, — смутилась Маша. — Кстати, мне надо съездить в офис забрать расчет и трудовую. Можешь свозить сейчас?

Парень только головой покачал. И спустя мгновение пояснил:

— Сегодня как бы суббота.

— А…

— Я хотел предложить на пляж съездить, вообще-то. Да и давненько не виделись.

— То есть? — вылупила глаза девушка. — Мы же вот недавно…

— Больше месяца прошло. Если ты про тот случай, когда я тебя подвозил.

— Сколько? — опешила Маша.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке? — с волнением в голосе произнёс парень.

— Да… но я… увлеклась. Знаешь, такого со мной ещё никогда не было.

— Если бы не твой помятый вид, я бы подумал, что ты влюбилась. В общем, отказов я не принимаю, отмазки с критическими днями тоже не прокатят. Собирайся.

Вскоре друзья неслись по непривычно свободным для Питера дорогам по направлению к выезду из города.

— Итак, колись, что же тебя выбило из повседневной колеи? — нарушил затянувшееся молчание Витя.

— Ты.

— Что я? — вильнув от неожиданности рулем и едва не зацепив соседнюю машину, воззрился на девушку друг.

— Точнее, твоё предложение, — пояснила та, чем ещё больше ввела парня в ступор. — Бррр… ну помнишь, ты сказал: попробуй написать книгу…

— А! — облегченно выдохнул он. — И как успехи?

— Написала.

— Уже?

— Да. Вот… — Маша достала с заднего сиденья просторную пляжную сумку и выудила оттуда компактный ноутбук.

— А размер?

— У меня как-то много глав получилось… — смутилась девушка.

— Размер не главами меряется. И сколько же глав?

— Семьдесят восемь.

— Да уж. Это, мягко говоря, и вправду — многовато. Выдели весь текст и посмотри, сколько там знаков.

— Эээ… один миллион шестьсот восемьдесят четыре тысячи две…

— Стой, стой. Ты всё это накатала за месяц?

— Да. Как-то не знала с чего и начать, а потом как понеслось. Перечитывала ранее написанное и строчила дальше. Даже времени счёт потеряла, как видишь. Но это было здорово!

— Не знаю даже, радоваться мне или печалиться.

— В смысле?

— Я слышал об авторах, которые в творческих порывах забывают обо всем на свете, но не ожидал такой прыти от тебя. Это размер трилогии. Почитать-то дашь?

— А то! Для чего я ноут прихватила?

Погода выдалась теплой и безветренной. Вода напоминала парное молоко. Вдоволь наплескавшись, Маша отдала другу ноутбук, а сама, решив позагорать, не заметила, как уснула. Разбудил её дразнящий запах шашлыков. Приоткрыв глаза, девушка растерялась, не понимая, где находится. Она лежит на чем-то плотном, но мягком, укрыта пледом. Темнота. Яркие звезды вверху. Рядом тихо потрескивает костерок.

— Проснулась, соня? — послышался из темноты Витин голос. — Ты чуть поздний ужин не проспала.

— Так чего ж ты меня не будил?

— Вспомнил твой замученный вид и сжалился. По поводу книги. Я уже четвертую часть осилил. А это почти целая книга. Не ожидал, что ты сумеешь так гладко, и в то же время захватывающе и динамично, развивать сюжет. У тебя очень удачный стиль изложения. Богатый словарный запас.

— Хватит смущать. Ты просто не хочешь меня обидеть.

— Я говорю, что у тебя талант, а ты меня не слышишь.

— Думаешь, это кто-то станет читать?

— Посмотрим, что у тебя дальше, разобьем на три книги и главное — провернуть правильную пиар акцию. Но это уже мое дело. На это уйдёт не один месяц, но всё же.

— Не будь ты мне как брат, я б решила, что ты клеишься. Где обещанный ужин, сказочник?

Переночевали благодаря средствам от комаров под открытым небом. Следующий день Маша провела почти не вылезая из озера, а Витя большую часть времени провел в обнимку с ноутбуком. И вечером друзья нехотя вернулись в город.

— Хорошо хоть мой зарядник от ноута к твоему подошел, а то маялся бы сейчас: что ж там дальше-то? Я по ходу чтения кое-где подредактировал знаки препинания. Завтра на работе разобью на книги, накатаю синопсис, аннотацию и — в издательство. Уверен, твоё творение вызовет фурор! Кстати, есть идеи по поводу названий частей?

— Сам придумай. Тебе виднее, что может заинтересовать читателей.

Оказавшись дома, Маша проверила автоответчик — ничего. Казалось странным то, что отец не звонит уже несколько дней. Или больше? Она пыталась вспомнить, когда говорила с ним в последний раз. Период написания книги остался в памяти размазанным пятном. Она набрала его номер, но из трубки донеслось: «Данный номер временно недоступен. Перезвоните позднее». В течении недели девушка безуспешно пыталась дозвониться, результат оставался прежним. Звонки на работу тоже ничего не давали.

Но однажды рано утром раздалась трель телефонного звонка. Уверенная в том, что это отец, Маша схватила трубку, но на той стороне провода оказалась его секретарша.

— Мария Степановна Вронская? Здравствуйте. Я секретарь Степана Федоровича. Простите, что так рано потревожила. Необходимо ваше личное присутствие в головном офисе. Вы могли бы подъехать к девяти утра?

— Д-да, — растерянно взглянув на часы, произнесла девушка. — А в чём дело?

— К сожалению, я не уполномочена отвечать на такие вопросы, — ответила женщина. — Вас будут ждать. До встречи.

Времени оставалось совсем немного. Ничего не понимая, девушка, словно ураган, пронеслась по квартире и вскоре уже входила в располагавшийся в пешей доступности головной офис папиной фирмы.

— Мария Степановна, проходите, — указывая на кабинет Машиного отца, секретарша странно отводила взгляд. — Пётр

Васильевич просил извиниться, он немного задерживается. Может, вы хотите кофе или чаю?

— Кофе, пожалуйста, с молоком, если можно, и без сахара, — на автомате произнесла ещё более растерявшаяся девушка.

«Зачем папиному адвокату срочно потребовалась встреча со мной? Что произошло?» Она понимала, что секретарь ничего не ответит. Надо ждать. Минуты тянулись мучительно долго. Наконец-то послышался звук открываемой двери, и на пороге появился как всегда безупречно одетый старинный товарищ отца.

— Здравствуй, Машенька, — как-то грустно улыбнулся он. — Извини за задержку. По глазам вижу — ты не понимаешь, зачем здесь находишься, и мы искренне надеялись, что этого не произойдёт. Посмотри вот это, — произнёс мужчина и поставил перед ней ноутбук.

После пары движений мышки на весь экран развернулось видео с изображением Машиного отца. Он явно волновался, готовясь произнести какую-то речь. «Привет, лисенок, — наконец-то заговорил мужчина. — Надеюсь, это видео не пригодится, но нужно предусмотреть любое развитие событий. Этот вариант, к сожалению, не исключён. Полгода назад у меня обнаружили опухоль мозга. В России такие ситуации считаются неоперабельными, однако израильская медицина в данном направлении ушла намного вперед, и врачи дают восемьдесят процентов на успех. Если ты всё же смотришь это видео, значит, мне не повезло, и я попал в злополучные двадцать. Лисенок, умоляю об одном — не убивайся. Помни, я всегда любил тебя, и как бы оно ни было, всё равно буду любить. То, что произошло, печально, но это уже произошло, и ничего изменить нельзя. Живи на полную катушку, отрывайся, словно каждый день последний, и не обращай внимание на осуждение и предрассудки. Наверное, не такое напутствие должен давать отец, но в добродетели мало радости. Прости за то, что не рассказал обо всём раньше. Не хотел расстраивать. Надеялся, всё обойдётся. Но не получилось. Не хочу, чтобы ты проходила через процедуры прощания и прочее, помни меня таким, каким я был при жизни. Меня кремируют, и при желании ты можешь забрать урну у Петьки. Он мой поверенный. Да и не мне тебе это рассказывать. Всё движимое, недвижимое имущество и, конечно же, фирма переходят тебе. И дам тебе последний совет: бросай ты эту ненавистную работу. Теперь уже твоя фирма работает вполне самостоятельно и особого участия не требует. Номинально оформись и отдыхай. Проживай каждый день, словно он последний в твоей жизни, но не в тоске, а так, чтобы было что вспомнить, если завтра всё же наступит. Найди себе хобби. У тебя

немало талантов. Всё, лисёнок, пока. Прости, если что-то было не так, и помни — я тебя люблю».

Видео отключилось. Девушка долго не отводила ничего не видящий взгляд от экрана монитора.

— Когда это произошло? — тихо произнесла она.

— Десять дней назад. Это чужая страна, и надо было оформить…

Дальше девушка не слушала. «Его больше нет», — эти слова, не прекращаясь, крутились в голове. Хотелось кричать, плакать, биться в истерике, но сил не было. Адвокат что-то говорил, но Маша не разбирала слов, да и не хотела ничего слышать. Жизнь в миг потеряла смысл. Потом она на автомате подписала какие-то бумаги, получила из рук Петра Васильевича флешку и небольшой сосуд с прахом отца. Пришли какие-то люди, их представляли, каждый пытался выразить соболезнования. Девушка их словно не замечала. Она встала. Прошлась по кабинету. Села в кресло отца. Провела рукой по столу. Казалось, оно ещё хранило тепло его рук. «За что? Почему он?»

За окном уже темнело. А Маша всё так же сидела в кресле отца. Кто-то подошел, помог ей подняться, проводил до выхода и усадил в машину. Она не заметила, как очутилась в собственной квартире. Одна. Меньше всего ей хотелось быть одной. Говорить не хотелось, но ощущение одиночества давило.

— Привет, Вить. Прости, что так поздно, — произнесла она в трубку. — Можешь приехать? Ничего не спрашивай, просто приезжай.

Пробок в столь позднее время не было, и друг оказался на пороге уже через пятнадцать минут. Одного взгляда на девушку хватило, чтобы понять — что-то случилось. Может, заболела? Или рассталась с кем-то? С чего б иначе кутаться в разгар лета в великоватый по размеру мужской свитер? Спрашивать он ничего не стал. Захочет, сама расскажет. Девушка же, встретив гостя, ни слова не произнося, прошла в кабинет отца. Войдя следом в святая святых, куда раньше он даже краем глаза не смел заглянуть, Витя увидел странную картину: Маша, поджав колени к груди и натянув свитер по самые пятки, сидела в кресле. В одной руке она держала фотографию в рамке, а пальцем второй водила по одной ей видимому изображению.

Какое-то время в комнате царила тишина. Витя не решался заговорить.

— Его больше нет, — Машин голос прозвучал глухо.

«Кого — его?» — ломал голову товарищ.

— Там, — девушка оторвала взгляд от фото и указала на стоящий на столе ноутбук. — Посмотри. Но выйди на кухню. Не

хочу этого слушать.

Витя послушно взял ноутбук и вышел прочь. Просмотрев запись, он всё понял. Но как помочь подруге? Чем утешить? На эти вопросы ответа не было. Одно было очевидно: оставлять Машу одну в таком состоянии не стоит. Взглянув на часы, он невольно скривился: почти двенадцать ночи.

— Вениамин Селивёрстович, извините, что так поздно. Возникли непредвиденные обстоятельства. Вы не могли бы предоставить мне отпуск за свой счёт до конца недели? Да. Да. Спасибо большое. До свидания.

Глава 2. Сказка — быль…

Прошёл месяц с момента получения трагической новости. Мария с головой погрузилась в дела фирмы. Девушка чувствовала свою бесполезность, но бездействие сводило с ума. Отец был прав: механизм налажен настолько, что не требовал вмешательства и был способен работать автономно.

— Я понимаю, ты подавлена. У тебя горе и всё такое. Но ничего уже не изменить. Думаешь, отец хотел, чтобы ты всю жизнь маялась? Надо жить дальше! — произнес как-то Витя. — Встряхнись! Хватит кресло протирать. Скоро посереешь и хвост отрастишь, как и подобает канцелярской крыске. Фирма вполне самостоятельна, и ты в этом убедилась. Отдохни. Пока ещё тепло, съезди на дачу. Погуляй по лесу, воздухом свежим подыши. Грибов, ягод пособирай. Начни новую книгу, в конце концов!

— Зачем? — флегматично поинтересовалась девушка.

— Затем, что ты себя измотала!

— А при чем тут книга-то? Предыдущая никому не нужна. Зачем тратить время ещё на одну?

— Фух… да хотя бы потому, что ты отвлечёшься! Ты вспомни, как тебя увлекло это занятие в прошлый раз.

— Настолько, что я никогда не прощу себе, что не уделила папе внимания во время его последних звонков. Я даже не могу вспомнить, о чем мы говорили!

— Пусть так. Но ты же не знала. Он сам не хотел, чтобы ты о чем-то догадалась. Помнится, ты сказала: он был рад тому, что у тебя появилось хобби. И вообще, теперь у тебя есть деньги — так?

— Предлагаешь приобрести издательство?

— Я раньше думал о варианте электронной книги или аудио версии. Но теперь… что тебе мешает издаться за свой счёт?

— Ага, выкинуть деньги на ветер? Папа не для того их зарабатывал.

— Тут уж позволь не согласиться. Во-первых, я посильно помогу с продвижением. Во-вторых, закажем расширенный пакет услуг, включающих рекламу и распространение. Тираж не менее пяти тысяч, чтобы было экономично в расчете на экземпляр и для покупателя, и для тебя.

— Что ж ты, такой умный, свои детективы так не продвигаешь?

— Вот заработаю денег и толкну, — насупился парень.

— И насколько примерно придётся раскошелиться? — желая поскорее отвязаться, без особого энтузиазма поинтересовалась девушка.

— Ну почему же примерно? — вскинулся парень. — У меня в папке есть все расчеты… ты забыла, что это, помимо всего, ещё и моя работа? Я не говорю, что стану брать с тебя денег за свои услуги, но что и как делать — знаю.

Маша бегло просмотрела документ. Сумма немалая, но вполне реальная.

— При условии, что все вопросы решишь сам.

— Не вопрос! Прямо сейчас подпишем бумаги, и поеду, заключу договора.

— К чему такая спешка?

— Я нарыл кое-что интересное для нового сюжета. Хочу смотаться в те края. Как говорится, вдохнуть воздух мест, о которых буду писать.

— Ну, как скажешь. Жаль, что места, о которых я пишу, не существуют. Рули к банку, денег сниму. А потом… подкинь-ка меня на работу.

— Там-то ты что забыла?

— Как что? Сам же надоумил — сообщу заместителю, что временно отстраняюсь от дел, и гори оно всё!

— Вот это уже совсем другой разговор! Ехать, думаю, необязательно. Достаточно звонка.

— Ты хоть звонить-то будешь из своей Тмутаракани?

— А то! Еще и приеду потом с подробным отчётом к тебе на дачу. Надеюсь на жареные грибочки с картошечкой и к чаю заказываю блинчики на домашних молочке и яйцах с протертой с сахаром черникой. Запомнишь, или тебе на почту заказ скинуть?

— Ты совсем мозгами двинулся? — уставилась на него девушка. — Хочешь, чтобы я кур и корову завела?

— И в мыслях не было. У тебя внедорожник — есть? Есть. Не вечно же ему в паркинге пылиться. Ездюк из тебя конечно ещё тот, но ради меня, надеюсь, дорулишь как-нибудь до деревни и купишь у местных. А машину на дачу перегнать я помогу, если сама за руль боишься садиться.

— Ааа… ну тогда о'кей. Только о визите предупреди заранее. Чтобы успела всё, — мечтательно улыбнулась Маша. Идея поездки ей явно нравилась.

— Главное, что мы должны сейчас сделать, это собрать твои вещи и по дороге глобально затариться. А то, если на тебя опять накатит писать, писать и писать, то боюсь, у меня есть шанс обнаружить по приезде засушенную мумию, — вспоминая прошлый творческий порыв подруги, усмехнулся Витя. — И умоляю! Не забудь набрать для меня хоть немного грибов и черники!

— Слушаюсь и повинуюсь, о, мой повелитель, — кидая в

большую сумку вещи, отозвалась девушка.

Первая неделя на даче прошла абсолютно непродуктивно с точки зрения творчества. Зато припасы на зиму заняли почти все полочки в кладовой и большую часть морозильной камеры. Маша каждое утро уходила в лес, возвращаясь незадолго до сумерек. Она как всегда не могла противостоять охотничьему инстинкту, о чём позднее горько жалела. Одно дело собрать и притащить всё домой, и совсем другое до полуночи чистить, перебирать, варить и сушить свою добычу.

Решив, что пора остановиться, она наконец-то распаковала ноутбук. И история повторилась. Ночи становились всё холоднее, и огромный дом постепенно выхолаживался. Девушка была настолько увлечена, что порой забывала даже камин разжечь, о том, что в подвале имеется система газового отопления, она напрочь забыла. Ходила по дому, не выпуская из рук ноутбук, одетая в удобные меховые тапочки-сапожки и кутаясь в теплые свитера. Время летело. Она не заметила, как настрочила свою «нетленку», несколько раз перечитала, погружаясь в мир собственных фантазий, и наконец-то вернулась в реальность.

Девушка с ужасом обозрела царящий в доме беспорядок. Включив отопление, она затеяла генеральную уборку, прогрела сауну, приготовила праздничный ужин, посвященный окончанию трудов праведных. И не успела сесть за стол, как зазвонил телефон.

— Отвлекли меня разговорами по работе, — извиняющимся тоном произнёс Витя. — В общем, Машутк, не сдержал я слово, явлюсь пред твои очи уже минут через десять. На блины особо не рассчитываю, хватит и чая с вареньем, но о грибочках с картошечкой буквально мечтаю. У меня новостей море! Просто улётных!

Девушка, гадая, что же там за новости, взглянула на накрытый стол. Еды на двоих хватило бы с избытком, но желание друга — закон. Радуясь, что он не приехал днём раньше и не застал царивший в доме хаос, она кинулась на кухню размораживать грибы и чистить картошку.

Своим приездом товарищ произвёл фурор. Дорогущий внедорожник впечатлил даже равнодушную к автопрому Машу.

— А это откуда? — удивилась девушка.

— Служебный, — отмахнулся Витя. — Машка! Сюжет у меня суперский будет! — с воодушевлением затараторил он. — Но это не главное. Все три твои книги удалось издать ни много ни мало десятитысячным тиражом! И главное — все куплены! Это феноменально! Сотрудники издательства в шоке. Весь тираж разлетелся буквально за четыре дня. Вот кстати, — он полез в

свою сумку и вытащил книгу в глянцевом твердом переплете, — авторский экземпляр. А это, — он протянул стопку бумаг и конверт, — предложение от некоммерческого издательства на переиздание каждой из трех книг тиражом в пятнадцать тысяч. И процент тебе предлагают прямо как известным авторам. Я тебе искренне завидую. Это, кстати, выручка с продаж. Ах, да! Ещё интересовались, имеется ли ещё что-нибудь к изданию.

Девушка, не веря ушам, взяла в руки конверт, оценила содержимое. Дохода, конечно, не получилось, но и не он был целью. Кого-то заинтересовали её книги, их раскупили, деньги отца вернулись. Всё это само по себе было поразительно. Не говоря уже о предложении от издательства. Маша, не глядя, отделила из конверта часть денег и протянула другу.

— Без обид, Витьк, но, если бы не ты, я бы никогда не попыталась писать. А если бы и додумалась, никто бы меня не издал. Попробуй издаться за свой счет. Надеюсь, хватит?

— Конечно, — на лице парня читалось искреннее удивление. — Ты, кстати, автограф-то на новом договоре поставь. Они желают работать с автором, пусть и через агента. А потом… — Витя вновь запустил руку в сумку и вытащил бутылку Машиного любимого игристого вина.

— Ммм…ах ты, подлец! Знаешь, как уговорить женщину! Кстати, пока мы тут треплемся, твоя картошка сгореть может, — спохватилась она и кинулась на кухню.

Как оказалось, Витя немного слукавил, говоря, что желает съездить на место, которое планировал описывать в своей следующей книге и познакомиться с хуторянами. Оказывается, он нашел через интернет информацию о поселке с тем же названием, как и в Машиной книге, и даже предания народные похожие имелись. Вот и решил посмотреть на всё своими глазами, уж больно впечатлили его творческие эпосы подруги. По прибытии он узнал, что в поселке творится что-то неладное, и не удержался, провел расследование. Откопал он немало. У представителей правоохранительных органов была своя версия, отличная как от народного мнения, так и от Витиной довольно сложной логической цепочки. История оказалась запутанной и воистину достойной стать основой для детектива.

Факт реального существования этого поселения поразил девушку. Хотя наверняка почти в каждой деревеньке имеются похожие истории, но всё же казалось, что это не простое совпадение. Её непреодолимо потянуло посетить те места.

Как он умудрился за месяц нарыть столько информации? Возможно, придумал? Но Маша не решилась обижать товарища. Хотя если и придумал, то честь ему и хвала за сюжет. А случилось

якобы следующее: в деревне прокатилась череда странных событий. В одну ночь абсолютно нелепо погибли два живших по соседству человека. Одинокий дед умудрился утонуть в собственном колодце, а его сосед заменил своего сына на ночном дежурстве на пилораме, а на утро его обнаружили обезглавленного и изрубленного. Ещё более странным Вите показалось то, что на следующую ночь после гибели мужчины его семья исчезла. Вещи, продукты остались на месте, но ни людей, ни скота, ни собаки не было. Как можно вот так бросить родной дом? Не поприсутствовав даже на похоронах родного человека? Как выяснилось позднее, они успели посетить управление и выписаться из занимаемого их семьёй дома. Всё это насторожило несостоявшегося до сих пор детективщика, и он взял след, как ищейка.

Первым делом он переговорил с селянами. Их версия вполне имела право на существование, но что-то подсказывало парню — всё не так просто, надо искать, и будет сюжет. Дело в том, что неподалеку от деревушки прокладывалась новая высокоскоростная трасса, и делать съезд-развязку для тупикового населенного пункта, состоящего из нескольких десятков домов, не планировалось. Но за деревней было озеро, точь в точь как в Машиных книгах. Прилегающие к нему земли выкупил какой-то богач, имени которого узнать так и не удалось, тот действовал через третьих лиц — инкогнито. Именно он умудрился согласовать проект и прокладку съезда. Новая дорога пролегала через деревню. Семьям, чьи дома мешали, предложили переехать с улучшением жилищных условий в ближайший сравнительно крупный населенный пункт. Кто-то согласился, а жильцы двух домов уперлись. Дед хотел умереть на своей родной земле, что вскоре и сделал. И в этом случае, ещё можно было предположить, что он в темноте свалился в колодец. Хотя странно — всю жизнь не проваливался, а тут на тебе. А вот история с соседом как раз и насторожила Витю. Глава семьи отказался от переезда, сославшись, что у него тут своя пилорама, и ни он, ни сын ни к чему больше не приучены. В ту ночь должен был дежурить его сын. Если предположить, что кто-то специально повредил диск циркулярной пилы, то получается, покушались-то на него, а не на отца? А что это даст? Семья не бросит всё. Витя был уверен: мужчина оказался случайной жертвой. И последующее исчезновение семьи в подобных обстоятельствах тоже наводит на мысли. Местные вполне обоснованно на первый взгляд свалили все грехи на прокладчиков дорог и обосновавшегося возле озера богатея.

И если народная версия имела право на жизнь, то версия

правоохранительных органов поразила своей банальностью — несчастный случай.

Возмущенный столь явным пренебрежением служебными обязанностями, Витя через знакомых навел справки о семьях погибших. К деду действительно никаких вариантов, кроме случайности или устранения, прилепить не удавалось. Да и доказательств последнего не было. А вот с пропавшей семьей пришлось повозиться.

Состояла эта семья из отца, его сына от первого брака и жены. Родная мать мальчика двенадцать лет назад бросила мужа с детьми, удачно вышла замуж за неимоверно возвысившегося в девяностые северного магната. Полгода назад, после странной гибели мужа, женщина превратилась в богатую вдову. Но вскоре была объявлена без вести пропавшей. Детей общих у них не было, в то время как у почившего супруга имелся опальный сын. Согласно завещанию, имущество должно было распределиться между отпрысками супругов. Значит, гибель главы семейства — случайность, целью был парень. Но ошибка на пилораме и одновременная смерть соседа привлекли внимание как органов, так и общественности, видимо, поэтому горе-наследник и предпринял экстренные контрмеры по устранению конкурента. К тому моменту по соседству уже никто не жил и свидетелей не могло быть по определению, за исключением ни в чем неповинной жены хозяина дома. За что та и поплатилась.

— И вот теперь у меня есть невероятный сюжет! — в заключении произнёс Витя.

— Да уж. Ты прирождённый детектив, — только и смогла ответить пораженная девушка, так и не решившая, верить ли другу.

— Почти. Мы с тобой девять лет знакомы. И я всегда был уверен, что ты со мной честна. А теперь усомнился. Вот ты мне скажи. Только не ври, ладно?

— Я тебе никогда и не врала, — немного обиженно произнесла девушка.

— Допустим. Ты говорила, что пишешь исключительно на основе своих снов. Ты никогда не бывала в тех местах и считаешь их плодом своей фантазии. Так?

— Да.

— И ты никогда не искала информации об этом месте в интернете? Или, возможно, случайно читала о нём?

— Ты идиот? — воззрилась на него Маша. — Мне что, еще с яслей надо было в интернет влезть? Должна заметить, в то время на территории России только появлялись первые допотопные компы, и ни о каком интернете речи не было. То есть, не

исключаю, что в банках, крупных организациях и специализированных ВУЗах, возможно, и были, но уж явно недоступные для рядовых пользователей ясельного возраста.

— Ладно, ладно. Прости. Я не хотел тебя обидеть. Всё так странно. Это место. Оно существует. История, которую ты описала в трилогии, это по своей сути подробный вариант местной легенды. Та, конечно, изложена несколько под другим ракурсом, но от этого факты в данном случае не меняются. И блин, Маша! Общаясь с местными, я оказался в одном доме. У них на стене весит большая рамка с семейными фотографиями. На одной из них ты! Я её сразу заметил. Она черно-белая, краюшки фигурно обрезаны под старину, но в том, кто на ней, нет сомнения! На вопрос, кто это, меня едва веником из дома не выперли. Как я должен это понимать?

— Никак. Я хочу побывать в этой деревне и в этом доме.

— Могу дать адрес, но своим ходом ты туда не доберешься. Хотя это стимул побороть страх перед управлением железным монстром, — парень покосился на так и не съезжавший со своего места Машин внедорожник.

— Вот уж нет! Ты меня отвезёшь, — безапелляционно заявила девушка. — Ты же хочешь понять, как я связана с этим местом?

Они долго ещё проболтали, и наутро отправились в город.

По возвращении Машина жизнь завертелась волчком. Фирма отца по-прежнему работала бесперебойно, но вот прямое сотрудничество с издательством совершенно не оставляло места для личной жизни. Переговоры, интервью, встречи с читателями, которых оказалось не так и много. Как выяснилось, большую часть прошлых тиражей отправили в другие регионы, куда тоже планировались поездки. Витя проинформировал издательства о появлении новой книги внезапно взлетевшего на небосклон известности автора и умчался в очередную командировку. Около десятка издательств тут же настойчиво атаковали девушку. Являясь полным профаном в хитросплетениях и юридических подводных камнях издательского дела, Маша не знала, кого выбрать. Перед подписанием следовало изучить каждую строчку предлагаемых договоров и выбрать один-единственный. Плавающий в этой сфере как рыба в воде Витя хронически находился вне зоны доступа. Решив не мудрствовать, Маша продолжила сотрудничество с тем же издательством. Но на этом проблемы не кончились, попросили написать аннотацию. Что это такое, и с чем его едят? Пришлось вникать в тонкости её написания, многократно переделывать малюсенький клочок текста, добиваясь, чтобы он мог навести читателя на мысль о содержании книги, заинтриговать, но не сказать ничего лишнего.

И всё бы ничего, но ограничение в количестве знаков угнетало. А в довершении ко всему позвонили из университета и поинтересовались причинами отсутствия на занятиях.

Вскоре вернулся переполненный впечатлениями Витя. Из сумбурных, сбивчивых рассказов девушка только и вычленила, что у друга всё хорошо, он дописал книгу, и её приняли к изданию. О поездке в деревеньку из Машиных снов друзья забыли напрочь.

Написание следующей книги продвигалось черепашьими темпами. Одна глава в неделю написана? Уже хорошо. Кратковременные визиты в фирму, учеба, куча каких-то мелких дел отнимали почти всё время. Когда писать-то? Чашку кофе выпить некогда. Девушка не заметила, как пролетел Новый год, пришла весна, и только в начале лета смогла облегченно вздохнуть. Начались каникулы. Отпала необходимость пять дней в неделю вырывать время на учебу или чувствовать вину за вынужденные прогулы. Однако на лето выдали практическое задание — написать доклад на основе народного фольклора. К ним должны были прилагаться не только легенда, но и интервью с очевидцами. «Работа в полях» подразумевала поиск темы и выезд из города, а при Машиной занятости это было весьма затруднительно. На что девушка и посетовала старинному другу.

— Так за чем дело стало? — уставился на неё товарищ. — Ты давно хотела съездить в ту деревеньку. Давай-ка садись за руль, подруга. Хватит страховку и ТО просто так оплачивать. Я б свозил, но сама видишь, тоже зашиваюсь. Подробный маршрут дам, а там разберёшься, не маленькая.

Маша недолго колебалась. Желание убедиться в том, что место из снов существует, нахлынуло с новой силой. Девушка даже наняла инструктора по вождению для закрепления навыков. Неделю спустя она подъезжала к небольшой деревушке, где действительно вовсю велись дорожные работы.

Въехав в деревню, она остановилась. Надежды начали таять на глазах: эта часть селения даже отдалённо не напоминала её сны. Хотя… если присмотреться, у того дома конёк знакомый, но он был деревянный, а этот скрыт за многочисленными слоями краски. А соседний вообще какой-то современный: забор сетка, окна пластиковые, обшит сайдингом. «Наверное, дачный. Местным такое не по карману», — предположила девушка.

«Столько мечтать, а оказавшись на месте, не знать, что делать,» — усмехнулась она и, решив прогуляться пешком, вышла из машины. День выдался солнечным и безветренным. Непривычно чистый для городского жителя воздух опьянял. «Надо где-то остановиться. Постучаться в первый попавшийся дом

или спросить совета у Витьки?»

Маша достала телефон. Сети не было.

— Вот черт, — выругалась она.

Вышедшая в этот момент из ближайшего двора пожилая грузная женщина обернулась на звук её голоса. В глазах мелькнуло неверие, смешанное с узнаванием. Крестясь и причитая, старуха кинулась прочь.

Маша пожала плечами и забралась обратно в салон авто. Поселок не так гостеприимен, как она ожидала. Проехав чуть дальше, она увидела то, во что боялась верить: дом, где жила её сестра из снов — Клава. Крыша немного прохудилась, но сомнений не было — это он! Остановилась. Вышла из машины. Память тут же восстановила образ живущей здесь девушки. Фигуру, рост, длинные светлые волосы, черты лица. И в этот момент дверь дома открылась, и на пороге появилась — она! Маша как завороженная смотрела вслед скрывшейся в хозпостройках девушке. Она потёрла глаза, ущипнула себя: «Это не сон!» Хотя её сны всегда были слишком реальны, как отличить, явь это или нет?

Выйдя из машины, она по свойски просунула руку в ничем не примечательную щель между досок калитки, подцепила пальцем петельку, замочек щелкнул, и дверца с тихим скрипом подалась вперед. Стоило войти во двор, и там же показалась «сестра». Светловолосая встала как вкопанная, смотря на гостью.

— Клава? — нерешительно произнесла Маша.

— Ааа, — странно отреагировала та в ответ и, поворачиваясь в сторону дома, крикнула: — Ба! К тебе пришли.

Минуты две ничего не происходило, затем скрипнула входная дверь, и на улице появилась сухонькая старушка лет семидесяти. Её выцветшие глаза, не мигая, уставились на Машу.

— Варька! Как ты смогла? — воскликнула она и с неожиданной прытью кинулась навстречу, заключив девушку в объятия.

Пожилая женщина, что-то приговаривая, завела гостью в дом. Маша следовала за ней словно в трансе. Только сейчас она осознала то, на что абсолютно не обращала внимания: во снах её действительно звали Варварой! Написала уже четыре с половиной книги об этом и не заметила? Талант! Что делать-то? Сказать, что это ошибка, или согласиться? Ведь там, во снах, она ею и была. Планировка дома оказалась знакома, а вот обстановка частично изменилась. Маша подошла к резному платяному шкафу, коснулась его рукой и воспоминания вспыхнули в сознании: рыжеволосый парень, деревенский плотник подарил сестрам своё творение.

— Степашка-ромашка золотые ручки. Ты сохранила его, — неожиданно для самой себя с теплой улыбкой произнесла девушка.

— Как церквушку с домом спалили, только он чудом и остался. Полвека прошло, а мне всё кажется, я запах чувствую. Варя, Варенька! — не переставая гладить гостью по плечам и спине, приговаривала старушка, и слезы медленно стекали по её щекам. — Прости меня дуру старую, не смогла я тебя уберечь…

Всё это было слишком странным. Нервы были на пределе, хотелось бежать прочь. Подальше от этих людей, этого места. В голове не укладывалось, что Клавдия — это обнимающая Машу сухонькая старушка, а не похожая как две капли воды на «сестрицу» из снов девушка, стоящая чуть поодаль. Гостья терялась: как себя вести. Пожилая женщина одновременно ощущалась и чужой, и родной.

Ни с того, ни с сего в памяти пронеслись события последней ночи. Вопреки обыкновению, сон напоминал кошмар: Маша или, точнее, Варя оказалась подло заперта в деревянной церквушке, которую облили керосином и подожгли ненавидящие её местные кумушки. Сначала девушка металась в ужасе, голосила что было сил, но никто и не думал прийти на помощь. Едкий дым щипал глаза, заставлял свою жертву выворачиваться наизнанку в приступах удушливого кашля. И вдруг страх ушел, уступив место гневу. Сквозь шипение быстро схватившейся древесины, донеслись раскаты грома, завывание ветра, двери церквушки, словно снесенные мощным тараном, слетели с петель, а на улице, неумолимо туша пламя, бушевал невиданный по силе ливень. Стоило покинуть удушливый плен, и стихия начала утихать. Едва отдышавшись, девушка из последних сил поплелась к дому, откуда несколько дней не выходила. Но никто её больше не тревожил, попритихли бабоньки местные. А когда она наконец-то вышла из дома и направилась к берегу озера, царящую вокруг тишину разорвал звук выстрела. Щемящая боль пронзила спину. Рука коснулась груди и окрасилась кровью. Варя ощущала, как жизнь капля за каплей вытекает из неё. Обида накатила, заслонив собой все чувства. «За что? Я никому не желала зла. Мечтала о любви… ну что ж, я по вашей воле жить не буду, и вам тогда не жить!» И мир уплыл, и вновь вернулся. Больше не существовало боли, запахи исчезли, остались картинки, мысли, звуки и обида, которой не было прощения. Маша проснулась утром в холодном поту, и откуда-то пришло понимание: снов больше не будет, только реальная жизнь.

Девушка, вспомнив Витины слова про фото, обежала взглядом бедно обставленную, но уютную комнатушку. Между

окнами обнаружилась рамка с десятком фотографий. Мягко отстранив не прекращающую причитать старушку, Маша подошла ближе и присмотрелась. Забыв спросить разрешения, она сняла рамку со стены и вытащила фото своего двойника.

— Мы на удивление похожи, — гладя изображение, произнесла она и столкнулась взглядом с ничего не понимающей светловолосой. — Но я не Варвара, то есть: днём я — это я, ночью — она.

Белокурая внучка Клавдии непонимающе переводила взгляд с бабушки на гостью.

— Да, да, девочка, прости. Конечно же, ты не она. Но в тебе её часть, я чувствую. Твою мать звали Леной?

— Откуда вы знаете, что её уже нет?

— Чувствую. Но ты не ответила.

— Да.

— Значит, выжила-таки, продолжила Варькину линию. Молодца… тебе двадцать пять, наверное?

— Да.

— Мать родами умерла во столько же?

— Но откуда…

— Сны-то вспомни, того гляди поймешь.

— Вы ведьма?

— Ну… зачем так? Сама такая же. Не случайно Варя тебя в наши места заманила, сама б ты дорогу не нашла. Вокруг тебя зло вертится. Да и тут сейчас нечисто… ой, нечисто. Да что же я? Вы знакомьтесь, что ли? — зачастила старушка и умолкла в ожидании.

— Маша, — после неловкой паузы робко произнесла девушка.

— Ну вот и чудно. Меня ты и так знаешь. А это Светланка, внучка моя. Дочка-то замуж за военного выскочила, да вот не повезло, как и большинству женщин из нашего рода… жизнь малышке дала, а свою потеряла. А отец колесит теперь по всей Руси, а Светка здесь, у меня. Не дело девке по временным квартирам мотаться, да и мне старой — подспорье, — продолжала старушка, а бросив взгляд в окно, добавила: — Машину-то отгони, а то всю дорогу перегородила. Не дай боже, зацепит кто. А я пока чаек заварю. На травках. Сама собирала. Светка, комнату гостье приготовь. Нече стоять, рот разинув.

Маша, как загипнотизированная, вышла на улицу, села за руль, перепарковала машину и вернулась в дом, где уже витал аромат свежезаваренных трав.

— Я словно чувствовала, что гости у нас будут, — причитала Клавдия, — с вечера тесто поставила, а с утречка уже и пирогов напекла. Да ты не жмись по углам, словно чужая. Кровинушка ты

наша…

— Кровинушка? — растеряно повторила гостья.

— Да ты присаживайся, я побаю. Светка вон тоже глазами хлопает.

Вскоре все трое удобно устроились за старым колченогим столом со старомодной скатертью ручной вязки, покрытой прозрачной клеёнкой. На деревянной подставке парил старый с отбитой местами эмалью чайник, сахарница, чашечки, блюдца, пиалы с медом и каким-то вареньем, пироги.

— Так вот, — разлив по чашкам, начала своё повествование пожилая женщина. — Жили мы со старшей сестрой, Варькой, неподалеку возле озера. Пришли военные, кого просто выгнали с насиженных мест, а особо упертых истребили. Мать-то уже схоронили тогда, а отца куда-то угнали. Мы с Варькой девками малыми ещё были, и нас не тронули. Какое-то время жили вдвоём. Потом приблудился беглый старик священник, а следом народ эшелонами в наши края подался. Кто-то семьями, но больше бабы одинокие или с детьми. Занимали заброшенные дома, да и обживались помаленьку…

— Я-то тут причем? — не выдержала Маша.

— А ты наперед не забегай. Слушай, коль старшие говорят, — упрекнула девушку рассказчица. — Жили поначалу дружно. Да и не до раздоров было. Легко ли хозяйство с пустого места налаживать? Мы чем могли помогали. Кому по первости молочка, кому яйца. Хоть и малые были, а скотину сами содержали. Священник нам посильно помогал, помнится. Иногда у кого дитё захворает, или роды принять надобно, так Варька, не боясь пересудов, всё делала. И за хворой скотиной смотреть приходилось. Травы для отвода глаз использовала. Не нужны они ей были, да иначе суеверные, несмотря на доброту и помощь, вообще на костер отправили бы. Рискованно это было, но коли люди просят, как отказать? А потом приехали партийные. Ячейки создавать, совхоз организовывать. В то время Варька бурным цветом расцвела и о любви всё мечтала, о единственном, неповторимом. Да только где ж ему взяться, коль на деревне баб в пять раз больше, чем мужиков? Так вот один партийный припугнул её, мол, или… — старушка сделала многозначительное лицо, — или отдам под трибунал и тебя, и сестру. Поглумился и укатил восвояси, а Варька-то хворой себя почуяла. Как поняла она, что ребенок у неё будет — руки на себя наложить хотела. Мы со священником на силу её утихомирили. Но она всё одно толковала: грех на душу возьму, а его выродку всё равно жизни не дам. Благо понесла она в начале лета, беременность в тайне удалось удержать. К осени Варька больной

сказалась и в селение не выходила. А с холодами ничего не видно под одёжей стало. Родила она в середине марта, да тут же хотела дитя жизни лишить. Да только родилась девочка, да такая милая, что у неё рука не поднялась. Варя ей даже имя дала — Елена. На том всё и кончилось, видеть дитя она не желала. Тогда священник увёз куда-то малышку. Сказал, что в приют сдал. А мужики как почуяли, что она теперь не девица, а женщина, и как с цепи сорвались. Бабы вызверились и месть затеяли. Не стало Варьки.

— Да, мама в марте родилась, — подтвердила девушка, про себя отмечая, что помнит историю с партийцем немного в иной интерпретации, а фрагмента с беременностью и родами вообще не было в её снах.

— Может, отец что-то рассказывал? — поинтересовалась старушка.

— Папа изредка вспоминал о ней. Но я не особо интересовалась. Я ж её не знала.

— Ну, тебя тоже понять можно, коль ты и в глаза-то её не видывала никогда. Ну, а так… на фотокарточке, бабушка твоя… — и, опустив взгляд, Клавдия добавила: — Но она умерла давно…

— Знаю, — взглянула на неё Маша. — Народ глупость сотворил. Хотя их тоже понять можно. Она довольно эгоистична была, всё только со своей точки зрения видела.

— Может и так, но я тоже хороша. Могла же заметить неладное, предупредить, чтоб в леса ушла.

— А она ушла бы? — припоминая характер девушки из снов, уточнила Маша.

— Вряд ли. Да от того не легче. На душе-то камень. Она ж обозлилась и мстить им стала. Пришлось выбирать между ней и живыми людьми. Жалко их стало. А она обиделась, посчитала, что её предала. Вот и сейчас тут что-то неладное творится. Как люди возле озера обосновались, так в поселке странность за странностью происходит. Не к добру это. А тут ещё и ты. Не подумай, что тебе не рады. Но неспроста это. Ой, неспроста. Не зная своих корней, в такую глушь забраться и к нашему дому прийти — чудо? Возможно. Да только жизнь не такая добрая штука, как хотелось бы.

Чаепитие за разговорами плавно перетекло в обед, а там и ужин подоспел. Светлана на время отлучилась скотину загнать, да подоить, а Маша всё не могла наговориться с Клавдией. Старушка вспоминала былое, расспрашивала девушку о её жизни. Строила предположения о том, что же на самом деле привело её в эти места. Спать легли далеко за полночь. Маша долго не могла сомкнуть глаз. В голове всё смешалось: явь — не явь.

Снов не было. Однако проснулась девушка на удивление бодрой, даже счастливой. Казалось, всё так и должно быть, она — дома. Вот только непреодолимое желание посетить дом у озера не давало покоя. Клавдия, заметив стремление девушки, обо всём догадалась и стала отговаривать:

— Девонька, не ходила б ты туда. Ничего интересного там нет. От дома остался только фундамент, да печь.

— Пусть так. Хотя бы озеро увижу, — упиралась Маша и в итоге настояла на своём.

Выехав за деревню, девушка порадовалась, что у неё внедорожник. В нужном направлении вела едва заметная дорожка, на которой в полный рост топорщилась слегка примятая трава. Возле леса обнаружился показавшийся знакомым джип. Припарковав машину рядом с ним, Маша нашла единственную хоженую тропу, ведущую вглубь зарослей. Пропетляв минут пять, она вышла на берег и застыла. Это место было непередаваемо красиво! Прозрачная водная гладь блестела в косых лучах утреннего солнца, то тут, то там всплескивали на поверхности рыбки. Неподалеку в подлеске, судя по уходящему вверх столбу дыма, кто-то жег костер. Зеленая, сочная трава напоминала яркий ковер…

— Ты пришла? Днём? — донёсся из-за спины полный удивления, знакомый голос.

Девушка обернулась и уставилась на Витю. На парне из одежды были только плавки. Очевидно, он недавно искупался: с влажных волос падали капли воды и медленно стекали по коже.

— Ты же говорил, что весь в делах и подвезти не можешь! — вспомнив свои мучения при выезде из города, обиженно выпалила Маша.

— Ну… я и не собирался, — растерялся было парень, потом на его лице мелькнуло понимание. — Так уж вышло. Сюрприз сделать хотел… видать, не вышло, — тихо добавил он. — Сам не знаю, зачем меня сюда принесло. Может, по тебе соскучился?

— Ты для пущего эффекта ещё в любви признайся, — съязвила Маша. В другое время она обрадовалась бы компании друга, но сейчас его присутствие раздражало. — И всё же, помимо сказок: какого тебя сюда принесло?

— Мда уж. Не ожидал такого приема. Во-первых, меня осенили кой-какие догадки, а проверить их можно было только в посёлке. Во-вторых, был уверен, что ты придёшь сюда. Думал, посидим, поболтаем, расскажешь, что нарыла.

— Ладно, извини, — понимая, что слишком агрессивно отреагировала, пошла на примирение девушка. — Слишком много всего навалилось. В голове каша. А тут ты…

— Пойдём, — скрываясь в прибрежном кустарнике, Витя поманил подругу за собой.

Пробираться пришлось сквозь почти непролазные заросли, но, достигнув цели, Маша с удивлением уставилась на открывшуюся картину. Перед ней простиралась залитая солнцем, свежевыкошенная полянка, посередине четко выделялся прямоугольник фундамента. В центре возвышалась закопченная и местами поросшая мхом печка-лежанка, на которую был брошен матрац. Это место навевало неимоверный покой.

— Прямо-таки сказка про Иванушку-дурачка, — усмехнулась девушка.

Возле одной из стен сохранилась сделанная из толстого бревна скамья. На поросшем травой полу лежал кусок ткани, а на нём полный набор для пикника.

— Ой, совсем с тобой заболтался, — воскликнул парень и бросился куда-то в сторону.

Только сейчас девушка заметила стоящий в отдалении мангал. Здесь она ещё больше ощутила себя дома. Витькино присутствие вдруг перестало раздражать, наоборот, Маша увидела его новым взглядом: взглядом женщины. «Но ведь он для меня как брат!» — одернула сама себя девушка. Но так и не смогла оторвать взгляд. Она поймала себя на мысли, что это не её чувства, словно кто-то навязывает ей свои желания. Было что-то неправильное во всем этом. В принципе, с момента её появления в Патошино всё происходящее никакими другими словами, нежели — странно, описать было невозможно. С одной стороны, всё по-прежнему казалась правильным, а с другой, необъяснимая нереальность, чуждость начинала ощущаться всё сильнее. В это время Витя направился к импровизированному столу. Вместо того, чтобы переступить невысокий фундамент, он обошел якобы сохранившее целостность здание и, пригибаясь, словно боясь зацепить притолоку, вошел «внутрь». Дальнейшее его поведение показалось не менее странным: он петлял, минуя невидимые двери. Маша прекрасно помнила планировку дома, он двигался правильно. Но откуда он знал? Да и зачем эти фокусы? Или это и есть его сюрприз? Тем временем друг потянулся к невидимому окну:

— Топай сюда! — позвал он.

У Маши от звука его голоса едва ноги не подогнулись. «Да что это со мной?» Девушка зажмурилась, потерла лицо руками. Наваждение вроде спало, перед ней стоял её Витька и никаких лишних рефлексий по отношению к нему уже не возникало. Успокоившись, она решила подыграть товарищу: обошла некогда стоявшее здесь здание и вошла через давно не существующую

дверь. Но парень её старания не оценил. Ощутив неожиданно проснувшийся аппетит, Маша налетела на угощение.

— Классный здесь вид из окон, согласись? — неожиданно произнёс Витя.

— И с этим не поспоришь, — не переставая жевать, продолжила навязанный ей спектакль девушка.

— В общем деньги кой-какие у меня есть, и я подумываю: а не купить ли этот домик?

— О да! — наслаждаясь театральной постановкой, засмеялась девушка.

— А что? Я ещё в первый раз нашел это место. Оно мне понравилось. Домик старенький, конечно, но крепкий, и печь добротно сложена. Я ночевал тут уже не раз…

Маша настороженно следила за продолжающим разглагольствовать парнем. Складывалось впечатление, что он говорит всерьез. «Да нет, — не поверила девушка. — Он дурачится и слишком вошел в роль…»

— Ты выяснил, кто тот богатей, что купил эти земли? — наблюдая за реакцией друга, невпопад поинтересовалась Маша.

— А… да, это тот самый наследничек. Не так и беден он оказался, хоть и изгой.

— Эти земли уже куплены, как же ты собираешься этот участок взять?

Парень задумался.

— Если удастся вывести его на чистую воду, сделка будет считаться недействительной.

— Во-первых, с чего бы? Во-вторых, ты же сам сказал — он всё делает через подставных лиц.

— Тогда… не знаю, — на лице друга отразилась растерянность.

— Вить, не коси под идиота, тебе не идёт, — спектакль утомил девушку, время неумолимо утекало, в городе ждали дела, а она и здесь не всё ещё закончила. — Спасибо за пикник, но мне пора.

— Как всегда, — грустно произнёс парень.

Стоило ей выйти в несуществующую прихожую, и Витя, словно не замечая стоящую в паре метров от него девушку, со всей силы ударил кулаком в скамью, выругался и залез на печь. Неприятно удивленная такой переменой в настроении друга девушка перестала ломать комедию и, переступив через просевший фундамент, направилась к своей машине. Хотелось убраться подальше от постепенно сводящего её с ума места.

Глава 3. Кардинальные перемены

Возвращение в город напоминало пробуждение. Легкие с трудом вдыхали влажный, наполненный выхлопными газами и пылью воздух, редкие оазисы зелени резали глаз сероватой, пожухлой листвой. Вокруг царила суета. Но зато пропало ощущение двойственности. Уверенность в том, что это точно не сон, радовала. Маша в последние дни стала всерьез волноваться о своём психическом здоровье.

Припарковав машину, она забежала в супермаркет и, нагруженная покупками, подошла к подъезду. Сидящие на лавочке бабульки с добродушными улыбками поприветствовали девушку. Маша знала, стоит скрыться из вида, и ей основательно перемоют кости. Но по крайней мере, здесь никто, крестясь и причитая, не кидается прочь.

В голове после поездки бардак. «Надо бы отдохнуть. Всё осмыслить в спокойной обстановке, накатать доклад для универа. Да и книгу закончить не помешало бы…» Девушке хотелось закрыть эту страницу своей жизни. Забыть о преследовавших с детства снах, даривших обманчивое ощущение полноценной жизни, о минувшей поездке, о странном порыве по отношению к Витьке. «Надо всю текучку разгрести и на недельку, а то и две махануть на дачу. Там как раз докладом и книгой займусь. А потом…»

— Нет уж, никаких потом! — скомандовала себе девушка и, включив ноутбук, зашла на сайт агентства путешествий и на добрые два часа погрузилась в изучение предложений.

Не дожидаясь утра, Маша оформила заказ тура в выбранный отель на территории Испании. «Отключу телефон, и гори оно всё. Да здравствует новая жизнь! Новые ощущения! Пожалуй, я даже закручу роман! И опишу его в новой книге… никакой больше мистики! Приключения, любовь… ну, или хотя бы банальная страсть!» — решила девушка.

За два дня автоответчик и почта оказались завалены сообщениями настолько, что на их разбор ушло полночи. И текучки накопилось неожиданно много. До дачи удалось добраться лишь три дня спустя. Необходимость ворошить воспоминания о поездке в Патошино не радовала, однако отчёт вскоре был написан. А вот книга… главная героиня вдруг стала чужой, а вновь вживаться в образ совсем не хотелось. Девушка диву давалась: «Каков парадокс восприятия: грезила во снах, считала, что сама свою судьбу там строю, оказалось, нет, вижу фильм о чужой жизни, сопереживаю, но не чужому же человеку,

родному. Ан ведь нет, всё одно как отрезало, даже вспоминать не хочется… будто Варвара виновна в том, что я своей реальной жизни сны предпочла…» Сроки жали. Всему виной опрометчиво заключённый договор. Перечитывая последние главы, Маша ощущала, что опять попадает под влияние своего второго «я». Это пугало. Она старалась абстрагироваться от образа. Выдумать концовку. Лишь бы не окунаться в засасывающие, словно трясина, воспоминания. Писать было сложно. Слова не шли, история казалась надуманной. Благо оставалось дописать всего пять глав. Но они были заключительными и, как оказалось, самыми сложными. Наконец-то покончив с историей, девушка отправила файл редактору и в предвкушении перемен перешла к сборам чемоданов.

— Мария Степановна, здравствуйте, — за два дня до вылета позвонил один из сотрудников издательства. — Вы говорили, что улетаете, но у меня к вам просьба. Не могли бы вы поучаствовать еще в одной встрече с читателями? Это много времени не займёт.

— Когда и во сколько? — желая поскорее отделаться, спросила Маша.

— Завтра в шестнадцать тридцать, — с облегчением произнёс мужчина и продиктовал адрес.

Маша, решив отдать последнюю дань прошлому, согласилась.

Очередной книжный магазин, в котором на прилавках даже не видно её книг. Это и обилие камер очень удивило девушку. По сути, она зря потратила время, приехав сюда. Ни одного посетителя за полтора часа, не говоря уже об обещанных читателях. Девушка недоумевала: что движет издательством? Наверняка за проведение данного мероприятия требуется выплатить некоторое вознаграждение магазину? Очевидно, должна заранее даваться реклама мероприятия, но о какой подготовке может идти речь, если она сама об этом накануне узнала? Маша взглянула на часы. Согласно договорённости, она обязана еще тридцать минут отсидеть здесь. Коротая время, девушка открыла ноутбук и запросила в поисковике название своей книги. Результат: не более двадцати ссылок, связанных с удивлением авторов и издателей скоростью реализации её произведений. Она загнала свою фамилию и имя, те же самые ссылки. Ни одной рекламы, ни одного обсуждения, ни читательских отзывов, ни критики. Девушка пожалела, что раньше не удосужилась влезть в интернет и проверить. Стоило ли сейчас тратить драгоценное время, бессмысленно высиживая здесь?

Создавалось впечатление, что издательство печатало книги, они неведомо откуда узнавшими людьми распродавались крупными партиями и исчезали. Как иначе объяснить полное

отсутствие информации во всех поисковиках? Звякнула колокольчиком входная дверь, девушка оторвала задумчивый взгляд от монитора. В магазин вошел невысокий, полноватый полицейский лет сорока, судя по погонам — майор, следом вошел высокий худой полковник.

— Мария Степановна Вронская? — обратился майор к девушке.

— Да, — подтвердила она.

— Главное управление Министерства Внутренних дел России, майор Александр Сергеевич Синельников, — представился мужчина. — Полковник Вячеслав Ярославович Громко, — указал он взглядом на коллегу.

«Что им надо? Машина нормально припаркована. Да и они не из ГИБДД. Возможно, в фирме не всё гладко, и укрываются налоги?» — Маша смутно представляла, кто в таких случаях занимается правонарушениями.

— Майор, я в состоянии самостоятельно представиться, — тем временем огрызнулся худой и ткнул свою ксиву в лицо ничего не понимающей девушки. — Предъявите документы, — И пока Маша копалась в сумочке, понизив тон, добавил: — Вы подозреваетесь в причастности к делу о ряде ограблений и убийств. Не привлекая внимания, проследуйте за нами. И не пытайтесь бежать, — при этих словах его холодный взгляд пронизал девушку насквозь.

— Я и не… — заикаясь выдавила Маша, но запнулась.

«Ограбления? Убийства? О чём они? При чём тут я?»

Маша быстро собрала вещи и молча последовала за людьми в форме.

— Мария… — майор кажется смутился, — мы не можем позволить вам самостоятельно перемещаться на автомобиле.

Девушке на мгновение померещилось в его взгляде сочувствие.

— Синельников, забываешься? Ты разговариваешь с подозреваемой! — каркающим шёпотом одернул коллегу худой и обратился к толкущемуся возле входа лейтенанту: — Смирнов, отгони машину гражданки Вронской на стоянку управления.

— Будьте добры, ключи, — произнёс подошедший к девушке лейтенант, чем тут же заслужил не предвещающий ничего хорошего взгляд полковника.

«Если меня забирают по обвинению, почему не хотят афишировать причину ухода? Какая разница, где будет моя машина? А если это не полицейские? Может, они вот так берут людей на испуг и всё? Я же им и ключи и документы сама отдала…»

Худой пугал её до дрожи в коленях, и спорить с ним девушка не решилась. Машина — это всего лишь деньги. Можно купить и другую. Жизнь явно дороже. Она сомневалась, что её станут убивать в разгар дня прямо на улице, но даже если она откажется садиться в машину, кто помешает им затолкать её в салон и вывести куда-нибудь в безлюдное место? Люди и с гражданскими-то связываться бы не стали, зачем кому-то чужие проблемы? А эти ещё и одеты как сотрудники правоохранительных органов…

Отдав ключи, девушка почти поверила, что её чуток поотвлекают, прыгнут в авто и скроются. Но нет. Её подвели к обычному полицейскому автомобилю, и майор, открыв заднюю дверь, «предложил» присесть. Она надеялась, что ей что-то объяснят в дороге. Но несмотря на пробки, за двадцать с лишним минут никто не проронил ни слова. Девушка приготовилась к худшему, но машина неожиданно притормозила возле какого-то здания, явно имеющего отношении к полиции. Осознав, что никто убивать её не собирается, Маша вздохнула с облегчением. «Это какое-то недоразумение. Сейчас всё прояснится, и меня отпустят…» — утешала себя девушка. Уж кто-кто, но она-то точно знала, что непричастна ни к каким грабежам и убийствам.

Помещение, в которое её привели, угнетало: небольшая излишне ярко освещённая комнатушка с свежеокрашенными стенами, из мебели — стол посередине, да два стула. С потолка таращится глазок камеры наблюдения. Маша с сарказмом подумала: «Вот тебе, подруга, и проявление мистики в реальной жизни. Хотела новых ощущений? Искала сюжет для новой книги? Получай. Желания имеют свойство сбываться… хотя жанр… Витьке идеально подошел бы…»

Прошло не менее получаса, показавшиеся девушке вечностью, прежде чем в помещение вошли те же двое: невысокий, пухленький майор с добродушным лицом наевшегося сметаны кота и пугающе суровый — худой.

— Мария Степановна, что вам известно о судьбе ваших прошлых изданий? — вкрадчиво мягким голосом произнес «кот», как мысленно прозвала майора девушка.

— Тираж первой трилогии с учётом переиздания семьдесят пять тысяч экземпляров, вторая книга тираж пятнадцать тысяч…

— Статистика нам известна, — резковато оборвал её полковник. — Нас интересует, насколько вы осведомлены о дальнейшей судьбе книг.

Маше показалось, что она смотрит старый фильм, где фриц допрашивает русского пленного.

— Я не интересовалась, — честно ответила она. — Согласно договору, я обязуюсь предоставить аннотацию, рукопись,

участвовать в немногочисленных встречах с читателями, и всё.

— То есть, вы утверждаете, что не знаете, в какие города, каким организациям и в каких объемах были отправлены ваши произведения? — промурлыкал «кот».

Маша только головой помотала, мол, нет, не знаю.

— И вас… никогда не интересовало… как не имеющее надлежащей предпродажной подготовки… никому неизвестное издание… начинающего автора… может расходиться в столь короткие сроки… огромными тиражами? — нависая над девушкой и разделяя для большей доходчивости фразу, сквозь зубы процедил полковник.

— Какой смысл забивать голову такими вещами? — не выдержала она. — Каждый должен делать своё дело: пекарь — печь, продавец — продавать. Они взялись за её издание, продвижение и реализацию. Неожиданно большие тиражи расходятся на ура. Я что, должна быть недовольна? Они выполняют свою работу и делают это хорошо. Каким чудом им это удаётся — не знаю. И если честно, меня это не волнует.

— Писательская деятельность является для вас средством получения дохода? — прокаркал полковник.

— Нет. Мне от отца осталась фирма, приносящая стабильный доход.

Устав от этой клоунады, полковник, стараясь лишний раз не попасть на глаза допрашиваемой, отошел за спину девушки. Безумно бесили бросаемые напарником ехидные взгляды. Необходимость участвовать в игре «хороший коп — плохой коп» раздражала. Вечно майор олицетворял сторону добра, его роль — стращать и быть злодеем. В обращенном к «подозреваемой» взгляде читалось сочувствие. Девчонку брали на понт. Следствие велось уже около года, но никуда кроме автора и издательства не привело. Никто и не думал её обвинять, напротив, было предпринято уже немало шагов по обеспечению её безопасности. После того как недавно один за одним почили несколько вполне молодых и здоровых сотрудников издательства, имевших некогда дело с её рукописями, угроза нависла и над автором.

Практика показывала, что только испугавшись, потенциальный свидетель, сможет максимально мобилизовать память и, в попытке оправдать себя, возможно вспомнит что-то косвенно связанное с происходящим, и в итоге сообщит что-то полезное для следствия. Порой этот метод оказывался весьма эффективен, именно поэтому и приходилось смиренно исполнять опостылевшую роль «плохиша».

— Предположим, — тем временем, играя свою роль, мягко произнёс майор. — Возможно у вас есть завистники, конкуренты?

Кто-то претендует на участие оставшемся вам по наследству бизнесу? Или вы кому-то мешаете по роду деятельности? Возможно вы описали чьи-то противозаконные действия в книгах? Дело в том, что нам не удалось ознакомиться с их содержимым. Файлы кто-то старательно уничтожил. Везде!

Всё происходящее напоминало бред сумасшедшего. Маша не верила, что всё это происходит на самом деле. Как она сегодня и предположила, её книги сразу после выпуска тиража раскупались крупными партиями. По словам сотрудников полиции, за исключением семи экземпляров, проданных через интернет, ни одной книги в розничную торговлю так и не поступило. Естественно, никого это не волновало, ну, возжелал кто-то профинансировать таким извращенным способом нового автора, флаг ему в руки.

Всё выяснилось абсолютно случайно. Сразу после издания скоропостижно скончался занимавшийся Машиной книгой редактор, мужчина был уже на пенсии, и вопросов это не возникло. После переиздания следующий сотрудник попал в аварию и скончался в больнице. И опять же никому в голову не пришло провести параллель между этими событиями. Вышла новая книга, и в этот раз женщина-редактор по необъяснимым причинами решила свести счёты с жизнью выбросившись из окна семнадцатого этажа. Один сотрудник на поминках горько пошутил, мол, эта Вронская, как чёрная вдова. Кто с ней свяжется — долго не живёт. Тогда никто не придал значения этим провидческим словам, но позднее их припомнили.

В различных городах участились случаи гибели бизнесменов, занимающихся книготорговлей. Каждый регион пытался разобраться с проблемой тихо, не привлекая внимания.

Как раз после издания последней книги на одном участке вдруг повысилась смертность. Четыре человека за неделю. Не старые, вполне благополучные, и все покончили с собой. Узнав о том, что все четверо перед смертью заказали и успели получить на почте одну и ту же книгу, следствие пришло к мысли о книжном маньяке. Сотрудники полиции связались с отделом маркетинга того сайта, где были произведены заказы, и отправили официальный запрос в издательство. Как выяснилось, двое из получателей уже скончались, а последний по счастливой случайности находился в этот момент в командировке. Оперативники, в надежде взять преступника на живца, выехали на место, но опоздали. Во всех семи случаях, приобретённые ныне покойными экземпляры бесследно исчезли. Книгу сняли с интернет витрин. За автором и сотрудниками издательства началась слежка.

Дальше — больше. Во избежание дальнейших смертей, было подписано распоряжение об изъятии остатков тиражей из розничного оборота. Вот только их там не было. Книги просто исчезли со склада. Однако попытки связаться с осуществившими закупки предпринимателями тоже не увенчались успехом. Бизнесмены повторили участь интернет-потребителей. Во всех городах картина получалась примерно одинаковая: груз получен, оприходован, но, не успев попасть на прилавки — похищен, о чём зачастую забывали заявить в органы, так как одновременно с похищением происходил какой-нибудь трагический несчастный случай с предпринимателем, что само по себе вызывало бурю событий, на фоне которых исчезновение партии товара — несущественная мелочь. Тем временем запутанное дело передавалось всё выше по иерархии МВД.

Наевшись проблемами по самое не балуй и искренне боясь и дальше иметь дело с «проклятыми книгами», как их теперь называли в издательстве, оно планировало расторгнуть договор с автором. Но надеявшиеся взять преступников на горячем, сотрудники полиции настояли на том, чтобы автор до поры до времени оставался в неведении. Однако информация каким-то образом просочилась в интернет, и появились сотни самоубийц, жаждущих почитать «запретное чтиво» никому неизвестного автора с феноменальными тиражами и будоражащей кровь историей. Возможно, если бы Маша залезла в интернет пораньше, или сотрудники полиции приехали позднее, девушка и сама нашла бы эту жуткую информацию о своих творениях, но к моменту встречи с правоохранительными органами она пребывала в неведении, что лишний раз подтвердило её непричастность.

Маша была в шоке. Ещё сегодня утром она была уверена, что её книги пользовались успехом. А они были черной меткой для каждого, кто успел хотя бы частично ознакомиться с содержимым. Девушке стало страшно. В какой-то степени радовало, что никто её не обвинял. Да и кем надо быть, чтобы творить такое? Кому она или её книга настолько помешали? Она ведь писала о своих фантазиях, снах! И если столь бесчеловечно истребляют всех, кто так или иначе коснулся «проклятых произведений», что ждёт её? А значит, и Вите угрожает опасность. О своих опасениях она сообщила сотрудникам полиции.

— Как мы уже упоминали, какое-то время… точнее уже четыре месяца за вами ведётся слежка, и непосредственно к вам претензий нет, — по окончанию клоунады произнёс «кот». — Возможность угрозы не исключена, и вы включены в программу защиты свидетелей. Вы последний, оставшийся в живых, человек

кто так или иначе был связан с злополучной книгой. В сложившейся ситуации мы вынуждены запретить вам выезд за пределы Российской Федерации. Однако ваша идея с отдыхом не дурна. Поезжайте, но в пределах государственных границ. Сейчас вам выдадут права, паспорт. Ваши старые документы остаются в силе, но до соответствующего распоряжения будут изъяты. Машину придётся оставить здесь. Её отгонят к вашему дому. Перемещаться будете общественным транспортом, ну можете арендовать автомобиль в конце концов. Вот сим-карта… не потеряйте, через неё мы сможем определять ваше местоположение и при необходимости связаться с вами. Старые мобильный и ноутбук оставите здесь, купите новые. Ни в коем случае не входите на старые аккаунты соцсетей, почтовых ящиков, скайпов и прочего. Деньги. Вот новая карта того же банка, в конверте пинкод. И пополняйте наличными. Либо через эти банковские реквизиты. В дальнейшем при поступлении средств на вашу «старую» карту, будет происходить автоматическая транзакция перевода средств на «новую». Информация о переводах конфиденциальная и проследить адресата будет невозможно. В фирме предупредите, что уезжаете на длительный срок. Кстати… советую сменить имидж. Волосы покрасьте, стиль одежды, цветные линзы. Ну… удачно вам отдохнуть.

— Это вы так шутите, да? — не выдержала молчавшая до сих пор девушка.

— Отнюдь, — покачал головой полковник. — Если заметите что-то странное, в памяти сим-карты занесены три номера для связи. С того момента как выйдете отсюда, советую забыть о прошлой жизни, связях, местах где вы часто бывали. Ключи от квартиры тоже изымаются. До тех пор, пока мы не поймаем преступника, поживите новой жизнью. Благо финансы вам это позволяют. До отъезда из города можете использовать старую банковскую карту, за его пределами не светите ею ни в коем случае.

Маша вышла из кабинета, пребывая в полной прострации. «Ну, что, дура, хотела начать новую жизнь? Хотела новых впечатлений? Лови — не надорвись!» Девушка взглянула на часы: «23–10». Время ещё позволяло заехать в какие-нибудь гипермаркеты. Покупок предстояло сделать много. Первым делом новый мобильник, ноут, предметы первой необходимости, одежду. На улице девушка с тоской посмотрела на свою машину. Ничего ценного в ней не было. А вот то, что в квартиру возвращаться запретили — обидно. В потайном сейфе отца лежало немало налички. Хотя был у них с отцом один тайничок с

запасными ключами. Но Маша не решила ещё: стоит ли нарушать запрет?

Первым делом она связалась с финансовым директором фирмы. Жестоко было посреди ночи вытаскивать бедную женщину из постели, но дожидаться завтрашнего дня и рисковать, приезжая в фирму, Маша не хотела. Благо доверенности необходимые были оформлены ещё месяц назад, когда планировалась долгая поездка за границу. Уладив все дела, девушка не успела поднять руку и рядом остановилось такси.

— Вам куда? — стоило усесться поинтересовался водитель.

— В Мегу, — ответила девушка.

— Какую именно?

— Любую, лишь бы побольше, — отозвалась она и достав полученные документы пробежала взглядом: Васильева Елена Ивановна. «Не долго они думали. Хотя, наверное, это и правильно. Людей с такими именами в России десятки, а может, и сотни тысяч».

Полночи девушка прошлялась по гипермаркету, не в силах определиться: что ей нужно для новой жизни? В итоге измученная неопределённостью, напуганная и жутко уставшая девушка ощутила, что вот-вот уснёт на ходу. Мысль о том, что, возможно, по её вине, пусть и косвенной, погибло столько людей, сводила девушку с ума. Перед глазами вновь и вновь прокручивался пугающий диалог произошедший в отделении полиции. Сидя там, девушка в какой-то момент решила, что это такой розыгрыш. Жестокий и не смешной, но не могло то, о чём говорили мужчины, быть правдой. По мере повествования ей показывали жуткие снимки с мест преступления, но она отказывалась верить. Однако выданные документы на новое имя, сим-карта и прочее не оставили места надеждам. Но расслаблять нельзя, надо куда-то ехать и в пути можно и вздремнуть. Мечта об Испании, теплом море и романе с горячим парнем так и осталась мечтой. Вот только, Маша не представляла, куда же ехать?

— Хотя… середина июля… и на наших морях месяца два можно оттянуться, — и достав новый мобильник набрал телефон авиакасс.

Несмотря на сезон, девушке повезло, один билет на утренний рейс до Геленджика имелся, и она тут же его забронировала. Теперь главное было добраться поскорее до ближайшего круглосуточного пункта продажи билетов, иначе бронь будет аннулирована. Опять такси. Озвучены примерные координаты и можно расслабиться. Погрузившись в размышления, Маша не заметила, как задремала, а такси вместо того, чтобы ехать к авиакассам выскочило на кольцевую дорогу, затем на трассу.

Машина дернулась съехав с новой дорожной развязки на просёлочную дорогу.

— Вот чёрт, — вырвалось у проснувшейся и непонимающе вглядывающейся в подозрительно знакомые пейзажи за окном, девушки.

Конечно она помнила, как что-то тянуло поехать именно сюда. Но в тоже время она без труда прокручивала в памяти обращенные к водителю слова с адресом назначения. Как же так вышло? Почему она здесь? Хотя какая уже разница? Девушка прекрасно отдавала себе отчёт в том, что если маньяк следил за ней ранее, то ехать сюда было рискованно. И вообще опрометчиво было брать первое попавшееся такси. Кто знает, чего ждать от этого водилы, и вообще кто он и откуда ему известен этот адрес? Вот только сказать что-либо девушка не успела. Водитель въехав в саму деревню, как ни в чем ни бывало поинтересовался:

— А здесь куда?

«Получается он не знает? Значит это я его сюда пригнала? А как же билеты? Море? Хотя… тут возможно где-то неподозревающий о грозящей ему опасности Витька. Вот чёрт…»

— Здесь притормозите, — заметив, что уже подъехали к дому Клавдии, попросила она.

Расплатившись, девушка вышла. И это место вновь напомнило ей о Вите… что-то странное творилось с её чувствами по отношению к другу. За десять лет знакомства он стал неотъемлемой частью Машиной жизни. Даже когда он служил, девушке казалось — он рядом, не забыл о ней. И действительно, товарищ вернулся, и всё встало на свои места, словно и не было длительной разлуки. Отношения между ними были дружески-братские. Поэтому тогда, у озера, девушку шокировала реакция собственного организма на почти обнаженную фигуру друга. Даже сейчас от воспоминаний внизу живота начал разгораться огонь. Да что же это со мной? — пытаясь избавиться от наваждения, ломала голову девушка. Несмотря на внешнюю привлекательность, её холодность вечно отпугивала парней. Ещё в старших классах Машу прозвали Снежной королевой. И вдруг такое! Ладно, если потянуло бы к какому-то мачо, новому человеку в её жизни, было бы понятно — поддалась обаянию, сорвалась, в конце концов не вечно ей ледышкой оставаться? Но не по отношению же к человеку, которого она никогда не воспринимала как мужчину.

И вдруг усталость словно рукой сняло, открылось второе дыхание. Ещё мгновение назад смазанный, плывущий перед глазами окружающий мир обрёл четкость линий, цвета стали ярче, чистый воздух наполнял грудь, хотелось дышать глубже.

Тревоги растворились, не оставив следа, с ними же исчезли и нелепые угрызения совести. События минувшего дня теперь казались дурным сном. «Вот чего в панику ударилась? Что мне до них? Я их даже не знала…» — улыбнулась девушка. Стоило приблизиться к дому, как из окна послышался голос Клавдии:

— Вернулась-таки голубка наша. Заходи. Ох, не нравишься ты мне, девонька… не то что-то с тобой, ой не то… — причитала пожилая женщина. — Ну ничего, сейчас я травок хороших заварю… всю дурное как есть вмиг снимет…

Девушка не слушая хозяйку, по-свойски вошла в дом. Светы нигде не было, но её это не волновало. Старуха тем временем суетилась на кухне.

— Маша, хватит уже старые фотографии взглядом буравить. Иди за стол, чай пить будем, — позвала Клавдия.

Чай пах как-то странно, но приятно. Сделав пару глотков, девушка словно прозрела. Вернулись тревоги, угрызения совести и непонимание: «Что за наваждение опять было? Надо б на такие случаи у бабки термосок с чудо-чайком выпросить», — решила девушка. А Клавдия тем временем рассказывала навевающие ощущение дежавю новости. Всё описываемое совпадало с тем, что говорил когда-то Витя. То есть, о наследниках и прочем речи не было, а вот дорогу и вправду решили прокладывать, в связи с чем началось выселение тех семей, чьи дома мешали осуществлению проекта.

— Хм… а я ещё в прошлый визит была уверена, что всё согласовано, и дед какой-то, не согласившийся уехать, утонул в колодце, а его соседа на ночном дежурстве дисковой пилой порубило, а потом и вся его семья куда-то исчезла, — задумчиво произнесла девушка.

— Тьфу на тебя, — перекрестилась Клавдия. — Нет, чтоб хорошее что сказать, а ты?

Как объяснить пожилой женщине, что, слушая в своё время друга, Маша и предположить не могла, что поведанная им запутанная история — всего лишь плод фантазии. Слишком он гладко излагал, словно очевидцем был. Ох и сказочник Витька! И главное, гад, мог же на озере признаться, что большую часть истории выдумал? Мы же цепляли в разговоре эти темы. Нет же, поддержал диалог, словно говорили об имевшем место факте! А на поверку оказалось, что действительно существовал только прельстившийся благодатными землями возле озера богатей, а остальное чистой воды выдумка. Никакого криминала не было, кто-то соглашался, получая площадь в ближайшем относительно крупном населенном пункте, кто-то пребывал в раздумьях.

Маша поведала старушке о связанных с её книгой странных

событиях, а та, выслушав, уточнила, о чём книга, и, причитая, схватилась за голову:

— Что ж ты натворило, дитя неразумное? Разве ж можно с таким даром шутить? Ведь не добро Варька в себе затаила, а коль она от роду с тобой связь держит, то после твоей глупости — добра не жди. Как бы всё случившееся меньшим из зол нам не показалось, — туманно высказалась Клавдия и куда-то поспешно засобиралась.

Глава 4. Нереальная реальность

Маше вновь приснился сон. Особенно запомнилось отражающееся в озерной глади темное небо с россыпью непривычно ярких звёзд. В городе такого неба не увидишь, да и на даче она в последний раз была на исходе белых ночей, когда ночь определялась либо по часам, либо по плывущей в голубом небе луне. Душу наполняло ликование, ощущался непривычный прилив сил. Девушка, что-то тихо напевая, танцевала. Босые ноги ощущали прикосновения к мягкой траве. Каждое движение гибкого тела приносило непередаваемое наслаждение. А запахи! Какие же ароматные здесь травы! А доносимые слабыми порывами ветерка запах сосновой смолы и хвойного леса наполняли легкие, заставляя трепетно вздыматься девичью грудь.

Душу рвали противоречивые чувства: триумф, опьянение внезапно обретенной свободой… свободой? Даже во сне Маша попыталась понять, что значит это странное ощущение. Но только так это и можно было описать. Объяснения не существовало. Словно она была всем и ничем одновременно и вдруг обрела целостность. Пусть это временно, пусть мимолётно… девушка гнала эту мысль. Надежда на то, что всё получится, и она получит долгожданную свободу навсегда, не угасала. Время пришло. Она получит то, чего давно желала, но не могла взять. И даже затаённые в глубине сознания грусть и обида не могли омрачить её радость.

В отдалении послышался шорох. Кто-то слепо, но целеустремлённо продирался сквозь чащу. Страха не было. Она знала, кто это. Она ждала. Слишком долго ждала. Ветви заслоняющих выход с тропинки кустов раздвинулись, и на поляне появился он. Даже в ночи она чётко видела взволнованное лицо идущего навстречу молодого человека. Как же он красив! Подтянут, ухожен… да разве смела она мечтать о таком прежде? Она с брезгливостью вспомнила всех, кто был в прошлом. Грубое, неотёсанное мужичьё! Брезгливая гримаска исказила красивые черты девушки. От одного воспоминания начинало тошнить. То быдло не ценило счастья, выпавшего на их долю. Никогда больше она не опустится до отребья. Глаза идущего навстречу молодого мужчины горели страстью и вожделением. Его душа давно принадлежала ей, пришел черед тела. Она долгих десять лет набиралась сил, шаг за шагом ведя его к себе! И он пришел. Уверенный в том, что это его выбор. Пусть так. Не разубеждать же в заблуждениях?

Молодой человек неуверенно протянул руку и коснулся её

щеки, девушка, словно ласковый котенок, ответила на прикосновение, и парень не вынес этой пытки. Разгоряченные страстью губы покрывали поцелуями её лицо, шею, возвращались к губам. Руки беспрестанно ласкали податливое женское тело. Вскоре страсть заслонила всё. Мир закружился в фейерверке эмоций и чувств. Запахи, звуки, цвета смешались как в калейдоскопе. Крик петуха огласил округу и… наваждение спало.

Тяжело дыша, Маша лежала на кровати в выделенной ей комнатке и, глупо улыбаясь, смотрела в потолок. Мечты… вот и сорвалась с цепи Снежная королева, — усмехнулась девушка, краснея от одного лишь воспоминания о своём видении. Она и не предполагала, что её подсознательно настолько влечёт к другу. Выходит, не зря она скучала, если долго его не видела? И буквально летала, когда он рядом? Так вот что такое — любовь…

Стряхнув грезы, девушка вернулась в реальность и тут же с новой силой ощутила тревогу. С момента последней встречи с Витей прошло уже больше недели, но Маша была уверена: друг здесь, никуда не уехал. Откуда она это знала? На этот вопрос девушка не смогла бы ответить даже самой себе. Знала, и всё тут. За окном светало. Устав накануне, она уснула, не раздеваясь. Коса, благо, не расплелась, а значит, нет необходимости тратить время на сборы. Привыкшая за последний год к весьма активной жизни, Маша не могла пребывать в бездействии. Случившееся накануне выбило девушку из привычной колеи. Конечно, она и сама уже собиралась что-то изменить в своей жизни, но не столь же кардинально? Сколько она может находиться здесь без риска для жизни?

— Чёрт! — до неё дошло, что, явившись в этот дом, она подвергла угрозе живущих здесь людей.

Она во чтобы то ни стало найдёт Витю, и они вдвоём, как она надеялась, уедут куда-нибудь подальше. Сегодняшний сон показал ей, чего она лишала себя, изображая холодную недотрогу. И больше девушка не собиралась допускать эту ошибку. Для других — да, она останется Снежной королевой, для него — никогда!

Показав трижды язык в зеркало на удачу, девушка усмехнулась глупой привычке и, надеясь, что останется незамеченной, выскользнула из дома. Клавдии и потом соврать что-то можно будет, главное, сейчас не попасться. Не хотелось виновато хлопать перед старухой глазами, придумывая на ходу оправдания. Да не тут-то было: из скотного двора, подгоняя корову, вышла Светка.

— Куда это ты намылилась, — косясь на окна дома, приглушено поинтересовалась она.

Чёрт… и надо было так вляпаться-то ни парой минут позже, ни раньше… благо хоть не на бабку нарвалась.

— Не спалось. Решила прогуляться, — отступая к калитке, так же тихо ответила Маша.

— Вот и чудно, — вполне искренне обрадовалась светловолосая. — Я сегодня Ромашку хотела подальше от деревни на выпас поставить. Тут и так всё вытоптано, да выедено. Составишь компанию? — девушка с надеждой посмотрела на недавно обретённую сестру.

Было видно, что ей не хватало общения со сверстниками. Деревенька была маленькой, а молодежь в таких местах обычно не задерживалась.

Маша вздохнула. Как отказать и не обидеть? Делать нечего, согласилась, решив при первой же возможности слинять. Вскоре Света закрыла за ними калитку и погнала корову к дороге, ведущей в сторону запретного озера.

— Машк… я краем уха слышала… но ты в город умчала… а у бабки спрашивать я побоялась… — выйдя за околицу неуверенно залепетала девушка.

— Не юли, — не выдержала витающая в своих собственных мыслях Маша, выслушивать долгие вступления ей не хотелось.

— Ты вроде как на озере была?

Маша утвердительно кивнула, и в глазах девушки мгновенно засветилось уважение: — Ух ты! И как там?

— Неужто ты, всю жизнь здесь прожив, не разу не ходила? — не веря своим ушам, уставилась на неё Маша.

Света в ответ только потупилась. Девчонка была лет на семь помладше новообретённой сестренки, но и восемнадцать лет возраст немалый. Вроде с виду не глупенькая, как можно настолько верить в суеверия? Хотя… это Клавдия виновата. Взрастила девочку на сказках-небылицах, в которых правда с выдумкой пополам. Достаточно того, что она про Варвару рассказывала. И это всего-то один единственный, пусть и долгий разговор! А Светка всю свою жизнь её байки слушала и, судя по всему, верила бабке беспрекословно. Маша даже усмехнулась, вспоминая. Клавдия половину переврала, говоря о сестре, то ли по старости и беспамятству, то ли по незнанию, а может, и вправду в это верила и смотрела на вещи иначе, видя совсем не то, что стоило бы. О том, что сама заблуждается, прагматичная городская жительница и помыслить не могла.

День обещал быть теплым. Небо непривычно чистое — ни единого облачка. Девушки, тихо переговариваясь, шли по едва различимой дорожке. Но вскоре Света встала как вкопанная:

— Дальше нельзя. Бабка узнает, шкуру сдерёт, — голос

звучал тихо, придушенно.

— Не пора ли тебе повзрослеть? На дворе двадцать первый век, а ты в какие-то бабкины сказки и предрассудки веришь.

— Но как можно-то, если ведьма озерная…

— Та ведьма — твоя бабка двоюродная, так же как и мне Клавдия. Может, чем она и шалила, но достоверно мне о том неведомо.

— Ты ещё скажи, что и проклятие на деревню наслано не ею было?! — уставилась на сестру Света.

— Как по мне, всё это стечение обстоятельств, — отмахнулась Маша, незаметно шаг за шагом заводя собеседницу за запретную черту.

Как можно верить во что-то, не имея возможности увидеть или почувствовать? Она, конечно, и сама иногда использовала пару заклинаний, и они словно бы срабатывали. Вот только их действие Маша объясняла с точки зрения науки: своего рода психологическая установка — прочитал, повысил веру в благополучный исход событий. А там как карта ляжет, но в случае успеха, думаешь — иначе и быть не могло, и вера всё больше возрастает. А гарантий никаких на самом деле и нет.

— Столько всего, и всё случайности? Не верится что-то…

— Помню я все предъявы односельчан к Варе. Клавдия в своем рассказе упоминала. Мужиков привораживала? Чушь! Просто красивая девка и не глупая. Всё у них в доме само по себе делалось? Мол, нечистая сила им помогала? Много у Клавдии делается?

— Ну, то ж обвинения второй сестре, — поёжилась Светлана.

— А коли так всё было, пришла б твоя бабка в деревню неумёха-неумёхой, а такие на селе быстро славу обретают. Слыхала ли ты такое о ней?

— Так то когда было-то…

— Так, а Варя-то когда жила? А я в первый приезд из машины вышла, так одна бабка, меня завидев, ведро бросила и, о костыле забыв, бросилась прочь, крестясь и причитая. Память людская — долгая, особенно здесь, где жизнь событиями не слишком изобилует.

— А то, что она ворожбой лечила?

— Да какая там ворожба-то? Для пущего эффекта на нужные собранные травки пошептать что-то непонятное? Так там, во-первых, сами травки помогали, а во-вторых, вера людская. Это ж почти доказано, что все болезни отсюда исходят… — девушка постучала себя по голове. — В итоге двойной эффект и вуаля — выздоровление!

— Ну, на взрослых, так-то да, а дети малые или скотина?

— А их и бабка твоя лечит ничего не наговаривая — травками нужными. Поражаешь ты меня, Света, всю жизнь бок о бок с человеком живёшь и не понимаешь элементарного.

— Ну, не зря же бабушка боится?

— Сдаётся мне, она молвы боится. Проще запретить и не навлекать косых взглядов. У вас деревня в три двора, пойдут слухи, а они имеют свойство преувеличиваться, как тебе после этого здесь жить?

— Выходит, она меня от пересудов уберечь пыталась? — растерянно посмотрела светловолосая на сестру.

— Можно и так сказать, — пожала плечами Маша, хотя сама в это не верила. Клавдия выросла в этом крохотном мирке, где любое совпадение истолкуют как угодно, вот и боялась даже взглянуть не в ту сторону. А вдруг осудят?

Свету словно прорвало, то ли соскучилась по сверстникам, коих помимо жениха со школы не видела, то ли и вправду наболело. Она рассказывала про свою жизнь, про бабушку, про жениха. Делилась мечтами и планами о том, как переберётся в город, где мечтает встретить настоящую любовь…

«Наивная», — подумала Маша. В город со всей территории бывшего СССР невесты съезжаются, и деревенских, куда попронырливее Светки, промежду делом, не замечая, на завтрак едят. Но ведь пока сама не обожжется, не поймёт, что город тоже не мёдом мазан. Тут, конечно, сложно. Особенно в быту: автолавка пару раз в неделю, газ в баллонах, отопление печное, вода в колодце, туалет на улице, а чтобы помыться, надо ещё и баню истопить. Дрова опять же или покупать, на что ещё попробуй заработай, или самим добывать. А про хозяйство Маше вообще страшно думать было. Она и сейчас-то старалась от ведомой Светкой коровы подальше держаться. Может, девочка и права. Циничен, равнодушен пыльный город, но там и с работой проще, и условия человеческие.

А девушка тем временем всё изливала и изливала душу, не замечая, что всё дальше приближается к запретному месту.

— Ты корову то на выпас или на выгул ведешь?

— Ой! — спохватилась девушка и с ужасом заозиралась по сторонам.

До тропинки к запретному озеру оставалось метров пятьдесят. Света растерянно оглядывалась, не понимая: как же так заболтаться-то умудрилась? Неожиданно в глазах девушки мелькнула решимость. Отойдя в сторону, она вбила в землю колышек и, погладив Ромашку по боку, ничего не говоря, направилась в сторону озера. Маша удивлённо последовала за ней.

— Здесь и вправду красиво, — ошалело глазея по сторонам, произнесла девушка.

— И, как видишь, ничего страшного не произошло, — ободряюще улыбнулась Маша. — Пойдём, покажу, где наши бабушки выросли.

«А моя умерла», — мысленно добавила Маша и повела сестру к остаткам фундамента. А выйдя из кустарника, встала как вкопанная. На брошенном на печи матраце, свернувшись клубочком, спал абсолютно голый Витя. Вид его обнажённого тела всколыхнул в памяти ночные видения, и девушка ощутила, как краска приливает к лицу.

— Отвернись, — смущенно обратилась она к опешившей от такой картины Свете, а сама направилась к другу.

В конце концов она и собиралась его найти. Задача упростилась.

— Вить, — позвала она, но парень не шелохнулся.

Сердце девушки затрепетало: замерз? Убили? Маша кинулась к другу. Слава богу, дышит. Осторожно толкнула в плечо, и он сонно зашевелился, открыл глаза, улыбнулся и потянулся к девушке, словно желая обнять.

— Куда ты ушла? Бросила меня одного, — по Витиному лицу блуждала какая-то странная улыбка, он словно был чем-то одурманен.

— Ты что, на наркоту подсел? — выпалила единственное, что пришло в голову, Маша. — Оденься, на тебя люди вон, — она кивнула в сторону отвернувшейся Светы, — смотрят.

Парень оглянулся по сторонам, но словно никого и не увидел. «Точно, чем-то обдолбался», — с горечью подумала Маша.

После сегодняшнего сна она представляла их вместе, и такой поворот событий её абсолютно не радовал. Тем временем Витя слез с печи, прошел сквозь никому невидимые лабиринты давно разрушенного дома и, выйдя на «улицу», смутился. На него во все глаза таращилась ничего не понимающая Светка. Маша, смотря на друга, гадала: то ли он заигрался, то ли правда под чем-то. Девушка окинула взглядом валяющиеся вокруг вещи, боясь увидеть какие-нибудь таблетки, ампулы или шприцы. Но ничего подозрительного в поле зрения не было.

— Нам надо поговорить, — подойдя к натягивающему штаны парню произнесла Маша. — Но не здесь. Собирай вещи. Мы уезжаем. Света, познакомься, это мой старинный друг — Витя. Витя, а эта, ставшая свидетельницей твоего бесстыдства девушка — моя сестра Света.

Молодые люди смущенно поприветствовали друг друга. Витя молча оделся, повторяя свои выкрутасы, побегал по лабиринтам

несуществующего дома и с собранными вещами выскочил на улицу.

— Зачем уезжать? — непонимающе произнёс парень. — Разве нам здесь плохо?

— На море поедем, — на ходу решила Маша, не собираясь устраивать при Свете разборки.

Девушка твёрдо решила: придёт в дом, соберёт вещи, простится и, ничего не объясняя, уедет. Ждать такси долго. Придётся пешком добраться до трассы, а там уж на попутке. Витя с ней, а значит, пора убираться и не подвергать риску жизни родных. Вот только планам оказалось не суждено сбыться.

— Где это вас носит всё утро! — ещё издали начала ругаться Клавдия. — Ой… — завидев Витю, отшатнулась старушка. — Вот нечистая-то…

— Ты чего? — не поняла Маша.

— Да это я так… — отводя взгляд, произнесла пожилая женщина. — Ты лучше друга-то проводи, да поешьте, пока обед не остыл.

— Так куда ж мне его провожать, коли он со мной уехать сейчас должен, — уставилась на бабку Маша.

— Никуда ты сейчас не поедешь! — уперлась старая. — Вон пусть идёт на лавке посидит. А вы, обе в дом! Разговор есть.

Усадив Витю, Маша переглянулась с поникшей сестрой, и девушки прошли в дом, где, уперев руки в бока, ждала Клавдия. Странно, никаким обедом и не пахнет… — отметила про себя Маша, но промолчала.

— Так, — старуха строго взглянула на младшую, — ты, брысь есть и не вздумай уши греть. И тому, — она, скривившись, кивнула в сторону двора, — что-нибудь вынеси.

— Ба… и что мне есть? — послышался из кухни растерянный голос Светы.

— Борщ в холодильнике.

— Но ты же сказала — остывает… — растерялась она, но бабка в ответ лишь дверь поплотнее прикрыла и повернулась к Маше:

— А с тобой, голуба моя, разговор будет. Ну, и кто тебя просил туда соваться? Ты сама-то понимаешь, какую беду накликала, в тот раз приехав?

Маша растерянно хлопала глазами. Вот те на, получается, её из дома выставляют? Нет, она конечно сама уехать втихую собиралась, но одно дело, когда это её собственное решение во благо родным, и другое, когда те самые родные за порог выставляют. Старуха, наблюдая сменяющуюся гамму чувств на лице девушки, поняла, какие мысли пронеслись в её голове:

— Да никто тебя не гонит, дурья твоя голова. Ух… сегодня такое творится, что не до чего вообще, — внезапно сникнув, запричитала старушка. — Ночью дед Саныч в колодце утонул! Светку Костя всё утро ищет. Почитай, раз уже пять заезжал. А что мне сказать? Коровы нет, и вас обоих тоже. Чуяло моё сердце неладное, да надеялась, дура старая, что хоть малая-то тебя образумит. Ай, нет же! А если узнает, что вы с каким-то дружком пришли, как думаешь — что будет? Он и так сегодня не в себе.

— Это Светкин женишок-то? — догадалась Маша.

— Он самый. Да только хотела б я знать, откуда тебе ведомо было, что Саныч потонет, а Костькиного отца на пилораме порубит?

— В смысле порубит? — опешила девушка, вспоминая недавний разговор с Клавдией, в котором сама же и рассказала об этом, как о факте свершившемся, чем вызвала удивление пожилой женщины.

— Да вот так. Костя ночью должен был дежурить, но батя с Танькой, жонкой своей, что-то не поделил. Пошёл на пилораму и отправил сына домой, спать. Да не суть. А на утро Костя пришел и видит: все стены в кровище и циркул… в общем станок, на котором пилят — включен, а самого диска пилы-то и нету. Тело рядом лежало, да только опознать его не просто было. Одежда вся кровью пропиталась, цвета не разобрать, тело искромсано — руки-ноги на лоскутах кожи болтаются, а голова вообще отдельно под станком лежала.

— А ты-то откуда все подробности знаешь?

— Вспомнила твои слова, удивилась, не поверила. Сначала к Санычу на двор побежала, потом на пилораму. Полиция приезжала. Говорят, диск старый был, вот и лопнул, а осколки пока рикошетом летали — его и порубило. Да только байки это, чтоб дело закрыть. У них всегда так. На кой ляд, спрашивается, ему понадобилось пилу посерёд ночи включать? А соседи говорят, мол, недале как вчера к ним с Санычем приходили дорожники, дома их, видите ли, мешают, ну, и предложили переехать. Да только оба отказались. Саныч заявил, что ему недолго ещё землю топтать, и помереть здесь хочет. Накаркал дурак старый. Эх… что ж это выходит-то? Танька же Косте типа мачеха, а по факту — никто, а Ленка-то, тьфу, мать родная неведомо где. Сирота теперь Костик.

— А Костя, что говорит?

— Да ничего Костя сейчас не соображает. Вот узнает, где Светка была, да с кем пришла… эх… вот и выкручивайся теперь, иначе прибьёт Светку сгоряча.

— Да уж как-нибудь… — заслышав звук подъезжающего

мотоцикла, буркнула девушка и направилась во двор.

Маша взглянула на Костю — красавец. Отмыть, приодеть и на обложку глянцевого журнала. Надо ж так. На деревне один парень и такой красавец! А тот, не замечая никого вокруг, направлялся к Свете. Во взгляде ничего не знающей о случившемся девушки, вопреки ожиданиям, вместо прежнего трепета читалось отвращение… и жалость.

— Ты где шлялась? — грубовато произнёс он.

Запах перегара от проходящего мимо парня ударил в нос. Осуждать его за это после произошедшего Маша не могла. Но понимала, что и Светке говорить с ним в таком состоянии — опасно.

— А это кто? — кивнув в сторону Вити и схватив Свету за грудки, выкрикнул он, и девушка зажмурилась, ожидая удара.

— Это мой друг, — выпалила не ожидавшая такого поворота событий Маша, даже несмотря на предупреждение Клавдии, у неё подобное поведение в голове не укладывалось.

— Ты такая же, как и она, — процедил сквозь зубы Костя и сплюнув, отшвырнул ослабевшее от страха тело девушки прочь. — Шлюхи, — прошипел он и, не оглядываясь, уехал.

— Что это с ним? — смотря вслед жениху, перепуганным голоском спросила сидящая на земле девушка.

Клавдия покосилась на витающего в облаках Витю и, не обращая на него внимания, разъяснила девушке причины неадекватного поведения её жениха. А Маша тем временем наблюдала за другом. Что-то с ним явно было не так. Рядом с ним девчонку едва не избили, а он как полоумный сидел и лыбился, смотря куда-то в пространство. Заметив озабоченный взгляд старшей, Клавдия вздохнула и кивком головы показала, чтобы заводила парня в дом.

А Витя тем временем мыслями был слишком далеко. Он чувствовал — она рядом и больше ничто не имело значения. Он вспоминал последнюю ночь и не замечал происходящего вокруг. По его лицу блуждала глупая улыбка, но парню было всё равно, как он смотрится со стороны. Ещё тогда, десять лет назад Маша приглянулась ему, что и не странно — девочка-то красивая. Но она сразу дала понять, что какие-либо отношения её не интересуют, а дружба? Дружба — пожалуйста. Витя это оценил. Иные девицы в пятнадцать сами готовы на парня запрыгнуть, а эта не такая. И он решил ждать, в надежде, что Снежная королева оттает. Но годы шли, девочка превратилась в вызывающе красивую женщину, однако её отношение как к нему, так и к другим представителям сильного пола так и не изменилось. Что парень только не предпринимал, чтобы лишний раз привлечь

внимание девушки, но всё оказалось бесполезным. Как-то даже в любви признался, но та задорно смеясь в ответ, сказала, что он тоже самый дорогой для неё человечек. Это было приятно, но Витя надеялся услышать совсем не эти слова. И он остался просто другом. Готовым в любой момент подставить плечо, выслушать, да и просто составить компанию. Он едва ли не дословно запоминал всё сказанное девушкой, это касалось и её таинственных снов.

Однажды в интернете случайно нарвался на форум, где садоводы обсуждали возможность согласовать строительство развязки от новой трассы к их деревне. По глазам резануло знакомое название. Он решил проверить её местоположение на карте и с трудом отыскал. Не мудрено, что, изучая карту раньше, он её не заметил. И располагалась она в полном соответствии с Машиными рассказами: бывшая финская территория, удалённая от населённых пунктов, за деревенькой в лесу — озеро. Но даже на подробных картах со спутника парень так и не сумел разглядеть ни одной тропы, ведущей к озеру. Это было нереально, но что-то тянуло его туда, казалось, если он сумеет в действительности найти описываемое девушкой место и привести её туда, Снежная королева изменит своё отношение. Но съездить на место ему не удалось. После окончания института пришло время отдать долг родине. За год в армии Витя начал более трезво смотреть на ситуацию и по возвращении не кинулся первым делом к Маше, а попытался жить без неё. Вот только сама по себе идея фикс проверить: то ли это место? — так и не пропала.

Съездив и пообщавшись с местными, он был поражен. А позднее попал в дом, где с одной из семейных фотографий на него смотрела — она. Однако он устоял, не поехал к девушке и звонить не стал. Устроился на работу, встречался с женщинами и казалось, всё забыл, но, увидев Машу возле метро, не удержался и окликнул. Теперь он и сам видел в девушке исключительно друга. Потом была её книга, лишний раз доказавшая — это то самое место! И вот она приехала. Их встреча у озера разожгла новую искру в, казалось бы, потухшем костре. А последняя ночь…

Маша окликнула «витающего в облаках» друга, но он не отреагировал. На его губах по-прежнему блуждала загадочная счастливая улыбка. «Господи, да что это с ним?» Девушка смотрела на парня и не могла поверить в очевидное: он наркоман, потерянный человек. Маша не собиралась сдаваться. Надо поговорить с Клавдией, может, та сможет помочь, а если нет, то деньги есть. Она увезёт его отсюда и поместит в клинику. Но почему не заметила этого раньше? Хотя, чему удивляться? В

последнее время она настолько погрузилась в дела, что почти не виделась с товарищем. Маша взяла парня за руку и повела в дом. Тот послушно последовал за ней, но на пороге рука вскользнула, и он замер, всё с той же нелепой улыбкой на губах. Девушка что только не предпринимала, пытаясь достучаться до его сознания, но всё было тщетно, как и попытка завести его в дом. Не зная, что делать, она беспомощно взглянула на Клавдию и отшатнулась. В глазах старухи читался страх, горечь, сочувствие.

— Оставь попытки, девочка, — непривычно тусклым, скрипучим голосом произнесла пожилая женщина.

Маше стало обидно. Она всё поняла? Но почему вместо помощи отказывается даже впустить его в дом? Боится, что он, как и другие наркоманы, что-то украдёт? Да зачем ему? Возле озера стоит его машина, за которую можно выручить в сотни раз больше, чем за всё бабкино имущество.

— Как вы можете отвергать его! Можно же что-то делать? Что с ним? — возмущение, растерянность, испуг — всё слилось в голосе не знающей, что делать, девушки.

— Я попытаюсь, девочка, — тихо произнесла старуха. — Вот только обещать ничего не могу. Надеюсь, он не совсем потерян. Отведи его туда, — её взгляд указал на неприметный на фоне хозпостроек добротный бревенчатый сарайчик с небольшим окошком под самой крышей.

Девушка послушно подчинилась. Стоило открыть дверь, и в нос ударил удушливо-едкий запах сухих трав. Внутри нашлась небольшая тахта, столик и табурет. Одна из стен представляла собой стеллаж от пола до потолка уставленный баночками с какими-то порошками, сушёными травами и кореньями. С натянутых под потолком верёвок свисали бесконечные пучки трав.

А тем временем Виктор грезил наяву. Раз за разом он прокручивал в памяти события минувшей ночи. Неожиданно что-то горячее коснулось губ. Витя посмотрел на склонившуюся к нему пожилую женщину. Где-то он её уже видел. Взгляд метнулся по сторонам. Где он? Хотя какая разница? Она пытается его чем-то напоить? Запах из кружки странный, но приятный. Вкус тоже неплох… в голове вдруг прояснилось.

Маленькая комнатушка, везде, куда ни глянь, какие-то баночки-скляночки, да пучки трав. Рядом стоит та самая бабка, в доме которой он увидел Машину фотографию, а у дверей мнётся она сама. Только почему у неё вид такой подавленный, печальный? В глазах тревога.

— Что случилось? — обратился он к девушке, и на её лице прочитал явное облегчение.

— Многое. Но и ты мне должен немало объяснить. Бабушка, можно я с ним один на один поговорю?

— Поговори. Ночевать, мальчик, здесь будешь, — вздохнув, произнесла старуха. — Еду Светка сейчас принесёт. Вечером, а тем более ночью, отсюда не выходи, — закончив наставления, пожилая женщина ушла, оставив ошалевшего постояльца глупо хлопать глазами ей вслед.

Говорили друзья долго, и многое стало еще более запутанным и непонятным. Например, парень напрочь отвергал обвинение в употреблении наркотиков, но как иначе объяснить его недавнее состояние? Откуда он взял ту историю, которая не далее как сегодня обрела реальность? Но ведь он говорил о том едва ли не год назад? Ответ поразил: я же говорил, это был сон, но яркий, насыщенный, вот он его и записал, чтобы не забыть, решив использовать в качестве сюжета. Девушка поведала о своём общении с полицией, о книжном маньяке и нависшей над ними угрозе. Позже поинтересовалась его странным поведением в «доме» у озера. И у друзей вновь возникли разногласия. Парень утверждал, что дом хоть и стар, но сработан на совесть, и потому он желает его приобрести. И тут Машу осенило. Ещё в первый визит к озеру, она сделала несколько фотографий на телефон. Просмотрев получившиеся кадры, девушка нашла тот, где чётко была видна выкошенная лужайка, остатки фундамента и печь с матрацем, возле которых валялись Витькины вещи. Друг долго неверующе всматривался в фото. Явно стараясь найти подвох. Увеличивал фрагменты изображения, но экран телефона не позволял как следует проанализировать качество снимка, и Маша принесла ноутбук. Теперь в недоумении были оба. Маша осознала, что друг не дурачится, он реально видел этот дом целым, а Витя в свою очередь понял, что долгое время находился в странном состоянии, наполненном галлюцинациями. Но больше всего его опечалил тот факт, что и отношения с Машей, и та ночь, скорее всего, так же были навеяны теми же видениями. Не переставая делиться догадками и предположениями, друзья поели и не заметили, как настал вечер. Клавдия, повторив свои наущения, забрала Машу в дом, а Витя остался наедине со своими мыслями.

Маше казалось, что она вот-вот сойдёт с ума. Из головы не выходили мысли о книжном маньяке, а тут ещё и подсевший на наркоту, хоть и не признающийся в этом друг, к которому внезапно проснулись неведомые доселе чувства.

Причитающая Клавдия разрывалась, пытаясь утешить то одну, то другую. Да только чем им поможешь? Одна, видать, влюблена, а с парнишкой беда такая, что не приведи господи. Дай

боже, чтобы она ошибалась, и девочка оказалась бы права. Наркотики будут меньшим из зол, в отличии от сделанных пожилой женщиной предположений. Но одно точно, она попытается ему помочь, а там уж как господь бог решит. Вторая тоже, хоть и ерепенится, а всё-таки любит и сейчас, после гневной отповеди жениха, ходит по дому как привидение. Вбила дурная себе в голову, что всё кончено, и он её больше знать не желает. Пришлось заварить чайка сонного, да попотчевать девочек. Пусть поспят. Утро вечера мудренее.

Маша проснулась опять рано, но, как оказалось, не одна она: на кухне уже тихо шептались Клавдия со Светланой. Хитрая старуха нашла-таки способ спровадить гордую девицу в дом жениха:

— Они за молоко-то заранее оплатили, да вчера не до того им было. Не пришли, что и не мудрено. Да и сегодня им не до чего будет. Так что подои Ромашку, да отнеси сама, а там, может, и с Костиком своим помиришься. Небось, он уже протрезвел, да понял, каких дров нарубил, но ведь гордый, как и ты, сам не пойдёт на встречу. Будете ещё месяц по углам жаться, да маяться, — наставляла старая внучку. — А, и ты, голуба, встала. Собери другу своему поесть, а то замученный он какой-то.

Маша послушно собрала Вите нехитрый завтрак, но, войдя в сараюшку, опешила. Друг опять сидел с идиотской ухмылкой на лице и ни на что, даже на её присутствие, не реагировал. Гнев мгновенно вытеснил все чувства, что она только не делала — и хлестала парня по щекам, и орала, но он по-прежнему только дебильно скалился и смотрел в одну точку. На шум уже и Клавдия прибежала, а Маша тем временем вытряхивала на пол содержимое его сумки, но опять ничего подозрительного не нашла.

— Сейчас ему чаёк тот заварю, — со вздохом произнесла странно ссутулившаяся пожилая женщина и ушла прочь.

Но напоить парня так и не успели. Во двор влетела обливающаяся слезами Светка и, не обращая внимания на обращённые к ней вопросы, заперлась в своей комнате. Пока Клавдии удалось уговорить внучку отворить двери, пока с трудом разговорили горько рыдающую девушку, прошло около часа. А выяснилось следующее: пришла Света к Костиному дому и всё никак не могла решиться войти, да только удивило её то, что пёс не лает. Обычно он разрывал глотку, стоило на двадцать шагов к двору приблизиться. Тогда девушка набралась смелости и вошла во двор. Возле будки валялся ошейник, а Бурана нигде не было видно. Пёс был старым, и Света решила, что и он следом за хозяином на тот свет ушёл. С цепи то его никогда не спускали.

Подошла к дому, постучала в окно. Тишина. Решив, что Костя мог быть на пилораме, а тетя Таня со скотиной, она вошла в хозпостройку. Но и там никого не оказалось. То есть, совсем никого: ни молодой, не телившейся ещё бурёнки, ни свиней, ни кур. Заподозрив неладное, девушка, уже и не подумав стучать, кинулась в дом. Он был открыт. И опять никого.

— Он разозлился. Он знать меня не желает. Они уехали-и-и! — в промежутках на протяжении всего рассказа причитала девушка.

— Да как же так уехали-то? — с недоумением смотрела на неё старуха. — Не могли они вот так взять и уехать. Куда? Выписаться надо, документы все переоформить. Это не на один день делов-то. Да и отца хоронить ещё…

Но девушка рыдала и продолжала твердить одно и тоже. Повздыхав, Клавдия заварила очередной чаёк, напоила им девушку и, когда та немного успокоилась, сказала:

— Пора взрослеть вам, девоньки, пойдёмте посмотрим, что там. Заодно поучу вас немного уму разуму, чтоб не думали впредь, что старая из ума выжила и ерунду всякую мелет.

— Да что там смотреть, ба? Уехали они, — обречённо шмыгнула носом успокаивающаяся Света.

— Ну вот и посмотрим, куда уехали, — загадочно произнесла пожилая женщина и вышла из комнаты.

Вскоре все трое уже подходили к нужному дому. Клавдия бережно несла с собой немалых размеров чемоданчик. Предложения Маши помочь старуха отвергла так, что девушка больше не посмела и рот открыть. Подойдя к дому, Клавдия словно ушла в какое-то другое измерение, её лицо просветлилось, ноздри трепетно втягивали воздух, глаза смотрели в одну, только ей видимую, точку в пространстве, но при этом пожилая женщина уверенно шла вперёд, ни разу не оступившись и не натолкнувшись на препятствия.

Подойдя к порогу, пожилая женщина жестом приказала внучке оставаться на месте. Приложив ладонь к дверному косяку, слегка склонив голову и прикрыв глаза, она к чему-то прислушалась. Минуту спустя, пожилая женщина тихо произнесла:

— Так и есть. Время пришло.

— Что? — не поняла Мария, но та не ответила и прошла в дом, девушки безропотно последовали за старухой.

Все ящики шкафов выдвинуты и пусты. На полу то тут, то там рассыпана то ли земля, то ли пыль. Холодильник включен и, как оказалось, под завязку набит банками с домашней тушенкой, топлёным маслом, смальцем и вареньем.

— Ба… я ничего не понимаю, — наблюдая за старухой жалобно пролепетала Света.

— Коснитесь, — пожилая женщина указала на спинку стула. — Левее. Вот так. Отключите чувства. Вы умеете.

Девушки подчинились. И Света, и Мария видели и чувствовали одно и тоже. Окружающий мир растворился в белесой пелене, звуки и запахи исчезли, а руку обожгло холодом. Не выдержав, Маша открыла глаза. Картина получилась странная: с одной стороны, она видела комнату такой, какая она сейчас — с распахнутыми зёвами пустых выдвинутых ящиков, стоящей рядом с закрытыми глазами Светой и Клавдией в отдалении, а поверх этого наслаивалась вторая картинка, более размытая. Прикрыв веки, Мария избавилась от раздвоения. Увиденное потрясло девушку. Она словно перестала быть собой. И тут до неё дошло: она — тётя Таня. И всё вокруг видится глазами женщины, не сейчас, а когда-то ранее. Внутри всё кипит от обиды и гнева: «Как… Как он посмел меня оставить? Что мне с этим делать? Я себя-то прокормить не смогу…» За окном темно. Где-то тикают часы, но их не видно. За столом, опустив голову на руки, сидит Костя. Слышится скрип открываемой двери и входит… Витя. Маша ощущает, как раздражение сменяется удивлением. Женщина явно знакома с гостем. И вдруг её волю словно сковали: она не в силах ни что-либо сказать, ни что-либо сделать. Витя вытягивает руку, и из Костиного тела вырывается извивающийся хоровод из многочисленных темных частичек, напоминающих пепел. Эта змейка дотягивается до руки «гостя» и исчезает. А еще миг назад крепкий и здоровый парень, оседает на пол кучей трухи и пыли. Рука направляется в сторону той, чьими глазами смотрит Мария. Сознание девушки проясняется. Уже не той женщине, а ей самой становится страшно, она хочет прервать это наваждение, но видение не отступает. Она ощущает, как жизнь уходит из её тела. Картинка исчезает. Маша опять стоит в комнате, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в спинку стула.

— Как… такое… возможно… — с трудом прохрипела Маша и совершенно опустошенная сползла на пол.

— Его больше нет, — выдыхает очнувшаяся Света и вдруг резко поворачивается к сестре: — Это всё ты виновата! Ты этого колдуна сюда привела! Ты к озеру таскалась и меня за собой… — на большее её запала не хватило, слезы хлынули рекой.

Клавдия Семёновна положила свои руки на головы девушек. Света утихла, а Мария ощутила внезапный прилив сил. Всё ещё шокированная происходящим, она села и так посмотрела на пожилую женщину, словно впервые её видела. Ещё вчера девушка

от души посмеялась бы, услышав от кого-нибудь такую историю. Она и на фольклористику пошла, потому что ей сказки нравились, но теперь ей стало страшно. Получается, это всё не вымысел? Да и как получилось, что она сама смогла увидеть произошедшее тут накануне?

— Лучше б это был колдун, — прервала Машины размышления пожилая женщина. — Твой друг всё-таки не наркоман, Маша, он — ведьмина кукла. И да, Света, нет больше твоего Костика. И ничего не поделаешь уже. Варвара… после того как озлобилась… вот так всех и высасывала, — она повела рукой, указывая на пару кучек тлена оставшихся до сих пор на полу. — Видно поняла, что гости редкость, а руки коротки. Вот и завела ручного зверька.

— И что теперь делать? Что будет с Витей? — пребывая в шоке от увиденного, пролепетала Маша.

— Откуда мне знать? Увози его. Чем дальше, тем лучше. Может, она не дотянется. Худо, что к озеру теперь торная тропка есть, да и дорога будет. Тут уже не в моих силах помешать. Как мне с Варварой дальше бороться, ума не приложу. Но то уже наша со Светой беда, тебе друга срочно увозить надо.

— Но… такого же не бывает… — только и смогла выдавить Маша.

Пожилая женщина лишь вздохнула в ответ. Достала из котомки церковную свечу, несколько пакетиков с сушеными травами, ступку. Выложила всё это на стол. Тихо что-то бормоча, зажгла свечку, прошла с ней по комнате, едва не касаясь фитильком углов и стен. Растёрла травы в ступке. Высыпала полученный порошок на то место, где когда-то стоял «гость». Вспыхнули, замерцали фосфоресцирующие следы на полу. Подхватив свои вещи, Клавдия Семёновна жестом позвала внучек и вышла наружу. В лучах солнца слабо светящаяся цепочка была плохо различима. Она вела к конуре, скотному двору, на улицу и к дому Саныча.

— Если это его же рук дело, то почему дед утонул, а не так же… ну… исчез, — взглянула на бабушку Света.

— Стар потому как, — коротко ответила пожилая женщина. — Да и не знала достоверно Варвара умер ли Саныч. Вот куклу и отправила проверить.

— Да за такое и убить не грех! — зло зыркнула на сестру Света.

— Ой, ли? — наблюдая за девушками, невесело усмехнулась пожилая женщина. — Не ты ль убивцей-то будешь? Помалкивай лучше. Ты, когда курам головы рубят — отворачиваешься, а тут человека решила убить. Да и руку поднять не успеешь — в прах

обернёшься. Осторожно с ним надо. Это он, видать, при Машке смирный, потому как она с Варей на одно лицо. Придём, я тебе в бутыль чаю заварю, да травки нужные с собой дам и уезжайте. Подальше.

Маша слушала в пол-уха, она стала свидетелем того, чего не могло быть! Мало того, что она и сама стала частью того, во что никогда не верила. А её друг… она вроде как и не винила его. Но помнит ли он это? Хотя нет, вчера после чайка болтал как ни в чём ни бывало. Каково ж ему будет, если вспомнит? Рассказать ему правду или лучше умолчать? Но ведь если промолчу, он через время вновь на проклятое озеро припрётся и опять по новой? Что же делать-то?

Собралась Маша быстро. Витя всё в той же позе сидел и глупо улыбался. Клавдия вновь дала парню выпить своего отвара, а потом, смотря ему в глаза, коснулась руки и тихо произнесла:

— Ты забудешь об этом посёлке, об этом доме, об этом озере. Ты хочешь поехать с Марией на море. Сюда никогда больше не возвращайся.

Стоило убрать руку, парень встрепенулся.

— Мне это… пора уже. Машк, ты собралась?

Маша смотрела то на друга, то на Клавдию. После пережитого в доме Светкиного жениха, ей казалось, что она разучилась удивляться. Но это было — слишком. Однако времени на то, чтобы привести мысли в порядок, не было. Витя уже собрал разбросанные Машей (в поисках наркотиков) вещи, и ждал у калитки.

— Как мне-то жить с этим знанием? — смотря в глаза пожилой женщины, спросила Маша, она так искренне желала забыть обо всём, хотела, чтобы всё произошедшее стало сном.

— На тебя такое не подействует, девочка, — поняла её мысли пожилая женщина. — А как с этим жить? Научишься. Ты всё знаешь, просто пока не осознаёшь. Придёт время — вспомнишь всё что нужно и поймёшь. Я тебе там помимо бутыли с отваром, сухую смесь положила, будешь сама заваривать.

Простившись со ставшей родной старушкой, Маша грустно взглянула на дом, куда скрылась не желающая её видеть Света. Было обидно так расставаться, но ничего не поделаешь, надо было уезжать.

— Кстати, а где моё авто? — терпеливо шлёпая следом за девушкой по направлению к выходу из деревни вспомнил Витя.

Девушка мысленно выругалась и, взяв парня за руку и, посмотрела ему в глаза:

— Сломалась твоя золоченая карета, потом её пригонят, а пока ты с удовольствием поедешь со мной, — не очень веря в

успех, завершила она.

— А… ну ладно? — улыбнулся парень, а девушке от этой беззаботности стало совсем не по себе.

Что же я такое? — этот вопрос не давал ей покоя ещё довольно долго.

Глава 5 Из огня да в полымя…

Выбраться на новую трассу по косогору труда не составило, как и поймать попутку до города, где Маша арендовала на длительный срок джип, не лежала у неё душа к легковушкам. Ехали почти без остановок, сменяя друг друга за рулём. Маша с облегчением вздохнула и поудобнее устроилась на пассажирском сиденье, однако отдохнуть девушке не удавалось. Оживлённо болтавший парень вдруг умолк, а вскоре ехавшая справа машина издала протяжный, режущий барабанные перепонки сигнал. Маша взглянула в окно: соседняя машина, отжимаемая их джипом, вынужденно пылила по обочине.

— Эй, ты что творишь? — обращаясь к другу, воскликнула девушка и заметила на его лице всё ту же глуповатую улыбку и рассредоточенный в пространстве взгляд.

Придерживая руль, девушка прямо на ходу нашарила наощупь на заднем бутыль, и напоила его бабкиным отваром. И больше не расслаблялась. Кто знает, когда его вновь накроет? А жить почему-то очень хотелось.

На ночь они остановились в придорожном отеле. И вновь ей приснился сон.

Маша сквозь сон услышала далекий зов о помощи. Подскочив с постели, она прислушалась. Ничего. Прошлась по дому в поисках бабушки, заглянула во двор. Но той нигде не было. На душе стало неспокойно. Она чувствовала — что-то случилось. Но что именно? Не удавалось даже вспомнить, кому принадлежал звавший на помощь голос: женщине или мужчине? Плеснув пару раз водой на лицо, пригладила растрепавшиеся волосы и вышла на улицу. Небо заволокло тучами. Было зябко и пасмурно. Где-то мычала корова. На улице, жалобно смотря девушке в глаза, жалась к забору Ромашка. Она оказалась не доена. Ощущение боли в раздувшемся вымени, исходящее от животины, сводило с ума. Осторожно подоив страдалицу и задав ей корма, девушка вышла на улицу. Вечером она себя плохо чувствовала и до утра так и не встала с кровати. Да и бабушка почему-то не заходила. Что с ней? Она никогда не стала бы так обращаться с Ромашкой. О Свете почему-то мысли даже не возникло.

— Хочу найти бабушку, — тихо произнесла она, но ничего не произошло.

«Я неправильно задала вопрос?» — досадовала девушка. Как должно работать заклинание поиска? Спросить не у кого. Бабушка говорила, что все знания придут сами по мере необходимости. А вот не работает, и всё тут!

— Ты всё можешь, всё знаешь, — раздался возле самого уха чей-то шёпот.

Девушка заозиралась по сторонам. Вокруг — ни души. Голос принадлежал женщине. Маша готова была поклясться, что слышала его.

— Не пытайся меня увидеть, — звучал голос мягко, напевно.

— Варвара? — передернув плечами, в надежде отогнать неприятно бегущие по коже мурашки, догадалась девушка.

— Да, девочка, это я. Клава счастливая, у неё есть жизнь, есть ты. У меня была она, был он, но сестра отняла у меня последнее.

— Бабушка ни в чём не виновата…

— Вместо того, чтобы отомстить, она связала мне руки. Забрала всё, что имело для меня значение. Всё, что было дорого. Больше полувека я старалась обойти её заклятия и обрести какое-то подобие свободы, отомстить…

— Месть глупа и бессмысленна, — выпалила девушка.

— А моя смерть была разумна и осмысленна?

— Она не могла помочь! Они убили бы и её!

— Может и так, — согласилась Варвара. — Было так.

— Где бабушка? — в голосе девушки ощущалась враждебность.

— Я почти обрела вторую жизнь, а она их изгнала, — словно не слыша вопроса, продолжал вещать голос.

— Где она?!

— Там, где и положено быть. У неё есть родной дом, не место ей среди убийц. Думаешь, я погубила собственную сестру? Нет. Хотя… были такие мысли, были… но давно. Я вам не враг. Мне помощь ваша нужна. Но она и говорить со мной не желает.

— Зачем ты убила Костю? — произнесла Маша и ужаснулась: ей-то какое дело до неведомого парня? Это что же получается? Она во сне видит то, что происходит с сестрой?

— Хм… я ожидала вопроса: «Чего ты хочешь от меня?» Сдался тебе этот юнец. Ты красавица, а с моей помощью к твоим ногам упадут самые завидные женихи.

— Не нужны мне женихи. Он мой друг.

— Вот и мне не нужны были, — произнёс голос, и послышался звук, похожий на вздох. — Эти безмозглые курицы думали — мне одного мало. Мол, я всех хочу! Вот и забрала бы… потом… если б не Клавка. Помоги мне вернуться. Я научу тебя всему, что знаю…

Где-то заорали петухи. Маша в холодном поту вскочила с постели, окинула взглядом комнату. Они по-прежнему были в отеле. На соседней кровати тихо посапывал подозрительно улыбающийся Витя. Господи, когда же его отпустит-то? И тут до

Маши дошло, что у неё во сне вопреки обыкновению были светлые волосы, и она говорила с Варварой о явно неактуальных для себя темах, и даже в какой-то момент это отметила. Получается, теперь она видит сны из жизни Светы? Что у них там произошло? Неужели и вправду Клавдия пропала? Волнение возрастало, вопросов становилось всё больше, а ответов — ни одного.

Девушка взглянула на часы и, достав бутыль с отваром, подошла к улыбающемуся во сне Вите. Парень приоткрыл глаза и, призывно улыбнувшись, привлёк девушку к себе. Через мгновение Маша забыла о необходимости куда-то ехать, чем-то кого-то поить. Она ощутила тот незабываемый сон наяву.

Прервались молодые люди только после того, как в комнату начали усиленно стучаться, напоминая о том, что пора освобождать номер. Маша с сожалением напоила друга отваром и с горечью осознала, что он ничего не помнит о происходящем в состоянии транса. К вечеру второго дня друзья оказались возле Новороссийска и встали перед выбором: куда ехать дальше? Немного поспорив, Маша настояла на каком-нибудь тихом местечке на Азовском море. Совсем не хотелось оказаться в водовороте туристической жизни, суеты, тянуло к покою и песчаным пляжам.

До окончательного пункта назначения они должны были добраться уже затемно, но судьба решила иначе. Не доезжая километров семи, автомобиль зачихал и заглох. Витя, несмотря на сгущающиеся сумерки, с умным лицом залез под капот, но это не помогло. Решили переночевать в машине, а утром поискать мастерскую, и вдруг в окно кто-то постучался. На Машу сквозь оконное стекло смотрела высокая, худощавая старуха с кажущимися очень странными в темноте глазами.

— Сломались, касатики?

— Да, бабушка, — отозвался Витя.

— Так вы машину-то оставьте здесь, не бойтесь, не украдут. Небось, дом ищете? У меня есть, где поселиться. Может, посмотрите? Не понравится, так переночуете, а на утро сосед вашу машину глянет, да и поедете.

Предложение оказалось как нельзя кстати, и друзья согласились. И лишь оказавшись в просторном, уютном доме, Маша в шоке уставилась в незрячие бельма старухи.

— Что смотришь, девонька, — морщинистое лицо исказилось в пародии на щербатую улыбку.

Закрытые бельмами глаза обратились к девушке и, казалось, смотрели прямо в душу. Старуха прислушалась к чему-то и, поняв, что они одни, произнесла:

— Не случайно вас сюда занесло, девонька. Ты с куклой таскаешься, да только сделать ничего сама не сможешь.

Маша вылупила глаза: эта-то откуда всё знает? Мир окончательно терял последние черты привычности. Это что ж получается? Куда ни плюнь, сплошные ведьмы?

— А плевать, девонька, не надо, — явно прочитав её мысли, ухмыльнулась старуха. — Много нас по миру, не спорю. Да только никто в том не признается. Пришло моё время перед создателем за грехи ответ держать. Помоги мне. Я в долгу не останусь. И мальца спасу и… отвязать тебя не смогу. Это кровное. Но силу ты получишь достаточную и сама надеюсь от темной избавишься… жизнь наладишь…

— И чем помочь? — почуяла неладное девушка.

— Так-то я тебе и сказала. Хочешь куклу свою человеком вновь сделать? Помогу. Но сначала пообещай, что выполнишь всего лишь одну-единственную мою просьбу.

Предложение странное, но заманчивое. Воздействие Варвары на Витю так и не прекращалось, хотя их разделяло уже почти две тысячи километров. Видимо, расстояние не имело значения, и ехать дальше смысла не было. Да и сны, когда-то затмевавшие реальную жизнь, теперь пугали и выматывали девушку. Вот только справится ли бабка и чего запросит?

Забрав из машины часть вещей, вернулся Витя, и возможности продолжить разговор в тот вечер так и не представилось.

Ночь в очередной раз измучила девушку странными снами, да и Витя на утро опять сидел кукла — куклой. Взглянув на друга, Маша решила согласиться. Старуху, как оказалось, звали Валентиной, и было ей ни много, ни мало, а целых сто два года. Родных у неё никого не осталось, так и доживала свой век в одиночестве, изредка сдавая часть дома отдыхающим. Благо место было удачным: располагался дом на окраине небольшого хуторка, приютившегося на холме возле самого моря, а из окон открывался потрясающий вид на бесконечный синий простор.

— Ну что, решилась, девонька? — за утренним чаем, не обращая внимания на присутствие вопросительно приподнявшего бровь Вити, поинтересовалась старушка.

— Да, — проигнорировав интерес товарища, коротко ответила девушка.

— Ну что же, — покивала каким-то своим мыслям хозяйка. — Одно скажу, парнишка вспомнит всё, хоть и связь с тёмной потеряет. Уж потом ты сама его от внутренних терзаний спасать будешь. Согласна?

— Хорошо, — не совсем понимая, почему старуха потом не

поможет, согласилась девушка.

Витя кидал ничего не понимающие взгляды то на одну, то на другую. Маша собралась поинтересоваться, сколько они должны за проживание. Деньги были, и место ей нравилось, но, не желая оказываться в долгу, девушка всегда предпочитала предоплату. Однако старуха её опередила:

— Ничего вы не должны. Кроме твоего обещания, — отмахнулась она и едва слышно добавила: — Деньги на тот свет не заберёшь…

Дальнейшее удивило Машу. Хозяйка вручила ей какую-то корзинку, велев идти на море и до сумерек не возвращаться. Девушка надела купальник, прихватила всё необходимое и, снедаемая тревогами и любопытством, побрела на пляж.

Погода выдалась чудесная, приятный песочек и обилие ракушек радовало, однако девушка не могла в полной мере оценить все прелести, помимо всех тревог давило ещё и ощущение, словно она продала душу. Чего от ведьм ждать? Ближе к полдню солнце начало немилосердно жарить, и она перебралась в тень невысокого разлапистого куста, где впервые за долгое время спокойно продремала пару часов. Жара спала. Перекусив найденными в корзинке продуктами, Маша искупалась и, нежась на теплом песочке, попыталась разложить по полочкам события последней недели. С трудом верилось, что это происходило в реальности и с ней, но факты оставались фактами, привычные стереотипы рушились на глазах. Колдовство, гипноз, жизнь после смерти, управление чужим телом на расстоянии… стоп… — что-то внезапно осенило Машу, но, мелькнув на границе сознания, растворилось в сумбуре мыслей. Девушка чувствовала: это что-то важное. Она попыталась вспомнить все, о чём думала до того, ощущая, что та самая мысль где-то рядом…

И вдруг многое встало на свои места: по словам Клавдии, Варвара подпитывалась чужой жизненной силой, контактируя через Витю с окружающим миром. Но это прекратилось. Или нет? Девушке казалось, что она своевременно успевала привести в чувство друга… хотя той ночью… в отеле она крепко спала. Кто знает, что успел натворить не отвечающий за свои поступки товарищ? Маша понимала, что ответа на этот вопрос не получит, да и не хотелось ничего знать. Витька… благодаря её стараниям выходит из-под ведьминого контроля, а значит… именно ему грозит опасность. Девушка молилась о том, чтобы Валентине удалось снять заклятие с друга. В нынешнем состоянии он, сам того не подозревая, представлял опасность для окружающих.

Солнце клонилось к закату, и Мария, искренне надеясь на добрые вести, засобиралась «домой». На пороге её встретила

жутко осунувшаяся хозяйка дома.

— Всё хорошо, девонька, спит твой касатик, — сиплым голосом произнесла старуха. — Пришёл и мой черёд отдохнуть, — добавила она и поманила девушку за собой.

Войдя в дом, Валентина, не говоря ни слова, прошла в свою довольно просторную комнату и указала на старомодное трюмо:

— Маша… в том ящике все нужные бумаги, — упоминание настоящего имени из уст старухи вызвало удивление девушки. — Не будь смешна, я многое о тебе знаю, — заметив реакцию собеседницы, невесело усмехнулась та. — Даже то, что тебе пока неведомо. Ты же, как кутенок слепой, носом тычешься, а во что, не разумеешь. Но ничего, девонька, это ненадолго. Скоро прозреешь. Сейчас ящик не тронь, — заметив, что Мария направилась к трюмо, остановила её Валентина. — Придёт время, тогда и возьмёшь.

— Что там?

— Любопытство сгубит тебя. Потерпи. Ты поймешь, когда время придёт, — деловито расправляя кровать, словно собралась укладываться спать, произнесла пожилая женщина. — Ты лучше мне водицы принеси… уморилась я что-то… только чистой, с колодца набери.

Девушка послушно исполнила просьбу старухи, которая к её возвращению уже лежала в кровати. Маша понимала, что в столь почтенном возрасте усталость дело нормальное, однако не терпелось узнать, чего же хочет от неё эта пожилая женщина. Но спросить сейчас не решалась, уж очень жалко смотрелась старуха.

— Возьми, — протянула ей пустой стакан Валентина.

Их пальцы коснулись, и девушку словно молнией пронзило. Стакан со звоном упал на пол. Ошарашено отскочив прочь, Маша переводила взгляд со своей руки, в которой до сих ощущалось покалывание, на беззаботно улыбающееся лицо старой ведьмы. И что-то в выражении лица старухи настораживало. Появилась в нём не свойственная той безмятежность. Девушка осторожно коснулась руки пожилой женщины, и та безвольно сползла с матраца. Возникшее мгновение назад непонятно откуда появившееся плохое предчувствие ударило по нервам. Маша попыталась нащупать пульс. Ничего. Сбегав за зеркальцем, поднесла к лицу. Ничего. Хозяйка дома была мертва.

— Ещё одна, — не зная, что делать в подобной ситуации, сокрушенно выдохнула девушка.

Маша опрометью бросилась в их с Витей комнату, на ходу собирая вещи. Однако, как она ни теребила друга, тот лишь сонно ворчал и норовил зарыться головой под подушку. Осознав тщетность своих попыток, она выудила из сумочки лежавшие там

на черный день сигареты и вышла на улицу. Вообще-то она не курила, но в стрессовых ситуациях, нет-нет, да выкуривала одну — две сигаретки.

И вдруг многое встало на свои места: Валентина знала о своей смерти, она была готова, и излечение Вити — это посмертный подарок преемнице. Преемнице? Именно так в сознании сформулировалась её роль. Бог с ним. Пусть и так. Теперь это не имело значения — сделанного не вернуть. Главное, что понятно стало и многое другое: например, её книга по сути описывает жизнь Варвары. Пусть в тот момент, когда строки рождались на экране ноутбука, девушка и была уверена, что пишет о своих фантазиях, но незнание не освобождает от ответственности. Могло ли это разгневать Варвару? Могла Варвара влиять на тех, кто, прочитав книгу, узнавал о её существовании? Возможно, она подпитывалась ими? В принципе — да, но… тогда ей было бы невыгодно исчезновение книг. Значит, наоборот, она не хотела, чтобы о ней стало известно? Или был некто ещё? Тот кто разыскивал и уничтожал эти книги? Опять же зачем? Возможно чтобы предотвратить влияние ведьмы? Увы, это всего лишь догадки. Жаль, правоохранительным органом это никак не объяснишь. Если у Валентины всё вышло, а девушка чувствовала, что Витина связь с ведьмой разорвана, значит, нет смысла прятаться. Не будет книг о Варваре, не будет и жертв.

Где-то в небе вспыхнула, оставив на мгновение белый росчерк, падающая звезда. «Моё желание… чтобы ведьма сгинула навсегда!» — мысленно выпалила девушка и вернулась в дом. Переполненная решимости Маша вернулась в комнату покойной. Трюмо. Бумаги. И лишь мельком просмотрев документы, безвольно сползла на пол. Здесь были незапечатанный, слегка потёртый, словно его неоднократно открывали, конверт и разложенные в два прозрачных полиэтиленовых пакетика стопки бумаг и документов. Среди последних оказались паспорт, свидетельство о рождении, пенсионное удостоверение, удостоверение блокадника… хм… так она тоже из Питера? — удивлённо констатировала девушка. Однако второй пакетик с документами удивил гораздо больше. В нём оказались бумаги на дом и земельный участок, в которых полноправной совладелицей числилась Вронская Мария Степановна. Маша протерла глаза, проверила все данные из документов, ошибки быть не могло: она уже давно является владелицей этого дома. Дальше лежали бумаги на квартиру… в Питере. Но как такое возможно? Документы оформлены семь лет назад. Получается, Валентина откуда-то знала об её существовании уже тогда? Ей было-то ещё восемнадцать!

— Да уж… ничего не скажешь, хорош подарочек, — пробормотала Маша, окидывая взглядом просторную комнату.

Подарок, конечно, был королевским. Однако девушка находилась в недоумении. Что ей теперь делать? Первым порывом было разбудить друга и уехать из дома странной старухи, но теперь она не могла так поступить. Предстояло похоронить женщину. Удивительно, но, то ли потому, что она мало была знакома с усопшей, то ли учитывая её почтенный возраст, горечи при виде беззаботно улыбающегося бездыханного тела Маша не испытывала. Взгляд упал на конверт с письмом, откуда-то появилась уверенность, что оно адресовано ей, и, прихватив послание, девушка вышла на улицу, где устроилась на лавочке и в пробивающихся из окна лучах света начала читать:

«Если ты читаешь это письмо, девонька, значит, судьба сжалилась надо мной, и привела тебя в мой дом. Всё моё имущество принадлежит теперь тебе. Ты удивишься, откуда старая тебя знает? Не бывает в жизни случайностей, куда ни посмотри, сплошные закономерности. Я твоя прабабушка, со стороны отца. Возможно, он обо мне никогда не говорил. Его вины в том нет. Его мать — моя дочь, была жутко своенравной, и однажды, пойдя против воли родителей, отказалась поддерживать отношения. Ни я, ни мой покойный супруг для неё больше не существовали. Когда я узнала, на ком женился мой внук, то попыталась вразумить его через нежелающую меня знать дочь. Конечно же, она не послушала. Я почувствовала, как ты появилась на свет, уже тогда ощущался потенциал, но кто-то постоянно тянул из тебя жизнь. И я обнаружила связь, ту самую, которой так боялась. Не мне было тягаться с застрявшей между мирами озлобленной ведьмой. Уехав сюда, я признала свою слабость. Да, я струсила, сдалась. Но ради тебя. Останься я там, и нам обоим пришлось бы худо. Я откуда-то знала, что придёт день, и ты войдёшь в этот дом. Я обязательно дождусь встречи с тобой. И если ты читаешь это письмо, то этот момент настал. Перед уходом я посильно помогла тебе, в этом я уверена. И моя смерть станет тем лезвием, что разрежет нить, связывающую тебя и ту ведьму. Прости, что не сумела оградить тебя, слишком далека я была. Теперь ты обладаешь немалой силой, начни новую жизнь, я верю — ты справишься. И не вздумай горевать. Ты меня не знала, ни о какой любви с твоей стороны и речи нет. Похорони

меня и какое-то время поживи в этом доме. Вид из окон в нём не плох, не правда ли? Он успокаивал меня. А по ночам здесь такое яркое звёздное небо, не то, что в пасмурном Питере. Вот только с глазами всё хуже становится. Счастья тебе, Машенька. Целую тебя, девонька моя».

Маша несколько раз перечитала послание. Во всё это сложно было поверить. Как же тесен мир, как непредсказуемы людские судьбы. Вот жила себе одинокая старушка, а оказывается, у неё до недавнего времени, и внук был, и правнучка. Вот только что-то мешало ей пойти навстречу, а они об её существовании и не догадывались. Да и Маша, со смерти отца считавшая себя сиротой, обрела кучу родных. Да и каких родных!

В эту ночь девушка так и не сомкнула глаз, а наутро началась суета. Представилась она дальней родственницей, но вопросов относительно «своевременно» почившей хозяйки это не устранило, лишь оправдало присутствие. Благо дом был оформлен на её настоящее имя и никому в голову не пришло проводить параллель, иначе бы точно обвинили бы в покушении ради наследства. С учётом возраста Валентины лишних сложностей не возникло, заключение патологоанатома и прочего, удалось получить довольно быстро. Чему Маша была искренне рада. Эта часть прабабкиного подарка её не очень устраивала. Похороны прошли уже к вечеру второго дня. Как оказалось, Валентину на хуторе любили — на поминки собралось всё местное население.

Витя тем временем почти ни на что не реагировал. Девушка даже успела испугаться, что у Валентины ничего не вышло, но каким-то неведомым ранее чутьём поняла: у парня в голове каша, он вспомнил всё, что происходило, когда он был вне себя. Маша старалась лишний раз его не тревожить. Когда будет готов, сам заговорит, а пока её дело сторона.

Жизнь для девушки обрела новые краски, появилась жажда действия, вот только, что именно делать, она не знала. Начали происходить странные вещи: то она знала, о чём думает собеседник, ещё до того, как тот озвучит свои мысли, то предугадывала, что какой-то предмет вот-вот упадёт, и успевала подхватить его на лету. Ничто уже не удивляло, всё происходящее казалось само собой разумеющимся.

До конца лета оставался месяц и, наблюдая за медленно приходящим в себя другом, Маша твердо решила провести остаток каникул здесь. А потом… ну, во-первых, её ожидала учёба, во-вторых, она решила написать новую книгу. Нет, конечно

же, не о Варваре. Сюжет уже созрел, несколько сопливо-романтический, но именно этого ей сейчас и не хватало. Она никак не могла забыть ту ночь в придорожном отеле, которая окончательно расставила всё по местам. Но, к сожалению — лишь для неё. Витя в тот момент был не в себе. Да, сейчас наряду со всем прочим, он вспомнил и об этом, но слишком сильным оказалось потрясение. Ведь его руками, пусть и против воли, были убиты как минимум четыре ни в чём неповинных человека, и это только те, о ком было известно Марии. Витя об этом говорить не хотел. К тому же и девушка осознала, что с самого начала его влечение было навязано извне, да и тянулся он не к ней, а к давно сгинувшей ведьме, впоследствии нашедшей способ, пусть и ненадолго, но воплотиться.

Маша не испытывала к Варваре никаких родственных чувств, напротив, даже ненавидела ту, что искорёжила её жизнь. И именно месть стояла на третьем месте. Она не собиралась отдавать приоритет ведьме, достаточно того, что она двадцать пять лет провела словно во сне. Вера в то, что обязательно найдётся способ упокоить Варвару раз и навсегда, укреплялась с каждым взглядом на не находящего себе места друга.

День сменялся днём, Маша прикладывала все силы, стараясь вернуть друга в нормальную колею. Но новые способности открыли для девушки и потаённые мысли молодого человека, те, с которыми он пытался бороться, с отвращением к самому себе. Подруга пыталась заставить товарища откровенно говорить, но он замыкался в себе.

Витя оказался тем самым опальным сыном сибирского магната. Именно он должен был делить наследство со Светиным женихом. Он же являлся и тем богачом, который через третьих лиц выкупил земли и согласовал строительство дороги. Теперь, окунувшись в воспоминания, парень не понимал, что им двигало. Была ли инициатива убийства навязана Варварой, что несколько облегчило бы его внутренние терзания, или же он сам выбирал жертвы? Как ни пыталась утешить его Мария, но парень твердил одно и тоже:

— Какая ей разница, кто будет жертвой? Ей нужны были силы. Это я! Именно я виноват в том, что умерли эти люди.

— Ну, не они, так другие, ты всё равно бы убил кого-то. В этом нет твоей вины.

— Если бы, действительно, это были случайные люди, я мог бы согласиться. Но, Машк, как ты не поймёшь, ими стали именно те, кто мне мешал! А не настолько мне те деньги нужны. Мне и того, что есть, достаточно, да и половина наследства — это сумма немалая, так зачем же я сделал это?

И так продолжалось до бесконечности. Казалось, ещё чуть-чуть, и парень или сойдёт с ума, или сведёт счёты с жизнью. Маша не выдержала, коснулась его руки и тихо произнесла:

— Ты никогда не бывал в Патошино, ничего не знаешь о Варваре, о моих снах и выдуманной истории из моих книг ты тоже почти ничего не помнишь, а файлы с их содержимым безвозвратно удалишь, едва их увидев. Твой отец погиб, его жена объявлена без вести пропавшей, и других наследников нет. Три дня ты отдохнёшь в этом милом месте, где тебе очень понравилось, и поедешь входить в права наследования.

Девушке очень хотелось сказать: «И ты любишь меня…», но это было бы нечестно как по отношению к другу, так и к самой себе. Мгновение поколебавшись, она отдернула руку, и парень встрепенулся. Куда и делась давешняя печаль, тоска. Он задорно улыбнулся и произнёс:

— Манюнь, а Манюнь? А как ты смотришь на идею ночного пикника на берегу? С шашлычками и шампусиком?

— Эм… — растерялась не ожидавшая столь разительных перемен девушка. — Ну как бы я не против, — улыбнулась она, горюя, что не додумалась поступить так раньше.

Вот только теперь уже её снедали внутренние терзания: правильно ли она поступила? Честно ли это — отнять у человека часть жизни, пусть и не самую лучшую. Совета спросить было не у кого. Может, Клавдия что-нибудь и подсказала бы, да где она сейчас? Пожалуй, лучше уж так, чем видеть вечно поникшего Витю, который того и гляди сунет голову в петлю, — решила девушка и закрыла для себя эту тему.

* * *

Маша вопреки запретам вернулась в город. Она чувствовала, что лично ей ничего не грозит, вот только в полиции объяснить это было не просто. Но она всё же отстояла своё право, однако и те убедительно потребовали иметь при себе всегда, но не отсвечивать в Питере выданными документами, а при малейшем подозрении на угрозу информировать органы.

Близились новогодние праздники. Витю Мария не видела с того дня, как они простились на море. Казалось, молодой человек напрочь забыл о существовании девушки. Но она не могла его винить. Его чувства изначально были навязаны, она сама заставила его обо всём забыть. Хотя теперь и скучала. С опозданием осознав, что все те годы, в тайне от самой себя, любила молодого человека. В связи с вынужденной потерей она

вновь превратилась в Снежную королеву, поставив жирный крест на вопросах личной жизни. Нет, деревянной ниже пояса она не стала, но тут ей очень даже помогли сайты знакомств, изобилующие немалым количеством самцов, тяготеющих к одноразовым отношениям без обязательств. Однако какие бы пылкие экземпляры ей не попадались, эта пародия на секс не шла ни в какое сравнение с пережитым ранее с Витькой.

В фирме по-прежнему всё было в порядке, а вот учёба как никогда увлекла девушку. Теперь-то она знала, что под многим из народных баек имеется реальная основа. За это время она и в себе обнаружила немало новых талантов.

Кстати, книга уже тоже была написана, да только ни одно издательство ни под каким предлогом не желало принимать работы «проклятого автора». Но Мария не сдалась. Конечно невозможно было объяснить им что проблема не в авторе, а именно в содержании книг. Изменив название произведения, переписав синопсис и аннотацию, она представилась чужим именем и настояла на личной встрече с редактором. Ну, а дальше в действие вступили вновь обретённые способности. Вскоре книга вышла, причём под её родным именем и фамилией, что вновь вызвало бум и живейший интерес в кругу тех немногих, кто был осведомлён о прошлой скандальной истории. Не заставили себя ждать и сотрудники правоохранительных органов. Они не понимали, зачем девушка, игнорируя их требования, рискует жизнью, а также, почему издательство выпустило книгу запрещённого автора. И опять Маша пустила в ход новые методы убеждения. В итоге дело конечно не закрыли, но её и издателей оставили в покое.

И вновь тираж разошелся на ура, не в столь короткий срок, но были раскуплены все до единого экземпляры. Отзывы читателей вызывали противоречивые чувства. Позиционировалась её продукция, как легкое чтиво для домохозяек. Это показалось оскорбительным. И она затаила обиду. После смерти Валентины, она многое воспринимала не так, как прежде. Куда и делась кроткая и смиренная девушка.

На праздники она решила наконец-то вырваться в Патошино. При мысли о поездке ей было не по себе, но откладывать дальше, прячась от самой себя, было бесполезно. Она понимала, что рано или поздно должна будет навестить родных. Тем более, что возле озера её по-прежнему ждало одно незавершенное дело. Вот только справится ли она? — в этом Мария не была уверена.

Не желая застревать в пробках вместе со всеми выезжающими за город на новогодние праздники, Маша выехала за два дня до окончания рабочей недели. До места она добралась без проблем и

навскидку решила прокатиться по трассе дальше. Взглянуть, как ведутся дорожные работы возле Патошино. Оперативность дорожных служб искренне поразила девушку: уже имелся очевидно не так давно запущенный в эксплуатацию съезд! Повернув в сторону деревни, Маша заметила впереди несколько полицейских машин и собиралась проехать мимо. Но, откуда ни возьмись, появился сотрудник ГИБДД и взмахом палочки приказал ей остановиться.

— Ваши документы, — не забыв предварительно представиться, попросил гаишник. — Цель вашего визита?

— Родственников навестить еду, — удивилась такой жесткой пропускной системе девушка.

— Фамилия ваших родственников, — вступил в разговор полицейский, и только тут Маша поняла, что ответа она и не знает. Раньше как-то не интересовалась. И как это полиции объяснить?

— У меня тут двоюродная бабушка и сестра. А вот фамилию я их не знаю, — как есть призналась Маша.

В голове мелькнула мысль: жаль, что я не умею без контакта внушать сразу нескольким людям. Это так облегчило бы задачу…

— А имена у бабушки и сестры есть? — не унимался полицейский.

— Да, Клавдия Семёновна и Светлана. А что?

Но полицейский потерял уже к ней интерес и, кивнув коллеге, забрался обратно в машину.

— Удачного пути, — протягивая документы, произнёс ГИБДД-шник.

Что-то здесь было не так. Ну, понятно было бы такое внимание где-нибудь на подъездах к элитным базам отдыха, мало ли какой нувориш там отдыхает, может, и мэр даже или депутат какой, а тут-то что? Где-то глубоко внутри засело нехорошее предчувствие. Внутри деревни дорожные работы ещё велись. Посёлок зимой выглядел заброшенным. В сгущающихся сумерках, на фоне белых сугробов, проплывали мимо мрачные окна домов. Нигде ни единого лучика света. Может, перебои с энергоснабжением? Хотя и собак не слышно. Раньше стоило проехать по деревне, и начиналась такая перекличка, что по голосам всех псин пересчитать можно было. Однако вон в доме Клавдии свет горит. Видно его издалека. Где все? Ну дачники, оно понятно, может, и понаедут: выходные-то ещё не начались. Но остальные? Неужто все съехали?

Маша запарковала машину, вошла во двор, ожидая, что вот сейчас откроются двери и выйдет заслышавшая шум Клавдия, но никто не вышел. Девушка постучала в окно. Тишина. Волнение

накатило новой волной, и она заскочила в дом. Одна комната — свет горит — пусто. Вторая так же. Кухня — никого. Светкина комната — пусто. Что-то остановило девушку перед входом в бабушкину спальню. Несмотря на то, что в доме было жарко натоплено, по коже пробежал холодок. Маша неуверенно толкнула дверь.

В кресле возле кровати дремлет Света, держа за руку лежащую на постели до невозможности истощенную Клавдию. Бледные впавшие щеки старухи шелохнулись, приоткрылись поблёкшие глаза, и в них мелькнуло облегчение. Сухонькая, словно обтянутая пергаментом, трясущаяся рука медленно протянулась навстречу к гостье.

— Я уж думала, не дождусь тебя, девонька, — голос прозвучал ломко, скрипуче.

Такое предисловие очень не понравилось Маше, что-то было в нём знакомое. Удивительно, Света по-прежнему дремала, не замечая, что кто-то пришёл.

— Я её усыпила, — проскрипел голос. — Лучше так. Целее будет. Тут защита. А выйдет — сгинет. Увези её, Машенька. Хотя бы в город забери.

Девушка стояла, ничего не понимая. На тебе, съездила на праздники к родне. Патошино и так ассоциировалось с проклятыми снами, ведьмой и прочим малоприятным, но это уже перебор.

Старуха всё также тянула руку к гостье, и Маша не выдержала, подсела рядом.

— Возьми, — проскрипела Клавдия. — Ты всё поймёшь.

Решив, что та желает ей что-то отдать, Маша коснулась руки, и вновь в глазах девушки взорвались миллиарды искр, тело свело судорогой и отпустило. Маша посмотрела на свою занемевшую кисть — ничего. Взглянула на Клавдию и отшатнулась: знакомое выражение блаженства и покоя. Рядом зашевелилась Света.

— Ой… прости, я уснула, — как-то вымучено улыбнулась она. — Ой… что с ней?

— Она умерла, Свет, — тихо ответила Маша.

Ей не надо было касаться тела усопшей, чтобы понять это.

Откуда-то пришло знание о происходящем в Патошино и о том, что надо делать. Повернувшись к сестре, Маша взяла девушку за руку, взглянула в глаза и произнесла:

— Так ей будет лучше, она отмучалась. Не страдай, не плачь, отпусти её. Она любила и всегда будет любить тебя.

Света преданно смотрела в глаза сестры, и Маше вновь стало противно. Опять она вмешивалась в чужую жизнь, навязывала не свойственные ситуации чувства. Но лучше так, чем девчонка

будет изводиться.

— Ты не выйдешь из этого дома до нашего отъезда. Радуйся тому, что она умерла не в муках, а с улыбкой на устах. Мы уедем в город. У тебя будет своя квартира. Это будет твой лучший Новый год. Ты проживёшь долгую счастливую жизнь без ворожбы и суеверий, — завершила девушка и отстранилась.

Ей казалось, что её руки испачканы какой-то мерзкой липкой грязью, желая смыть её, девушка выскочила в кухню и начала плескаться в умывальнике.

— Приготовь поесть, — деланно будничным голосом произнесла она и с удивлением отметила, что Света беспрекословно подчинилась.

Ну, а ей теперь предстояло заняться похоронами. Решив не тянуть, она поехала к выезду на трассу, где в последний раз видела сотрудников полиции. Уж они-то точно подскажут, куда ей обратиться в этой глуши.

— Тебе клюв бы оборвать за такие вести! Синица, мать твою… да вы что тут, охерели все? — вместо сочувствия вылупился на девушку полицай.

После долгого виртуозного мата, перемежаясь им же, была высказана краткая картина происходящего: все, кто не съехал в другие населённые пункты — исчезли. Кого-то начали разыскивать соседи, когда оные ещё имелись, кого-то приезжавшие на выходные родственники. Уже месяц, как в деревне остался всего один-единственный жилой дом, о котором Маша и принесла невесёлую весть. Посёлок буквально вымер. Да мало ли куда по пьяни или по дури угуляли жившие в Патошино три с половиной калеки, но исчезновение четверых дорожных рабочих за последний месяц поставило всех на уши.

— Говорил я этому идиоту — останови строительство! Нечисто здесь, мать его так! Да куда там! У него ж как у того гуся бабок, что ему люди-то?.. — не унимался полицейский.

На шум сбежались и другие сотрудники правоохранительных органов. Их теперь тут дежурить заставляли. А на носу Новый год, и, понятное дело, их это не устраивало. С горем пополам девушка выяснила всё, что требовалось, и даже упростила себе задачу. Двое из патрулировавших освидетельствовали смерть, созвонились с необходимыми службами в райцентре и велели утром ждать машину.

К наступлению выходных всё было закончено. Сестру разок из дома Маша всё же выпустила. Не смогла отказать ей в праве проститься с бабушкой на кладбище. Перед тем настояв, чтобы Света заблаговременно упаковала свои вещи. Девушка безропотно подчинилась, вызвав у Марии очередной укол совести.

По возвращению в город, Маша первоначально поселила девушку у себя. Из квартиры доставшейся ей от Валентины, ещё предстояло выселить квартирантов.

Маша ощущала, как её буквально переполняют новые знания и возможности. Но использовать их не хотела. Каждый раз, применив какой-нибудь фокус из арсенала полученного в наследство от родственниц, она долгое время ощущала себя грязной.

Новый год прошёл как в тумане. Желая хоть чем-то порадовать сестру, Маша заказала столик в дорогом клубе. Ей было больно смотреть на то, с какой бесшабашностью проводит время девушка. Но лучше уж так. Иначе лила бы та слёзы в подушку, — вздыхала Маша. В свои неполные двадцать шесть она ощущала себя слишком старой для всей этой мелочной суеты, пусть хоть девочка несознательно, по чужой указке, но радуется жизни.

Глава 6 Возрождение из небытия

— А ты что, с Витькой поссорилась, что ли? — как-то вечером беззаботно поинтересовалась Света.

— С чего ты взяла? — буркнула в ответ сестра.

Нелегко ей давалось отсутствие любимого человека. Всеми силами старалась не думать о нём, не вспоминать, а тут такое… мелькнула мысль: а не заставить ли Свету забыть о его существовании? Жаль, нельзя сделать такое с собой. Насколько проще стала бы жизнь…

— Ну, он по Патошино на джипе всю осень гонял. То к озеру, то обратно…

Дальше Маша уже не слышала. Витя там? Как же так вышло-то? Должен же был забыть обо всём. Видать, сильнее её Варвара. Что же делать-то? В душе волной поднялась ревность. Она давно поняла, что тот сон, где они были возле озера, вовсе не был сном. Это была самая настоящая, пугающая своей нереальностью — явь. Варвара воплощалась и наслаждалась вновь обретённым телом. Не с кем-то другим, а с ним! До чего же жестоко было заставлять её видеть и ощущать всё то, что испытывала ведьма. И та ночь в придорожном отеле… девушку передёрнуло от противоречивых эмоций. Да, в тот раз именно она оказалась в объятиях любимого человека, вот только он видел перед собой не её, а свою проклятую Варвару! Маша больше четырёх месяцев мается неизвестностью, гадает: почему друг не отвечает на её звонки? Виня лишь себя — заставила забыть. Ай, нет! Это всё проклятая ведьма…

Маша как разгневанная фурия носилась по квартире, хватая то одну вещь, то другую, не понимая: куда, зачем она едет? Чего может и хочет добиться? Что ей может понадобиться?

Света с недоумением наблюдала за метаниями сестры. А та, ничего не объясняя, бросила на тумбочку несколько пачек пятитысячных купюр, толстенных по сравнению со стандартными банковскими и, не прощаясь, куда-то умчалась. Света ждала её день, второй, но та не возвращалась. Девушку охватил страх. Она не знала, где сейчас отец, о нём давно ничего не было известно. Жив ли? Кто знает, военная служба — рисковое дело. Маша, последний родной человек, вдруг так странно ушла из её жизни. Света ломала голову, вспоминая всё сказанное. Возможно, обидела? Но чем? Поинтересовалась её другом, и тут… точно, и после этого Машку как подменили.

И вдруг что-то изменилось. В голове обрывками начали всплывать воспоминания. Они казались чудными: бабушка

ведьма! Три раза — ха! Ну, такое нафантазирую! Странные смерти в посёлке… исчезновение Кости… сердце девушки сжалось. Что-то было не так. Она помнила, как когда-то горевала, но сейчас это были лишь воспоминания. Может я его и вправду не любила? — отмахнулась от навязчивой мысли Света. Но бабушка? Странно… в памяти всплыли произнесённые таким дорогим ей голосом слова: «Ты не выйдешь из дома, пока Маша не приедет…»

Она вспоминала и вспоминала. Поход в дом Кости и странное видение. Стоп. Это сон или явь? Колдовство существует? Бабушка действительно была ведьмой, и она тоже, и Машка? «Придёт время, и ты всё вспомнишь, всё поймёшь…» — прозвучали в голове слова Клавдии. «Ты не выйдешь из этого дома до нашего отъезда… ты проживешь долгую счастливую жизнь без ворожбы и суеверий…» — произнёс в сознании голос сестры.

Наваждение спало. Нахлынувшая боль от потери родного, любимого человека ударила по нервам. Непрошеные слёзы застилали глаза. Она умерла… её больше нет…

— Маша-а! — осознав, что сестра, скорее всего, кинулась в Патошино, беспомощно крикнула Света.

Теперь уже она металась по квартире, не зная, что делать. Не у кого попросить совета, да никто и не поверит. Почему, почему я всё вспомнила? — недоумевала девушка. Нет, она, конечно же, была рада этому. Уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Сестру Света не осуждала. Понимала — та хотела как лучше. Вот только ей самой теперь кто поможет?

— Я… — осознала девушка и начала собираться.

Электричка, затем такси. На въезде полицейские подтвердили — Мария где-то здесь. Вот и он, некогда такой родной дом. Только нет там никого. Даже Ромашки больше нет. Что случилось с коровой, девушка так и не узнала, лишь уезжая, заглянула в хлев — пусто.

Возле дома следы есть, но не свежие — снегом уже слегка замело. Знать бы, как бабушка тогда следы искала, но воспоминания до сих пор слишком обрывочны. Хотя, что тут гадать? К озеру идти надо. Воспитанной в страхе перед этим проклятым местом девушке было трудно преодолеть внутренний барьер и заставить себя сделать хоть шаг дальше дозволенной бабушкой метки. Но что толку от страха? Если останусь одна, то как и зачем жить? Решимость росла с каждой секундой, и девушка понемногу продвигалась навстречу чему-то неведомому, чему-то явно опасному, однако даже осознание этого не могло её остановить. Света чувствовала, сестра — там. Ей нужна помощь.

Впереди послышался звук заводящегося мотора. В груди всколыхнулась надежда: это она! Маша почувствовала

присутствие, она не могла не почувствовать…

Свет фар приближающегося автомобиля ударил в глаза. Девушка прикрылась ладонью, чтобы не слепило, и ускорила шаг, желая побыстрее убедиться, что с сестрой всё в порядке. Автомобиль уже рядом. Сейчас сбавит ход и… не оправдав ожиданий, двигатель машины взвыл, набирая обороты. Удар вышиб дух из тела. Света словно со стороны наблюдала, как её тело тряпичной куклой отлетает прочь, больно ударяясь об припорошенную рыхлым снегом промёрзшую землю. Сознание заволокло пеленой.

Голова раскалывается, какое-то пищание жутко действует на нервы. Слегка дрогнули веки лежащей в палате реанимации девушки.

— Пришла в себя, — послышался чей-то голос. — Значит, жить будет.

— Да разве ж это жизнь? Девочка-то молоденькая ещё совсем, и так… это ж каким извергом надо быть?

— Как всегда или виновных не найдут, или откупятся…

Света пыталась понять: где она, и что это за голоса? В памяти всплыла поездка в Патошино, их дом с занесёнными снегом следами, путь к озеру, машина и… ааа… её сбили. Вполне преднамеренно. Но кто? Кому она мешала? Глупый вопрос: Варваре. А значит, сбить мог любой, кто попал под влияние озерной ведьмы. Каждая мысль вызывала приступ головокружения, и вскоре навалилась тьма.

— Толку-то? Бредит вон ведьмами. Видать, хорошо головой-то приложилась. Как бы умом не тронулась, — произнёс чей-то голос.

— Жаль девочку. Молоденькая совсем. Если родных не найдут, то куда ж её? Документов при ней не было.

— Или на улицу, или в психушку, — вздохнула в ответ какая-то женщина. Здесь по-любому не оставят надолго, да и психические проблемы, это уже не наш профиль.

— Так скорее всего и выйдет. Никто особо искать не станет, кому надо, нашли б уже. Третья неделя пошла, как она в отключке. Хотя… если Снегирёва к ней допустят, тот, не смотри, что интерн, а может, и поднимет девочку… да и приглянулась она ему, а значит, приложит все силы.

Девушка слушала голоса окружающих, всё чётче осознавая — речь о ней. Это она несколько недель без сознания. Да что ж это такое в жизни-то творится? За что? Сначала в деревне чёрт-те что твориться начало, люди семьями исчезали, потом бабушка умерла, Машка… пропала. Что-то теперь с ней? Может, зря она волнуется, и с сестрой всё в порядке? Хотя вряд ли. Бабушка же

ей свою силу передала. А как иначе? Ведьме по-другому этот мир не покинуть. Будучи девчонкой, Света иногда убегала из дома. Бабушка находила её, появляясь бесшумно из-за ближайшего дерева, спокойная, словно всё время там пряталась и ждала. Нет, Света, конечно же, не думала о телепортации и прочей навеянной фантастами чуши, но девушка знала: бабушка чувствовала, где она. В любой момент могла отыскать. Значит, и Маша может, а раз до сих пор не пришла… либо нет больше сестры, либо ей самой нужна помощь.

Моменты просветления сменялись провалами в небытие. И однажды рядом послышался приятный мужской голос: не слишком тихий и не громкий, бархатистый и приятно ласкающий слух. Подобного девушка никогда не ощущала. Да и многих ли она слышала? Телевизор и радио не в счёт, а в реальной жизни… одноклассники, да мужики с деревни, у которых голоса зачастую были или хриплые, или сиплые, а большинство и вовсе картавили, да шепелявили, что не прибавляло им шарма и обаяния.

Свете очень хотелось открыть глаза и увидеть обладателя голоса. Она боялась, что это ангел. Это будет значить, что она умерла. Тело не то, чтобы не слушалась — не ощущалось. Но ведьмы же способны на многое? Пусть у неё нет бабушкиной силы, но было же что-то своё? Смогла же увидеть произошедшее в доме Кости? Тогда пришлось коснуться чего-то, сейчас такой возможности нет. Да и надо ли? Помнится, ещё Маша говорила, что лишние действия и слова — это способ повысить уверенность в собственных силах. Значит, надо поверить. И возможно, удастся вернуть чувствительность. Девушка тужилась до звёздочек, до потери сознания, но ничего не получалось, однако надежда не отпускала, и каждый раз, приходя в себя, она продолжала эксперименты. Порой она слышала тот голос, и его звуки заставляли воспарять духом.

Сколько прошло времени в безуспешных попытках, Света не знала, как и то, день, в тот или иной момент, или ночь. Однако стоило ей достичь желаемого, и девушка мгновенно пожалела: вместо ощущения тела — пришла боль. Местами пронизывающая, местами тупая, приглушенная, где-то пульсирующая, где-то саднящая. Казалось, весь организм превратился в болезненный комок. Наружу вырвался стон.

— Потерпи, хорошая моя, — произнёс голос, ставший таким родным за последнее время. — Сейчас укольчик сделаем, и полегче станет. Но ты держись, ты сильная. Мы обязательно справимся… ты выкарабкаешься… — приговаривал мужчина.

Как сделали укол, на фоне общего состояния, Света не

заметила, но боль отступила. Вот только по-прежнему не удавалось открыть глаза или что-то сказать. А так хотелось взглянуть на обладателя дающего ей надежду голоса, так хотелось поблагодарить за всё. Мужчина продолжал что-то говорить, казалось, он ни на секунду не оставлял девушку одну. Когда бы она ни очнулась — он был рядом.

Вскоре Свете удалось-таки открыть глаза. Небольшая, светлая палата. Соседние кровати пустуют. Возле окна, спиной к ней, стоит довольно высокий мужчина в медицинском халате. На улице солнечно, и непривыкшие к свету глаза не вынесли — заслезились. Хотелось потереть их, но как? Смирившись, Света прикрыла веки, вспоминая увиденное: высок, среднего телосложения, широк в плечах. Ничем не прикрытые волосы в лучах солнца отливают золотом. Рыжий? Это почему-то показалось девушке смешным. Её губы непроизвольно скривились в улыбке.

— Ну, вот и чудно, — голос послышался совсем рядом. — Ты уже и улыбаешься, а значит, идёшь на поправку.

Света приоткрыла рот — получилось! Неуверенно пошевелила языком… и произнесла то, что давно хотела сказать:

— Спасибо вам за всё.

— Не за что, моя хорошая. Ты пока не болтай. Береги силы. Мы с тобой ещё наговоримся, — пообещал рыжий, и в его тоне послышалась улыбка.

Девушка была уверена, что у него тёплые добрые глаза и ямочки на щеках. Почему? Да просто так. Смотря фильмы, она считала таких мужчин привлекательными. Хотя понимала, что эти красавцы — ловеласы и прожигатели жизни. Но так хотелось поверить, что он добр, способен посочувствовать, понять и при этом красив. Хотя какое имеет значение красота внешняя, если человек обладает внутренней. А в последнем девушка не сомневалась. Так, в приятных мечтах, убаюкиваемая его голосом Света впервые не потеряла сознание, а уснула.

И сон оставил противоречивые чувства. Место, где она находилась, узнать оказалось не просто. Всё же была она там один-единственный раз, да и то — летом. Сейчас водная гладь замерзла, её укрывал девственно чистый снежный покров. Да и многое изменилось с того последнего визита: на месте фундамента красовался новый дом, из трубы тянулся дымок. Полной грудью вдыхая свежий морозный воздух, она ловила падающие с неба снежинки и, несмотря на покалывание в начинающих замерзать пальцах, ликовала. На пороге их дома появился он. Света успела с удивлением узнать Машиного друга. Но смотрела она на него словно чужими глазами, она видела не

просто парня, а мужчину, к тому же желанного. Как же красив, — мелькнула мысль. Он, улыбаясь, двинулся навстречу, подхватил девушку, и она залилась радостным смехом. Как он занёс её в дом? Всё это было не важно, она чувствовала близость его теплого тела и исходящее от него буквально животное желание. Его губы коснулись её шеи, поднялись выше, руки заставили задохнуться от накатившей волны страсти. Дальнейшее даже разобрать было сложно, это была феерия чувств.

Проснулась Света непривычно возбуждённой и смущённой одновременно. Почему-то девушка была уверена, это не сон — это было, но не здесь и не с ней. Вспомнились Машины рассказы. Кем же она была в этом сне? Трудно понять. Мелькнувшее в зеркале отражение принадлежало Маше, но ведь они с Варварой, по словам бабушки, похожи как две капли воды. В душе девушки колыхнулась тревога. Если раньше ведьме удавалось временно воплотиться за счёт смерти других людей, могла она забрать тело сестры? Ответа не было, но опасение осталось. Только чем она, лежачая и беспомощная, сможет помочь Маше? Желание встать, победить боль и недуги возросло настолько, что девушка напряглась и слегка приподняла своё тело.

— Ого! — донёсся полный удивления голос умудрявшегося всегда оказываться рядом мужчины.

Посчитав этот звук чем-то вроде ободрения, она постаралась оторвать своё тело от кровати и осмотреться. Рядом, на одном уровне с ней располагались округлившиеся от увиденного глаза довольно молодого мужчины. Понимая, что что-то не так, она кинула взгляд в сторону и, не успев испугаться, упала едва ли не с метровой высоты. Кровать отпружинила, однако приземление не прошло бесследно, то тут, то там тело пронзила почти забытая в последнее время боль.

— К-как ты эт-то сдела-ла?.. — неожиданно робко произнёс мужчина.

Уверовав в свои силы и забыв о том, что существует невозможное, девушка мысленно загасила все очаги боли и с интересом взглянула на него. Не то, чтобы красавец, лицо простое, не худое, не мясистое, но и не грубое, средних размеров нос, а вот глаза… да глаза зелёные, опушённые густыми ресницами и очень чётко отражающие мысли мужчины. Смуглая не по сезону кожа, темные брови и аккуратно зачёсанная назад густая рыжая шевелюра. Так хотелось увидеть улыбку на этом лице, но мужчине явно было не до того, он пребывал в шоке, что и не удивительно. Девушка решила больше ничему не удивляться. И давалось это не просто. Каково это: собраться приподняться с кровати, а в итоге обнаружить себя парящей над

оной? Но если Светина психика оказалась более или менее подготовлена к всякого рода странностям, сталкивалась уже и не с таким, то доктор, мягко говоря — опешил.

— Извините, если напугала, — тихо произнесла она.

— Нет, нет… ничего… но как?

— Не знаю. Хотела подняться с кровати, а получилось немного не так.

— Ох, ёшкин кот… — привалившись к тумбочке, выдавил мужчина. — Не увидел бы своими глазами, в жизни бы не поверил.

— Я читала где-то, что потенциал человека велик, и используется лишь мизерная доля, — ляпнула в своё оправдание девушка.

— А ты это… повторить сумеешь?

— Не знаю. Падать больно, — вспоминая прошлый опыт, скривилась Света.

— Я поймаю, — улыбнулся он, и в зелёных глазах заскакали задорные бесенята, страха как не бывало, одно любопытство. Ни дать, ни взять — мальчишка-озорник.

Света вновь сосредоточилась, напряглась и попыталась приподняться. Увы, в этот раз ничего не получилось, в чем пришлось признаться.

Мужчина несмотря на это восторженно смотрел на девушку, потом подошел ближе и осторожно осмотрел неудачно приземлившееся в прошлый раз тело пациентки. От его прикосновения по коже девушки пробежали мурашки. Всколыхнув пережитые в давешнем сне ощущения. Зардевшись, она отвела глаза. А осознав, что под одеялом была абсолютно голая, и его руки касались её обнажённого тела — окончательно смутилась. Пусть он врач, но это не отменяло того, что он был довольно молодым и весьма привлекательным мужчиной. Благо он увлечённый обследованием этих нюансов, кажется, и не заметил.

— Так всё это существует? — с удивление пробормотал он.

— Что?

— Ну… гипноз-то понятно, но вот левитация, например… магия или колдовство… не знаю… никогда не верил.

— Ну, как видите — да. И гипноз — да. И колдовство — да. А вот магия? Что под ней понимать? Если вариант а ля метающий молнии Гарри Поттер на метле, то не уверена. Хотя и отрицать не могу. Но я не видела такого. Опять же магия и колдовство вещи в корне разные.

— То есть то, что ты сейчас сделала, — это нормально? — рыжий сглотнул.

— Раньше я с таким не сталкивалась, однако сами видите — это возможно.

— Только ни при ком так больше не делай. Загоняют, замучают, лабораторной крысой сделают, — в голосе слышалась искренняя тревога. — Так ты наверное и вылечить сама себя сумеешь?

— Думаю — да. Этим и собиралась заняться в первую очередь. Немного уже получилось, — улыбнулась девушка.

— Кстати… — явно смутился рыжий. — Меня Семёном зовут. Вернее Снегирёв Семён Витальевич. Я твой лечащий врач. Ничего не скажешь, повезло с пациенткой. При твоих травмах, многие давно крест поставили, но ты жила, словно назло. А потом и приходить в себя начала. Хочу, чтобы ты знала: если поднимешься, меня ждёт высокая должность.

— Зачем мне-то об этом говорить?

— Чтобы всё было честно. Иначе позднее узнаешь, не поймёшь, обидишься. И помни: я всё равно боролся бы за твою жизнь до последнего, — отводя взгляд, произнёс Семён.

Девушка с опозданием осознала — он мог испугаться, но не боится. Этот мужчина определённо ей нравился. В этот день они ещё немало успели пообщаться. Света ловила себя на том, что часто знала ответы ещё до того, как Семён успевал открыть рот.

Прошло две недели, прежде чем Света полноценно смогла ходить, и результаты обследований показали, что девушка абсолютно здорова. Это вызвало шок у персонала больницы. Чудо, да и только. Но факт расхаживал у них перед глазами, а значит, несмотря на уникальность случая, пациентку пора было выписывать.

— Ты решила, куда поедешь? — наблюдая за недолгими сборами, девушки поинтересовался Семён.

— Для начала к сестре на квартиру, — застёгивая порванную и местами испачканную кровью куртку, отозвалась Света. — Дай бог, чтобы она оказалась дома. Но в любом случае нужно взять денег и найти что-нибудь из одежды.

— Я это к чему, — неловко замялся мужчина, чем немало удивил девушку. — Может, давай подвезу, если ты не против? Вид у тебя прости уж… можешь нежелательный интерес у полиции вызвать.

— Если вас не затруднит…

— Давай-ка на «ты»? — предложил Семён и, заметив, что девушка кивнула, продолжил: — Вот и чудно! Я только папку с бумагами прихвачу и куртку, — вылетая стрелой из палаты, выпалил мужчина.

Света смотрела ему вслед и улыбалась. Не предложи он

подвезти — она бы очень расстроилась. Внезапно влетевший в её сумбурную жизнь Семён неожиданно быстро стал очень важной её частью. Нет, они не были близки. Он, как врач, и не помышлял об отношениях с пациенткой, тем более настолько уникальной, что девушку откровенно расстраивало. Впервые в жизни её тянуло к мужчине. С Костей и близко такого не было.

— Я готов, — раздался из-за двери его бархатистый голос.

Проблема обозначилась довольно быстро. Девушка не знала адреса. К счастью, новый знакомый хорошо знал город, а Машина квартира располагалась в очень приметном месте. Света до последнего боялась, что они не найдут нужный дом в этом огромном городе, но Семён безошибочно привёз её туда, куда надо.

— Крутой домик, — убедившись, что они на месте, удивлённо приподнял он бровь.

— Ей квартира от отца осталась, — пожала плечами девушка, для которой все городские дома казались крутыми в сравнении с деревенскими, да и в других квартирах девушка никогда не бывала. — Зайдёшь? — боясь услышать отказ, нерешительно предложила она.

— А кофейком угостишь?

— Почему бы и нет?

Стоило ли говорить, что и квартира произвела на молодого мужчину немалое впечатление. Отделана со вкусом, без излишеств, но в то же время и аскетизмом не отличается. Всё строго функционально, под рукой, аккуратно, светло, просторно и уютно.

— А это Маша? — указывая на стоящее на письменном столике фото в рамке, поинтересовался гость.

У Светы всё внутри сжалось: девушка впервые испытала ревность. Она-то понимала, что рядом с яркой красотой сестры смотрится серой мышью. Ещё из рассказов бабушки это помнила. Нет, та не внушала внучке неуверенность, наоборот, всегда говорила, что та красавица. Так уж само собой вышло. Света как две капли воды походила на свою бабушку, а Маша на Варвару. А все только и вспоминали, что ведьма была куда краше младшей сестрицы. Вот и запало это в душу, а с появлением Маши развило неосознанный комплекс неполноценности.

— Да, — убирая фото с видного места ответила та. — Пойдём на кухню лучше.

На ночь глядя, ехать в Патошино после минувших событий девушка не решалась, поэтому спешить было некуда. За чашечкой кофе Семён сделал Маше два интересных предложения. Во-первых, предложил испытать свои способности в области

излечения других. Вот сама же смогла? Мол, возможно, и другим помочь может. Как выяснилось, был у него на отделении один мальчик. Тоже после аварии, и на нём также поставили крест. Возможно, где-нибудь за рубежом условия и оборудование позволили бы ему хотя бы частично реанимироваться, но семья особым достатком не отличалась, а значит, шансов у парнишки не было. И так трогательно Семён рассказывал, что у Светы сердце кровью обливалось. Но как помочь? Не могла она бросить сестру, но в то же время и мальчишка теперь из головы не выходил. А ведь это ещё не всё, Семён успел обмолвиться, что у него две просьбы. Что-то ещё скажет? Сумеет ли она отказать? Её совесть тянула её в разные стороны, разрывая на части.

— Ещё я, когда практиковался, был одно время в психиатрической клинике. Место не из лучших, должен признаться, — вздохнув, продолжил он. — Некоммерческая, да и не финансируется особо, собственно, и персонал-то там работает так… для галочки. Платят копейки, они на столько же и нарабатывают.

— Ты не подумай, что если у сестры квартира такая, то я богатая… — не дав собеседнику закончить, воззрилась на него девушка, мысли, к сожалению, не всегда наперед считывались.

— При чём тут это? — растерялся и не думавший на эту тему мужчина. — Я о другом. Там есть отделение, где содержатся люди… только не вздумай обидеться, — он взглянул на хозяйку дома. — В общем, с тем же диагнозом, что хотели и тебе по выписке впаять. Они что-то говорят о колдовстве, о ведьмах и разных странных вещах.

— И? Я-то чем помогу? Приду и сообщу, что такая же, чтобы заперли вместе с ними?

— Нет. Света, прошу — не перебивай, и так-то всё это для меня ново, и не знаю, как сформулировать идею, — он немного помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — Так вот. Они запичканы антидепрессантами, и потому, думаю, поговорить с ними будет несколько затруднительно. Но… вот ты рассказывала, в какой ситуации Маша… раньше бы я смело отправил тебя в их компанию, но ты заставила меня поверить в невероятное. И я задумался: возможно, кто-то, я не говорю, что все, но кто-то из них действительно на что-то способен, что-то знает и мог бы этими знаниями поделиться с тобой?

Эта идея не на шутку заинтересовала девушку. Как говорится: чем чёрт не шутит? Ведь для других она такая же сумасшедшая, возможно, Семён прав, ведь у неё опыта и знаний ноль. Но это означало, что поездку в Патошино придётся отложить? Хотя прошло уже полтора месяца, и пара дней вряд ли что-то изменит,

но если удастся почерпнуть что-то полезное из этой встречи…

— Я согласна. В смысле встретиться с этими людьми. Но можно, я как-то сначала посмотрю на них, а уж потом решу, хочу ли общаться и с кем именно?

— Да ради бога, — кивнул мужчина. — Я тогда другу звякну, чтобы вечером и утром их ничем не пичкали.

На том и порешили.

— Отвези меня к нему… — уже провожая гостя, произнесла вдруг Света, которой не давали покоя мысли о мальчике.

Взгляд, которым посмотрел на неё Семён, надолго запал девушке в душу. Только за это она готова была горы свернуть. Сколько надежды в нём читалось, сколько благодарности. Вот только Света не была уверена, что сможет чем-то помочь, боялась разочаровать ставшего ей родным человека.

И вновь знакомые до боли больничные стены, и характерный для данного заведения запах, и гнетущая, тягостная тишина, лишь изредка разрываемая попискиванием приборов. Забежав в служебное помещение, Семён вынес два халата, и вскоре девушка увидела его. Это был не ребенок, из-за обилия бинтов и непомерной бледности он скорее смахивал на гибрид мумии и привидения. Сердце девушки сжалось, она во что бы то ни стало решила помочь малышу. Как, не знала, но чувствовала: должна и сможет.

Света сама не понимала, что делает и для чего. Её помыслы были об одном: он будет жить, и, если не получится, это будет её вина. Время шло. Семён, боясь потревожить неведомо что творящую девушку, сидел в углу, не решаясь лишний раз вздохнуть, чтобы не дай бог не помешать. Он почему-то верил в успех, и ещё не видя результат, робко радовался выпавшему мальцу счастью. Поймет ли тот когда-нибудь, какое чудо с ним случилось? Вряд ли. Да это и не важно. Парнишка только вчера попал под колёса грузовика. Травмы были слишком обширны и практически не совместимы с жизнью. И так-то было не понятно, как мальчонке удаётся цепляться за жизнь. Но, несмотря на это, самое большее, он смог протянуть бы до следующего вечера, и то маловероятно. Если Света сумеет спасти жизнь этому ребенку, то он лично сделает для девушки всё. Чего бы та ни попросила.

Неожиданно раздался то ли всхлип, то ли стон. Семён встрепенулся, но не решился подойти. Затем девушка сорвала с лица мальчика маску аппарата искусственного дыхания, и Семён чуть не крикнул, чтобы вернула её на место, но успел не без удивления заметить, что малыш дышит сам. Одно только это было чудом. Но имели место многочисленные повреждения органов, а о костях и говорить не приходится. Даже если он

останется калекой, пусть так, но на совести Семёна не будет лежать смерть ребёнка.

Света крутилась вокруг мальчика до самого утра, а уже на рассвете донельзя измождённая и бледная девушка впервые подала хрипловатый, осипший голос:

— Стёп… сними эти бинты… мешают… — и бессильно упала на стоящий возле кровати стул.

Как врач, он понимал, что это недопустимо, что случай у мальчика слишком тяжелый. Его после доставки в больницу едва ли не по частям собирали, и тревожить с таким трудом зафиксированные части тела не стоит, но что-то заставило его подчиниться. Задание оказалось не из лёгких, сказывалось волнение и боязнь сделать хуже. За двадцать минут он всё же управился, удивившись терпению малыша, которому однозначно должно было быть больно, но тот молчал. Таращил глаза, сопел, но молчал. Это лишний раз вызвало уважение к силе воле подрастающего человечка, чья жизнь так нелепо заканчивается. Он не знал, что девушка, насколько могла, облегчила страдания «своего» пациента.

Света к тому времени задремала. Семён вздохнул. Через час начнётся обход, и лучше бы к тому времени уже закончить. Радовало, что завтра выходной, эта ночь окончательно лишила мужчину сил. Пусть он сам почти не участвовал в процессе, но и нервное напряжение давало о себе знать.

Оставалось полчаса до обхода, когда еле стоящая на ногах Света едва слышно прохрипела:

— Забинтуй, если хочешь. Ему нужно дня три полежать, не нагружая ноги.

Семён смотрел на девушку уже не круглыми, а квадратными глазами: о каких трёх днях речь? Да и не смог бы он встать в ближайший месяц, даже если у него были бы переломаны только конечности. Не осмелившись оставлять всё как есть, он осторожно перебинтовал малыша. Плохо, что она не понимает в медицине. Жаль. Какой бы толк был. Мужчина поставил себе галочку — попытаться уговорить девушку поступить в мед. Он очень надеялся, что на этом их знакомство не закончится.

— Нам надо уходить, — обернулся он к превратившейся в привидение девушке.

Та кивнула в ответ, но вместо того, чтобы подойти к приоткрытой в ожидании её двери, вернулась к больному, прикоснулась к щеке и, смотря в глаза, произнесла:

— Ты очень быстро выздоровеешь, но три дня лежи — не вставай. А когда выйдешь из больницы, будь внимателен, переходя дороги.

Семёну показалось, что мальчишка согласно улыбнулся ей в ответ. А может, померещилось? Хотя ему казалось, что он уже не способен чему-либо удивиться.

— Закинуть тебя домой или… если не брезгуешь холостяцкой квартирой, ко мне? Я рядом живу, — устало поинтересовался заводящий машину Семён. — Ты только не подумай, я не… — он осёкся.

Мужчина готов был принять любое её решение, но понимал: до Светиного-то дома он кое-как доедет, но потом придётся спать в машине. Толчею утренних пробок он не перенесёт. Напряжение последних дней и бессонная ночь давали о себе знать.

— К тебе, — безразлично ответила девушка.

Словно прочитала мои мысли, — уже без удивления подумал Семён.

Он даже не подозревал, насколько близок был к истине. Света и сама бы поразилась этой способности, но была слишком измотана.

Долго ли они добирались до места, Света не помнила. Она куда-то шла, не особо запоминая дорогу. А попав в квартиру, буквально упала на первую попавшуюся горизонтальную поверхность, оказавшуюся всего лишь узенькой банкеткой в прихожей. Семён со вздохом взглянул на девушку, сотворившую на его глазах чудо, и, осторожно приподняв показавшееся невесомым тело, перенёс на диван. Нет, он, конечно же, не тешил себя надеждой на то, что у малыша полностью восстановятся внутренние органы, как и невозможно было вернуть ему полноценные ноги, но то, что он сам мог дышать, уже было прогрессом. Однако спокойно поспать Семёну так и не удалось, не прошло и часа, как заверещала телефонная трубка. Звонил друг, по стечению обстоятельств являющийся ещё и его начальником, который сегодня дежурил в больнице.

— Снегирь, ты можешь мне объяснить, что происходит? — без предисловий выпалил в трубку тот.

— Что? — Семён вздрогнул, боясь услышать дурные новости.

— Вчерашний мальчишка, — произнёс начальник, словно всё объяснив.

— Что с ним? — едва выдохнул в трубку мгновенно проснувшийся мужчина.

— Так он же того… ну… ты же сам понимаешь… не жилец он был… сегодня проверка была…

— Ладно, можешь ничего не объяснять. И так всё понял, — ощутив горечь, Семён повесил трубку.

«Как сообщить эту новость Свете?» — едва успел подумать он, и телефон вновь ожил, требуя ответа.

— Идиот, ты выслушать можешь? — едва ли не срывался на крик явно перевозбуждённый начальник.

Оно и не удивительно, смерть пациента для реаниматолога почти норма, но если этот пациент ребёнок…

— Я снимки уже повторно делаю! — выпалил начальник, и Семён растерялся: зачем трупу снимки делать? — Обследовал опять и… так вот, у него внешние повреждения только, да и шрамов-то, кажется, не останется, заживает всё как… как на той, что у тебя вчера выписалась, только быстрее в десятки раз. Я ему говорю — встань, а этот стервец зубы скалит и отказывается! Говорит: мне три дня вставать нельзя, и всё тут! Сестры сказали, ты у него всю ночь проторчал. Ну-ка колись, гад, что делал? Это ж уже второе чудо за месяц! Проверяющие меня задёргали! Считают, что мы данные изначально подтасовываем, чтобы средний показатель поднять. Я-то знаю, что всё реально плохо было, но потом-то? Что прикажешь им говорить?

Ну вот и как объяснить, что моей заслуги в том нет? — ломал голову донельзя осчастливленный новостью Семён. Нет, Светку однозначно в мединститут надо и к себе под бок. Будут чудеса творить, а уж как их прикрыть, придумают. Уйдя в собственные мысли, Семён не сразу заметил, что из трубки до сих пор сыплются нескончаемые вопросы.

— Извини, Серёга, я слишком устал. Сам же знаешь, до утра в больнице был. У тебя опыта больше, придумай что-нибудь. Завтра поговорим, — добавил Семён и повесил трубку.

Сон и усталость как рукой сняло. Семён тихонько проскользнул через комнату, где, как убитая, спала Света. Заварил кофе и начал варганить праздничный обед. Повод был более чем достойный.

Сотни мыслей не давали покоя. Да, он не был богат, но и не беден. Квартира, доставшаяся от деда, машину, правда, сумел купить сам, не особо крутую, отечественную, но не для понтов же брал? На жизнь зарплаты хватает, и ладно. Не ради бумажек же жить? В отличии от коллег, Семён никогда не жаловался на медицину, стараясь сделать всё возможное и невозможное для своих пациентов. Его уважали, но за спиной нередко и крутили пальцем у виска. Мол, молодо-зелено, перебесится ещё. Частенько он хватался за изначально обречённых больных, к их числу относилась и Света, и этот малыш. Коллеги не понимали его рвения, рассуждая до жути цинично: оборудования приличного нет, с медикаментами тоже напряг, не вытянем, не стоит и время тратить, пусть, мол, полежат пока, а там и в морг.

Эти остолопы готовы были и девчонку в психушку сплавить, если очухалась бы. Лишь бы с глаз долой. Не видели, не

понимали, какое она чудо! А ведь сколько таких в психушках отсиживаются? Их считают странными, не верят, и вот итог! В голове Семёна начал созревать план. Осуществление его было весьма непростым делом. Опять же… согласится ли участвовать во всём этом Света? Однако он надеялся, что уговорит девушку. Было в ней что-то чистое… доброе… светлое.

Хозяин вошел в комнату и с удивлением осознал, насколько гармонично эта девушка вписывается в его холостяцкую жизнь. Обычно он вообще старался не приводить женщин в свой дом, а уж тем более не позволял им такую роскошь, как сон. Пришла, удовлетворили обоюдное желание? Свободна. Так и строилась до сих пор его личная жизнь. Но теперь мужчина чувствовал: с появлением Светланы многое изменится, и, вопреки ожиданиям, это обстоятельство его не тяготило.

И тут Семёну с опозданием стало не по себе. Всплыл фрагмент их ухода из больницы и Светины слова, обращенные к мальчику: три дня не ходи. И парнишка, вопреки требованиям врача, демонстративно отказывается это делать. Что это? Слепое подчинение взрослому? Но паренек совсем малой, да и Серёга Смирнов давно не безусый юнец, недавно сорокет стукнул. Почему малыш послушался Свету, а не более взрослого мужчину? Гипноз? Внушение? Вот так просто…

Невесёлые мысли прервал телефонный звонок.

— Снегирь, ну-ка вылазь из своей норы, хватит морду плющить, — раздался в трубке голос Смирнова. — Отказы не принимаю, через двадцать минут у таджиков, — добавил друг и прервал связь.

Семён растерянно взглянул на гостью. Что делать? Он очень боялся, что девушка в его отсутствие уйдёт, а потом ищи ветра в поле.

— Никуда я не денусь, — сквозь сон улыбнулась та. — Я просто посплю…

— Я когда-нибудь к этому привыкну? — ни к кому конкретно не обращаясь, тихо проворчал Семён и, обернувшись к девушке, добавил: — Меня сейчас будут пытать, что я сделал с мальчишкой…

— Скажи правду… — сонно пробормотала девушка и перевернулась на другой бок.

Глава 7 Открытие новых талантов

«У таджиков» — так друзья называли небольшую кафешку, персонал которой прибыл в Россию из какой-то союзной республики, и в действительности к этой нации отношения не имел. Местечко отличалась гуманными ценами и поистине домашней национальной кухней.

Семён умудрился прийти раньше времени. Сделав заказ, занял их излюбленный столик в дальнем углу кафе. Минут через пять в ближайших фирмах начались обеденные перерывы, и народу навалило столько, что посадочных мест не осталось. Сергей явился минута в минуту. Поболтали о том, о сём, коллега поведал о «наглом» мальчишке. И разговор плавно перешел в допрос о применяемых Семёном методах.

— Всё просто, Серёга, нет в том моей заслуги, — признался Семён. — Помнишь девушку, что вчера выписывалась?

— Безымянную… то есть, Кириллову-то? Как же не запомнить! Ты все штаны в её палате протёр, а я отдувался на отделении. Нет, чтоб нормальная, здоровая девка приглянулась, ты ж уникум, как всегда геморрой на пятую точку нашёл. Не спорю, стимул сработал, выкарабкалась девка. Ну, потискай её и забудь. Какого чёрта ты с ней теперь везде таскаешься? По мне так… дурка по ней всё равно плачет.

— Это ты дурак — Смирнов! Был им и останешься! — огрызнулся Семён.

— Пусть так. Вот и вразуми. Поведай дурню: что ты с ней и малым сотворил?

— В том-то и дело, что ничего. Это Света. Она за собственную жизнь боролась, а лавры мне. Даже стыдно, ей богу. Вчера, смотрю, собирается: вещи порваны, в крови, предложил подвести.

— Ну, ты ж не мог иначе, — усмехнулся товарищ. — Потискал бы где-нибудь, да с глаз долой — из сердца вон, а ты чего творишь? Видел бы ты Ленку поутру. Злая как мегера. Даже мне досталось.

Семён скривился, вспоминая наглую девицу, больше года не дающую ему прохода. На смену вечно намазанной, как уличная проститутка, медсестре возник образ Светы, и на душе потеплело.

— Рассказал я про мальчишку, — вернулся к теме разговора Семён. — А Света вдруг заявила: переоденусь, и вези обратно в больницу. Мол, на мальчика посмотреть хочет. А я-то что? Сам знаешь — не жилец он. Вот и решил, хуже всё равно уже не будет. А оно вот как вышло.

— Это ты что… шутишь так, Снегирёв? — непонимающе

воззрился на него товарищ.

— Да какое там. Всё как есть, так и говорю. Что она чудила? Как? Я сидел рядом и ни черта не понял. Сказала малому в конце, чтоб три дня не ходил, и всё. Правда, вид у неё был выжатый, в гроб краше кладут, ну я её к себе отвёз, сейчас вроде ничего уже, очухалась, — ляпнул Семён и осознал ошибку.

— О… ты? Бабу? В свой дом? Ну понимаю бы если б того, да за порог, это ж в твоём стиле, но вот просто так и поспать! Ты так того гляди и на постоянную пассию созреешь! За такое и выпить не грех! Хотя за эту…

— Ну тебя, Серёг. Сам же спросил, я ответил. И моя личная жизнь никого не касается.

— Прости. Забудем про тебя, её… брр… ладно. Но не верится! Невозможно было парнишку излечить, тем более в такие сроки. Да, факт перед глазами. Но не верю я! Твоя тоже доходягой была. Все в шоке были, когда Кириллова через полтора месяца козликом запрыгала. Но парнишка-то вообще на следующий день способен гарцевать. Как так? Выходит, себя любимую долго лечила, а его быстро. Почему? Паршивый из тебя Андерсон.

— В бессознательном состоянии сложновато что-либо делать. Тебе так не кажется? Да и сил-то у неё было — всего ничего. В первые недели в чём и душа держалась…

— Так-то да. Но всё равно. После отключки она три недели в себя приходила. В её случае это феноменально быстро, там минимум месяца три надо было, но обычные случаи опустим. Тяжесть состояния и у неё, и у малого одинаковые были, а скорость — налицо.

— Не знаю я, Серёг, может себя лечить сложнее. Не спрашивал и не собираюсь. Спасла мальчишку, и хорошо.

— Так-то да. Только всё одно — не верится.

— У тебя есть другие объяснения?

— Не знаю, но это мистика какая-то. Может, ты где-то таблетку экспериментальную нарыл и втихую опыты на безнадёжных больных проводишь?

— Тебе всё бы таблетки! Ресурс человеческого мозга используется минимально. Об этом не задумывался? А что там, в остальной части? Может, способность исцелять? А может, возможность читать чужие мысли или летать без помощи крыльев?

— Ага, ты ещё в буддистский храм сходи. С такой пропагандой тебя за своего примут. Колись давай лучше. Я же глаз с тебя не спущу, пока правду не узнаю.

— Ну и как тебе доказать? — в конец растерялся Семён.

— Есть у меня родственница… сестра младшая… в общем, с неоперабельной опухолью мозга.

— Онкология?

— Нет. Но ей уже не больше месяца дают. И то вряд ли протянет столько… — друг вздохнул. — По-любому немного. Уломаешь свою мисс мистика исцелить? Только, чур, в моём присутствии, с последующим лабораторным обследованием. Сможет? Тогда поверю.

— Не знаю, реально ли такое? — пожал плечами Семён. — Но спрошу.

— Мальчишка тоже был не жильцом. В любом случае, Семён, ты мне, конечно, друг, но за творящееся на отделении не тебе, а мне отвечать. Вылечишь мою сестру — закрою на всё глаза. Признайся, если практикуешь что-то левое. Я разрешаю — испытай на ней. Вдруг поможет? Если будут побочные эффекты, никаких претензий не предъявим. Бог с ними. Главное, жива будет. Потом придумаем, как прикрыть твои опыты от посторонних глаз. Только с решением не затягивай. Как друга прошу.

— А как другу раньше рассказать не мог? Ладно, расскажу Свете обо всём. Надеюсь, поймёт и согласится.

— Ты неисправим! Продолжаешь сказками кормить! Ладно, — Сергей взглянул на часы, — пора бежать. Коль настаиваешь на своём, значит переговори с этой сумас… тьфу, Кирилловой и звякни. Но без обид, прежде чем к Тане её подпущу — обыщу до последней нитки, чтобы ничего не скрыли, и следить буду за каждым движением. Жду до конца смены.

— Не думаешь, что после таких крайностей у неё желание лечить отпадёт? — с ужасом воззрился на друга Семён.

— Зато друзьям врать точно неповадно станет, — парировал тот и вышел из кафе.

На Семёна словно ушат ледяной воды вылили. Серёгу было жаль. Казалось бы, при их профессии смерть — это норма, но терять близких всё равно больно. А тем более, если мог своевременно обнаружить ту же опухоль и беды избежать, но не заметил, и вот итог. Он понимал и недоверие друга. До встречи со Светой сам бы рассмеялся, услыхав подобные заявления. Зато теперь верил во многое из того, что прежде относил к фантастике или мистике.

На пороге Семён на мгновение застыл, в голове промелькнула сценка: открывает он двери, в квартире — никого, едет к Светиной сестре, опять — никого, везде ищет её, но не находит…

Страхи оказались напрасными, девушка по-прежнему

беззаботно спала на диване. Не решаясь её будить, Семён заварил себе кофе, сел в кресло напротив дивана и задумался. Как объяснить ей необходимость вылечить ту женщину? Серёга взял меня, конечно, в оборот, да вот только, что теперь…

— Я всё проспала? — смешно, как котёнок, потягиваясь, подала голос Света.

— Лучше б я сам всё проспал, — любуясь девушкой, вздохнул мужчина и вспомнил о приготовленном перед злополучной встречей обеде. — Как насчёт лёгкого перекуса?

— И это лёгкий? — гостья с удивлением уставилась на Семёна. — Стесняюсь спросить, как же ты обычно питаешься. В честь чего пир?

— Повод был, ну то есть… он-то есть, но… — растерялся мужчина. — Начальник звонил. Мальчуган наш оправился. Уже права вовсю качает и врачей жизни учит.

Глаза девушки засияли, затем она насторожилась, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь.

Семён залюбовался: чем-то напоминала она милого пушистого котёнка, ещё наивного, к которому руки так и тянутся погладить. Тьфу… ну и чушь в голову лезет… совсем сбрендил. Пора завязывать с не в меру реальной холостяцкой жизнью, — подумал Семён и заметил мелькнувшую на губах девушки улыбку. Болван, забыл, что она может и мысли читать… или не может?

Девушка вновь улыбнулась, в этот раз смущенно.

— А за это прости, оно само получаться вдруг стало, — отводя взгляд, произнесла она.

Откровенность девушки подкупала, могла сделать вид, что ни о чём не догадывается, но нет — честно всё признала. Собственно, Семён уже смирился с тем, что будет нелегко. Возможно, со стороны такое поведение и смахивало на мазохизм, но кому какое дело? Жизнь-то его. Он знал по собственному опыту: то, что легко достаётся, обычно не ценится. А, не успев обрести, потерять этого котёнка он не хотел. Если она не может иначе, пусть знает всё. Он привыкнет. Да и скрывать-то нечего. Девушка вызывала странные чувства, хотелось её защитить, пожалеть, приласкать, но не как женщину, а словно милого зверёныша. Хотя она и была весьма привлекательна, однако физического влечения у Семёна абсолютно не вызывала. Мужчина был уверен, что это не любовь, то бредовое чувство он помнил так же ясно, как и последовавшую за вспыхнувшей страстью боль предательства. Проходить через это ещё раз Семён не хотел.

Тем временем девушка, что-то щебеча, искренне восхищалась поварскими талантами нового товарища. Минут двадцать

проболтав о том, о сём, Семён наконец-то решился рассказать о разговоре с Сергеем и сложившейся ситуации.

— Я понимаю, что не имею права тебя просить об этом, но и такой талант зарывать в землю нельзя. Ты только представь, скольким людям можно было бы помочь? Вот только Серёга прав, — вздохнул Семён. — Если проверяющие уже сейчас начали копать и искать подтасовки, то всё усложняется. Я думал, что тебе надо в мединститут поступать, и потом ты бы… но это нетрадиционные методы, их научно не обосновать, а значит, рано или поздно тебя прижмут…

— А без учёбы никак? — скривилась девушка. — Вряд ли я поступить смогу. В селе школа так себе, да и прогуливать часто приходилось. По теплу-то ладно, мы на великах двенадцать км педали крутили. А зимой… не пришел автобус? Больно-то надо куда-то по морозу тащиться. Дома и отсиживались. Ясно дело, это и на знаниях, и на оценках отразилось.

— Бог с ней, с учёбой, — отмахнулся Семён. — Только время потратишь. Я ещё самое главное не сказал…

— По поводу сестры твоего друга? — в очередной раз подтвердила свою способность читать мысли Света. — Я попробую.

«Смогу ли я к этому когда-нибудь привыкнуть?» — с грустью подумал Семён.

— Будет желание — сможешь, — ответила на его мысли девушка. — Звони своему начальнику, пусть сразу в больницу и везёт её.

— Зачем спешить? Может завтра? Сегодня же в клинику собирались съездить, — напомнил Семён.

— Слишком много надо успеть. Съездим сегодня сначала в больницу, потом в психушку. Ночью отосплюсь, а там… будь что будет.

Семёну не понравилась обречённость в голосе девушки.

А Света тем временем разрывалась между желанием бросить всё и нестись на поиски сестры и граничащим с уверенностью предчувствием: нельзя ей спешить — не готова она. К чему надо быть готовой? Подло, но ответа на вопрос — нет. Лишь откуда-то появившееся знание о том, что в клинике кого-то встретит… опять же — кого? На этот вопрос тоже ответа не было. Чем этот кто-то сумеет помочь — тоже. А вот если бросится в Патошино вслепую, то дальнейшего своего будущего она… не ощущала, что ли? Словно не будет его. И Семёна больше никогда не увидит. Откуда взялась эта уверенность? Этого девушка не знала, но понимала — к предчувствию стоит прислушаться. С момента Машиного исчезновения прошло полтора месяца. Срок немалый.

День-два, а возможно, и неделя уже вряд ли сыграют роль.

Созвонившись со Смирновым, Семён уточнил, как скоро тот сможет доставить сестру в больницу. Как оказалось, та тоже жила поблизости. В итоге друзья договорились встретиться через час.

По прибытии на место, Света взглянула на лежащую в палате женщину и ужаснулась: кожа, да кости. Бледная, щёки впали, глаза тусклые, но в них светится слабая искорка надежды.

Семён, не желая мешать, сел в сторонке, чего нельзя было сказать о вертящемся вокруг девушки Сергее. Благо, тот одумался и не стал проводить обещанный обыск, но всё равно следил за каждым её движением. В этот раз Света действовала иначе, возможно, именно потому, что от неё ждали прикосновения?

Не понимая, зачем это делает, девушка закрыла глаза, позволив обостриться чувствам, и провела рукой над головой женщины. В одном месте почувствовала жар. Она даже на расстоянии физически ощущала, как это нечто, словно живое, сопротивляется, пульсирует, этому нечто явно не нравились её действия. Света ещё раз повела рукой из стороны в сторону. Вредоносные волокна взбунтовались, постепенно сжимаясь в подобие небольшого шара. Свете казалось, она видит внутренним взором, как это нечто нехотя отдаёт мельчайшие частички уже завоёванного тела. В какой-то момент вредоносный комок запульсировал, женщина вскинула голову, неестественно прогибаясь всем телом, словно желая вывернуться наизнанку. Её глаза закатились, сверкая белками. Присутствие Семёна и ощутимо напрягшегося Сергея — мешало. Их страх — отвлекал. Девушка постаралась максимально обезболить страдания больной, и тело женщины расслабилось. Но стоило ещё раз провести ладонью над волосами, и вновь бедолага изогнулась так, словно её изнутри начали скручивать. Новое движение руки, и опять стон, но девушка не останавливалась. Она видела, что происходит. Знала, что всё делает правильно. В одном месте образовался четко ощущаемый, даже на расстоянии кажущийся упругим, сжатый до размера горошины, горячий пульсирующий комочек. Он больше не сжимался, но постепенно вытягивался к поверхности головы. Ещё чуть-чуть… впервые коснувшись волос, девушка ухватила его, попробовала вырвать, но не тут-то было. Женщина завизжала от боли. Не обращая внимания на крики и пытающегося схватить её за руки Сергея, Света тянула всё сильнее. Зараза так вцепилась в больную, что, казалось, словно отрывают какую-то естественную, данную самой природой часть тела. Семён не без труда оттащил мешающего девушке друга. Вскоре субстанция не выдержала, и Света ощутила, как в её кулаке забился, обжигая кожу, упругий комок. Женщина

испустила протяжный вздох и, подобно тряпичной кукле, безвольно упала на кровать.

— Не прикасайтесь ко мне. Мне нужна проточная вода, — глухим голосом распорядилась девушка, с усталостью гадая: зачем? Но сознание кричало лишь одно: так надо!

Мгновение назад сомневавшийся в её действиях Сергей заметил ритмично пульсирующую на истощённой шее сестры жилку и кинулся вперед девушки открывать двери.

Стараясь ни к чему не прикоснуться, Света с отвращением выбросила мерзкий ком в отверстие слива. А потом очень долго отмывала руки, к которым, казалось, прилипло что-то омерзительное, но под напором воды — это ощущение постепенно исчезло.

— Чего сбежались? — устало взглянув на мужчин, произнесла она. — Идите, исследуйте больную. Думаю, с ней всё в порядке. Только вы это… не долго. У нас ещё дела есть… ты не забыл? — её глаза без какого-либо выражения посмотрели на Семёна.

Стоит ли говорить о том шоке, который испытали товарищи, увидев первые же снимки. От опухоли не осталось и следа. Семён даже засомневался в точности предшествующего диагноза, но неимоверно осчастливленный Сергей не поленился сбегать за прошлыми снимками. Факт был налицо: девушка сотворила чудо. В это сложно было поверить, но безмятежно улыбающаяся женщина, пусть и выглядела ещё слишком истощённой, но теперь действительно была здорова.

Ещё около часа Семёну и Светлане не удавалось улизнуть из общества благодарной пациентки и её брата. Сыпались кучи вопросов, на которые девушка зачастую не знала, что и ответить. В итоге к психиатрической клинике они добрались уже затемно. Заведение вызвало у девушки гнетущее ощущение, возможно, сказывалось переутомление или нет-нет, да всплывающие мысли о том, что её саму едва не отправили в это жуткое место. Выйдя в очередной коридор, посетители столкнулись с молодой светловолосой девушкой лет двадцати. Конечно же, это был не единственный попавшийся навстречу пациент, но, в отличие от коллег по несчастью, эта, преградив им дорогу, упёрла взгляд в Свету и произнесла:

— Не спеши, ты не сможешь помочь одна. Не губи себя. Помоги другим, и они ответят тем же…

Выскочивший откуда-то санитар сграбастал пытающуюся ещё что-то сказать девушку и скрылся в дверях ближайшей палаты. Света переглянулась с Степаном, но странные слова больной глубоко запали в душу, что-то в них напоминало её собственные,

витающие где-то на уровне подсознания полу-мысли, полу-предчувствия, которые никак не могли сформулироваться в нечто более чёткое. Дальнейший их путь до места встречи с больными прошел без эксцессов.

В комнате отдыха, куда завели Свету, находилось больше двадцати человек. Второй день без депрессантов давал о себе знать. В отличие от пребывающих в прострации пациентов из других отделений, эти люди проявляли вполне соответствующие их положению чувства и эмоции: обиду, злость, гнев, но превалировало любопытство. Они наблюдали за странным поведением посетительницы. Девушка, внимательно рассматривая присутствующих, немного постояла возле дверей, после чего кинула короткий взгляд на своего спутника и, закрыв глаза, побрела по залу. Она ни к кому не подходила, никого не трогала, ни с кем не пыталась заговорить, лишь порой останавливалась то возле одного, то возле другого больного. Завершив круг почета, она что-то тихо сказала сопровождавшему их доктору и вместе со спутником покинула помещение.

Контингент здесь оказался весьма разношерстный: по большей части пациенты действительно страдали психическими расстройствами, но некоторые оказались либо очевидцами невозможных, по мнению реалистов, событий, либо обладали какими-то способностями. Таланты последних, заинтересовавшие некогда военные ведомства, оказались невостребованными, посему выделять финансирование на их дальнейшее изучение никто не собирался. Однако оставлять таких людей на свободе посчитали опасным, предпочтя изолировать их от общества и напичкать антидепрессантами.

— Думаешь, те семеро тоже способны лечить? — воодушевился Семён.

— Этого я не говорила. Да и что ты прицепился к лекарству? По-твоему, иные способности не важны? — недоумённо пожала плечами Света. — Главное, они определённо чем-то обладают. Надо бы разобраться: чем именно.

— Ты, по сути, сейчас решаешь их судьбы, — заглядывая девушке в глаза, произнёс Семён.

— Не думаю, что по результатам моего посещения в их жизни что-то изменится. А жаль. Некоторым здесь явно не место. Они словно мешали кому-то, представляли опасность. Вот только ничего опасного я не заметила.

Вскоре привели одного из «больных». Это был невысокий, кряжистый мужчина лет сорока — сорока пяти, с абсолютно седыми волосами, так и назвавшийся не по имени, а «Седым». Девушка представилась и попросила разрешения взять

собеседника за руку. Зачем она это делала? Света и сама не знала, просто чувствовала, что так надо. Она задавала какие-то вопросы, мужчина отвечал, а перед мысленным взором девушки проносились его воспоминания, чувства, мысли. Следующей вошла молодая женщина лет тридцати, в чёрных глазах и профиле которой чувствовалось что-то хищное, назвавшаяся почему-то Совой, и всё повторилось. В конце разговора Света заглядывала в глаза некоторым «больным» и внушала забыть обо всём произошедшем.

С остальными разговор получался более обстоятельный. Интересовалась, известно ли им, что кто-либо в их роду владел какими-либо способностями, и как они оценивают свои собственные. Ответ чаще всего содержал ярко выраженный негативный характер. За время, проведённое здесь, они успели возненавидеть свой дар, благодаря которому оказались в этом проклятом богами месте. Она уточняла, как давно человек находится в клинике, есть ли родные, и какие у них планы, в случае если появится шанс оказаться на свободе. Зачастую этот вопрос вводил людей в ступор. Большинство из них провели здесь уже не один год и даже не помышляли о возможности покинуть осточертевшие стены. За всем происходящим наблюдал сопровождавший девушку мужчина, в его глазах читалось любопытство и затаённая надежда, в то время как присутствующий тут же врач поглядывал на гостей с плохо скрываемым скепсисом.

— И что скажете? — после того, как вышел последний «больной», поинтересовался врач.

— Я хочу переговорить с той девушкой, которую мы встретили там… в коридоре, — ушла от ответа Светлана.

— Но вас же интересовали только люди из этого отделения? — воззрился на неё врач. — Вы поймите: она не моя пациентка… да, я могу договориться и привести её к вам для беседы. Для чего… к кому… бог с ним, что-нибудь придумаю. Но дальше — я бессилен.

— Мне пока большего и не надо, — тихо ответила девушка.

Минут через десять светловолосая уселась напротив Светланы. Звали её, оказывается, Еленой. Как ни странно, удивления она не испытывала. Словно знала, что эта встреча неизбежно произойдёт.

— И каков же вердикт? — после того, как санитары увели пациентку, поинтересовался доктор.

— Понимаю, что вы нам не верите. Сама такой была. Но на что-либо способны только те семеро и последняя девушка, из них двоих действительно стоит держать в изоляции, они упорно не

видят грани между добрыми деяниями и злом. Они не думают на перспективу, живя сиюминутными порывами и эмоциями. Благо не настолько сильны, чтобы самостоятельно выбраться отсюда. А вот с остальными пятью… — девушка протянула доктору список с именами-кличками, — я хотела бы пообщаться ещё раз и желательно в приватной обстановке. Это возможно?

— Почему нет? — пожал плечами врач. — Вот только зачем они вам? Вы же сами слышали: практически у всех либо ничего нет, либо имеется добрая родня, приложившая руку к их размещению в этом «пансионате». Предположим, мы поставим диагноз — здоров, думаете, после стольких лет, проведённых в этих стенах, они сумеют вернуться к обычной жизни? Возможно, вы правы, и неважно, обладают ли они какими-то неведомыми способностями, в которые я, конечно же, не верю, но повторюсь: возможно, вы правы, и некоторые из них оказались здесь в результате чьих-то интриг, и им здесь не место. Но вы подумали о том, что ждёт их за этими стенами? Им надо где-то жить, им надо чем-то питаться, в противном случае они окажутся в положении куда более гнусном, нежели пребывание здесь.

— Миша, — едва ли не впервые за время пребывания в клинике обратился к врачу Семён. — Мы же друзья, я тебя когда-то подводил? Ты должен понимать — я не потребую ничего невыполнимого.

— Ладно, ладно… сдаюсь. Наверное, вы что-то придумали и не желаете меня посвящать в свои дела. Ваше право. Я же не зверь, и если им будет лучше, то, конечно же, чем смогу — помогу. В рамках разумного, естественно. Но ты должен понимать: если вы захотите выпустить больше, чем одного пациента… ну, максимум двух, то это будет почти нереально и займёт уйму времени.

— А этот аргумент сможет помочь? — произнесла Светлана и выложила на стол увесистую пачку пятитысячных купюр, в несколько раз превышающую по толщине стандартную банковскую стопку банкнот.

Не привыкшая давать взятки, девушка произвела это действие столь непринуждённо, словно всю жизнь только и занималась решением различных бюрократических проблем. Глаза присутствующих округлились. Семён даже присвистнул от удивления. Во-первых, он и предположить не мог наличия таких сумм у ещё недавно безымянной сумасшедшей. А во-вторых, не укладывалось в голове: как можно вот так просто отказаться от ТАКИХ денег, ради неизвестных ей, по сути, людей. Света же смотрела на собеседников с полным непониманием их реакции. Девушка ещё не научилась ценить деньги. В деревне они с

бабушкой неплохо обходились одной пенсией и доходом с хозяйства, а что ей делать с кучей средств, вываленных на прощание Машей? Она как-то не задумывалась о том, что город — это весьма дорогое место, что у неё больше нет бабушкиной пенсии, как, собственно, и хозяйства. Почти половина суммы осталась дома и, по её мнению, этого могло хватить едва ли не на полжизни.

— Что уж тут… — сглатывая набежавшую слюну, сдавленно произнёс психиатр и, пугливо оглядываясь по сторонам, сгрёб деньги в какой-то чемоданчик. — Это веский аргумент, способный решить многое.

В итоге её требование было выполнено. Переговорив со всеми пятью больными, она утвердилась во мнении, что та девушка права: если она сумеет помочь им, они… большинство из них — ответят тем же. Не надеявшиеся уже на освобождение люди готовы были на любые условия, лишь бы покинуть опостылевшие стены психиатрической клиники.

— Мне нужны все пятеро и та девушка, — тоном, не терпящим пререканий, объявила Света. И, не дав сказать ни слова, добавила: — Завтра утром они должны быть свободны.

Врач лишь пожал плечами, услышав такую блажь. Но, как говорится в экономических кругах: «Любой каприз за ваши деньги». А последних было предоставлено с избытком.

— Свет, прости, но мне кажется, ты погорячилась, — садясь в машину, озвучил свои сомнения Семён.

— В чём? В том, что отдала деньги, или в том, что освободила столько людей, принудительно отправленных на пожизненное лечение, в коем они не нуждались?

— И в том, и в том… — скривил губы Семён. Денег мужчине было не жаль. Не его, и ладно. Да и не видел он столько разом никогда. — Опять же, деньги вам пригодились бы и потом, а сейчас могла ему просто внушить…

— Внушить-то я могла, а он кому-то что-то внушить после этого сможет? Я предложила то, что могло повлиять не только на его решение, но и остальных.

— И откуда в тебе такая хватка? — искренне восхитился Семён. — Я то думал, ты найдёшь здесь у кого проконсультироваться, но ты взялась за искоренение несправедливости. Вот только объясни мне, где они будут жить? Думаешь, их родные обрадуются? Да они ж их обратно упекут. А на что им жить?

— Ну, пропишу я их в свой дом. Не знаю, как здесь, а у нас это проблем не вызовет. А насчёт средств для существования: для начала я помогу, а тем временем… у Сергея была одна весьма

здравая мысль. Меня поначалу она покоробила… как можно брать деньги за лечение? Но в чём-то он прав. Хоть и не во всём.

— Я твоими талантами не обладаю, может, объяснишь неразумному, что у Смирнова за мысли были?

— Ну, с той минуты, как он получил подтверждение того, что лечение действенно, он никак не мог избавиться от мысли об организации клиники, специализирующейся на нетрадиционной медицине. Он ломал голову, как уговорить меня принять в этом участие. Да из его дум я поняла, что это не так просто провернуть, согласовать, получить необходимые лицензии.

Света говорила, и сама удивлялась, насколько легко оперирует ещё недавно непонятными ей словами и понятиями. Считывание чужих мыслей оказалось очень полезной вещью для повышения общеобразовательного уровня, жаль это опыта не добавляет. Хотя, если вспомнить, как она дала врачу взятку, то как знать?

— Ещё сложнее будет дать возможность официально работать людям с «волчьим билетом», — подхватил её мысль Семён. — Но и тут нет ничего невозможного, если подключить твой талант убеждения.

— Это займёт немало времени, — обречённо вздохнула девушка.

— Гораздо меньше, нежели этим будем заниматься я или Серега. Ты считаешь, что все эти люди могут лечить?

— Не уверена. Двое — точно. Это включая ту девушку из другого отделения. Трое вполне могут отправиться на вольные хлеба. Им есть куда идти, есть и на что жить. Их способности слабо выражены и без особого потенциала. Только не спрашивай, откуда я знаю. Не отвечу. Не потому, что не хочу, просто и сама не знаю, откуда такая уверенность.

— То есть, троим ты просто сделала подарок? Шикуешь! Но благородно! Этакий Зорро двадцать первого века в юбке. Да бог с ним. Итого, пятерым ты роль выделила, а что ещё с одним человеком?

— А вот этот талант мне самой нужен, чтобы сестру найти. А потом несложно облагодетельствовать какое-нибудь детективное агентство. Процветание ему будет гарантировано.

— Никак он способен найти что-то на расстоянии?

— Не он, а она. Сова. Да, может, и не только это, но, увы, с лекарством не вариант.

— Ты думаешь, они согласятся с тем, что кто-то будет решать их судьбу?

— Уверена. Эти вопросы уже согласованы. Так что звони своему Смирнову, пусть начинает активно организовывать

рабочие места. Но предупреди: тех, кто нуждается, но денег не имеет — мы тоже лечить будем.

На следующее утро Сергей вместе с Степаном встретили экстренно выписанных пациентов психиатрической клиники и перевезли их на квартиру Светиной сестры. А сами занялись бюрократическими вопросами. В особо сложных случаях к делу привлекалась Светлана и обладающие способностью к внушению «Седой» и Елена. Процесс продвигался на удивление быстро. Однако в чём-то помочь не мог никакой гипноз. К концу недели стало понятно, что с открытием придётся подождать как минимум ещё пару недель, а то и весь месяц. Но главное, большая часть проблем уже была решена. Удалось даже выбить довольно выгодный кредит под открытие клиники и найти подходящее здание, где уже приступила к ремонтным работам нанятая бригада отделочников.

С трудом верящие в свалившееся на их головы нежданное счастье люди, наконец-то, начали осознавать, что их дар не проклятие, а благо. Единственная, кто ничему не удивлялся, была Елена, что объяснялось способностью предвидеть будущее. Эта же способность и привела её в психушку. Она обычно видела будущее касающееся непосредственно её или близких ей людей, но в том случае если исход событий не слишком существенно зависел от кого-то ещё. Но изредка всё же находили на неё случайные прозрения о совершенно незнакомых людях. Вот и предсказала она встреченному политику покушение на его жизнь. Он отмахнулся, но охрана заприметила девушку, а после свершения предсказанного — разыскала. Её ожидали три исхода: стать ручной гадалкой крутыша, умереть в случае отказа от сотрудничества или пойти по обвинению в соучастии в тюрьму. Сидеть в золоченой клетке ей не хотелось, умирать тоже, но и перспектива очутиться в тюрьме тоже не радовала. И тогда пришла мысль самой привлечь внимание органов и разыграть «невменяемость». Так и поступила. Невразумительные, по мнению следствия и суда речи девушки привели её, как и планировалось не в тюрьму, а в эту клинику. Охрана крутыша после этого не стала связываться полоумной девицей, оставив её там, где ей и место по их мнению. Дело о покушении тем временем набирало обороты, и истинные виновники были найдены. Вот только родственников способных вытащить её из лечебного учреждения у девушки, оказавшейся воспитанницей детского дома, не было, и слишком хорошо сыгравшую свою роль на освидетельствовании Елену считая представляющей опасность для окружающих, благополучно забыли в психушке. То чем пичкали девушку здесь, почти напрочь лишало её сил, не позволяя в соответствии с

первоначальным планом освободиться. И только с появлением Светланы затянувшийся кошмар наконец-то закончился.

Выписали всех довольно быстро. К концу второй недели удалось утрясти все вопросы с пропиской. К концу третьей всё было закончено, согласовано, отремонтировано и оборудовано. А в понедельник новая клиника открыла свои двери для первых пациентов. Казалось бы, в большом городе сотни клиник с самыми различными специализациями, но, благодаря документально подтверждённым результатам излечения Серёжиной сестры, тут же появились первые и весьма небедные клиенты. Вот только проблемы со здоровьем у них были не слишком вызывающими уважение. Зачастую являющиеся результатами неправильного образа жизни: проблемы с легкими у заядлых курильщиков, циррозы печени у злоупотребляющих алкоголем, тахикардия, давление и диабет у страдающих чрезмерным перееданием и, как следствие, лишним весом, опухоли, вызванные излишне частыми визитами к пластическим хирургам, об импотенции вообще стоит умолчать.

Первые недели работы очень сдружили и в то же время вымотали сотрудников, доведя их едва ли не до потери сознания. Однако среди клиентов находились и действительно нуждающиеся в помощи люди, чьей вины в полученном заболевании не было. Они зачастую приходили без особой надежды, зная, что их уже ничто не спасёт. Да и отсутствие огромных капиталов заставляло несчастных более реально смотреть на жизнь, но, к их удивлению, им помогали и при этом брали за это сущие копейки. Поток клиентов не убывал, начали приезжать люди даже из союзных республик, и измученная до изнеможения Светлана собрала совещание с участием остальных «лекарей» и двух руководителей, которыми стали Семён и Сергей.

— Вы все молодцы! Но работать на пределе сил тоже нельзя. Во-первых, как всем вам известно, я не могу отказаться от идеи разыскать сестру. Напомню также, что именно благодаря её деньгам вы все находитесь здесь, а не там, где были полтора месяца назад. А значит, мне нужно время и, по возможности, помощь. Но как это сделать, если на чай перерыв не вырвать? Во-вторых, боюсь, как бы такие перенагрузки нам самим боком не вышли.

— Предлагаешь ограничить клиентопоток? — уточнил Сергей.

— Ну, это крайняя мера, — ответила девушка. — Надеюсь, обойдёмся без этого. Нам надо как можно скорее расплатиться по кредиту и обеспечить достойные условия для проживания сотрудников.

— Тогда что? — непонимающе уставился на неё Семён.

— Включите свои связи или, в конце концов, знания системы здравоохранения и найдите возможность посетить другие психиатрические клиники. И да, на это время нагрузку придётся временно сбавить. Но это считанные дни. С потенциальными нашими сотрудниками могу по-прежнему общаться я, но вполне способны «Седой» и Елена, но всем не разъехаться, кто-то должен будет отдуваться.

— Это ещё разрешения надо выбить, — почесал затылок Сергей. — Но постараюсь связаться, с кем смогу.

Спустя ещё две недели коллектив клиники пополнили ещё семь новых сотрудников. И работавшая не покладая рук триада смогла передать дела и вздохнуть свободно. После пары дней отдыха, они вчетвером — вместе с Совой, перебрались в Патошино.

Середина апреля выдалась солнечной и тёплой. Сова тут же провела какой-то малопонятный для окружающих ритуал, по её словам, позволяющий защитить обитателей дома. И действительно, стоило ей закончить, и появилось ощущение безопасности. Оказавшись в непосредственной близости к месту предстоящих действий, товарищи приступили к разработке плана по освобождению Светиной сестры. Благо Елена предвидела исход событий при том или ином раскладе и успевала заблаговременно известить о многих предстоящих сложностях. Однако, какой бы план они ни предприняли, успех получался неполный. Оставалась куча не зависящих от них факторов, способных повлиять на конечный результат. Сказывалось и отсутствие опыта: почти все присутствующие осознали свои способности относительно недавно, а противостоять им предстояло потомственной ведьме с более чем полувековым стажем.

Глава 8 Орденское посвящение

Наутро все проснулись бодрыми и полными сил. На дворе радовало глаз солнышко. Наскоро перекусив, друзья вышли за пределы двора, и Сова со Светой встали как вкопанные. Что-то было не так. Не так как вчера. Что-то существенно изменилось. Под взглядами ничего не понимающих друзей Света встретилась с взглядом Елены, в котором начало появляться осознание случившегося.

— Её здесь — нет, — пояснила остальным Сова. — Видимо, ощутила наше появление. Но я не могу понять, где она… не чувствую.

— Я бесполезна… — простонала со слезами на глазах Елена.

Расстроенная более других Света, пытаясь утешить, коснулась руки плачущей девушки, и в сознание мгновенно ворвался хоровод образов, мыслей. Елена корила себя за то, что подвела подругу. Она понимала, что предвидит только то, что зависит от неё или друзей, но не могла предсказать поступков противницы. И та сделала верный шаг, оставив всех с носом.

— Все следы затёрты, — стоя с закрытыми глазами, отрешённо произнесла Сова.

— Думаю, стоит наведаться к озеру, — подал голос молчаливый обычно «седой». — Она с момента воплощения провела там немало времени. Могло остаться хоть что-то… какая-нибудь зацепка…

— Я б почувствовала, — отозвалась Сова. — Но пойдёмте. Там виднее будет.

До места дошли в молчании. Света представляла, как всё будет выглядеть, и не ошиблась. Всё как в том сне об озере: новый дом на месте старого фундамента, девственная природа, тишина. Отличие только в успевших растаять под теплыми весенними лучами солнца снеге и льде.

Друзья побродили вокруг дома, Сова едва ли не обнюхала каждый кустик, «седой» умудрился взломать двери, но дом оказался девственно пуст: ни единой личной вещички, ни волосинки, ни запаха.

Возвращались поникшие и задумчивые. Варвара обвела их вокруг пальца как слепых кутят. Бесследно исчезла, не оставив даже едва различимого следа, который смог бы навести на неё Сову. Товарищи понимали, что ждать её здесь бесполезно — не вернётся. Но где искать? Как? Так, не солоно хлебавши, они и вернулись в город, вызвав столь ранним возвращением искреннее удивление Семёна.

Мужчина выслушал новости и лишний раз подивился отстранённости своих сотрудников от реалий современного мира.

— Но они же не могут исчезнуть бесследно, — воззрился он на Светлану. — Где-то обязательно засветятся. Если они на машине, значит, можно пробить по номерам этого Виктора, если додумаются выехать за границу, то ещё проще, на оформление виз нужно время. Да и паспорта засветят, собственно, как и при перемещении самолётами или поездами по стране.

— Проблема в том, что о Викторе я ничего, кроме имени, не знаю. И в машинах не разбираюсь. Не говоря о том, что номеров не помню… — смутилась девушка.

— Допустим, а Машины данные знаешь?

— Только фамилию и имя. Даже отчества не знаю.

— С этим проще. Дома обязаны быть какие-нибудь документы, хотя бы и на квартиру.

— Ага, наверняка в сейфе. Да и что нам это даст? Никто нам не предоставит нужных данных.

— А как вариант ты можешь обратиться в полицию, написать заявление об исчезновении сестры.

— Вряд ли, — скривила губы девушка и, заметив непонимающий взгляд собеседника, пояснила: — Она слишком дальняя родственница. Маловероятно, что я вообще сумею доказать родство. Наши бабушки были родными сестрами.

— И это говорит человек, обладающий талантом внушения?

— Ну, если так…

Поход в полицию принёс одну положительную новость: заявление было принято, и оставалось ждать. Девушка упомянула, что последний, с кем видели её сестру, был некий молодой человек по имени Виктор.

Жизнь опять потекла по налаженной колее: работа в клинике, напоминающий веселое общежитие — дом. Для размещения семерых «новичков» пришлось купить квартиру. Семён предлагал подождать с досрочным погашением кредита и купить ещё одну, чтобы расселить Светиных постояльцев, но та отказалась: квартира большая, целых пять комнат, зачем ей одной столько? О том, как отреагирует на незваных гостей Маша, девушка старалась не думать. По её мнению, места хватало с избытком. Комнаты, некогда принадлежавшие Маше и её отцу, оставались неприкосновенны. Третью комнату занимала Света, ещё в одной поселились начавшие свои отношения ещё в психиатрической клинике Седой и Сова, а в пятой, относительно небольшой комнатке, жила тихая, кроткая Елена. Последней по складу характера явно место было в монастыре, вот только угораздило девушку обрести ведьмовской дар. И если до встречи со

Светланой она корила себя, считая, что проклята, то теперь, после немалых внушений о том, что её дар дан самим богом, выкладывалась на износ.

Саму же Свету, которая провела всю жизнь в изоляции от общества интересных и близких по духу людей, да хотя бы и тех же сверстников (школа — не в счёт, на уроках особо не поболтаешь), наличие четверых квартирантов не то, чтобы не смущало, наоборот, её расстраивала перспектива их возможного переезда. Да и сами постояльцы, привыкшие за проведённые в клинике годы соседствовать бок о бок, уже не представляли жизнь друг без друга в этом чуждом им мире.

Стоит заметить, люди подобрались на удивление открытые и бескорыстные. По крайней мере, среди оставшихся жить со Светланой ни у кого не было жажды наживы, а вот с появившимися позднее коллегами по цеху общение складывалось по большей части на деловом уровне. У них благодарность за освобождение из психиатрической клиники граничила с маниакально рабской психологией, что существенно мешало полноценному общению. Появившийся в той компании лидер не забывал урвать своё, видя во всём чью-то выгоду. Хорошо ещё, что остальные, осознали: их дар — это благо, и всецело посвятили себя помощи людям. Благодаря чему, клиника приобретала всё большую известность.

Измотанный бюрократической машиной Семён искренне поражался прозорливости Сергея, додумавшегося организовать это учреждение. Скольким людям уже помогли, а скольким ещё помогут? Сергея же статистика по исцелению неизлечимых больных со временем стала волновать всё меньше. Из некогда весьма неплохого врача получился отличный коммерсант, у которого в глазах, как у Скруджа Макдака, сверкали цифры с неисчислимыми нолями на конце. Как-то его спросили, не жалеет ли, что пришлось отстраниться от врачебной практики? На что тот ответил: в сравнении со специалистами нашей клиники — я ничто, какой смысл держаться за дело, в котором ты, по сути, профан?

Минул месяц с визита в Патошино, но, несмотря на внушённую оперативность, результатов следствие так и не давало. Единственное, что удалось сделать — это определить личность друга. Молодой человек получил немалое наследство и просто напросто исчез. По сведениям соседей, он с нового года не появлялся в своей питерской квартире, не видели его и на работе. Однако никто не подал никаких запросов в органы. Мало ли какая блажь парню в голову попала? Загулял. Всякое бывает. Его машина оказалась продана еще в январе, а документы ни его, ни

Машины нигде так и не засветились. В общем, они как сквозь землю провалились.

— У Маши были какие-то проблемы с издательством… — во время очередного разговора с оперативниками припомнила Светлана.

Однако и это не слишком поначалу помогло. Доступа к документам по разбираемому в главном управлении делу обычным сыскарям ни в какую не давали. Попытки переговорить с сотрудниками, которые вели некогда громкое дело, тоже ни к чему не привели. Но Света отступаться не собиралась. Не сказать, что Маша за тот недолгий срок стала совсем уж родной. Когда-то да, она оставалась последним близким человеком, теперь это обстоятельство уже не играло роли. Окружающие Свету в последнее время люди стали несравненно ближе. И спрашивается: что толкало девушку вперёд, не позволяя остановиться? Принцип? Или инстинкт охотника? Она об этом не задумывалась, мечтая лишь о том, как разыщет сестру и упокоит ненавистную Варвару, которая причастна и к смерти бабушки, и ко всем последующим переменам в Светиной жизни. Пусть в большинстве перемены вели к лучшему, но это уже от ведьмы не зависело, и прощать её девушка не собиралась.

— Предлагаю пойти напролом, — как-то за ужином предложила Сова и, заметив непонимание друзей, пояснила: — Я о том деле с издательством. Предлагаю всем вместе, — она окинула взглядом присутствующих, — наведаться в отделение полиции. Думаю, они не смогут устоять перед нашими талантами.

— Предлагаешь перерыть их архивы? — воззрилась на неё Елена. — Там же тонны макулатуры.

— А я вам на что? — смутилась Сова.

— Ну, а если они вообще всё куда-то вывозят на хранение? Да и незнаем мы возможно дело-то и незакрыто, — не унималась Елена, очевидно, девушку смущало, что она не может предвидеть то, что не связано с ними и зависит ещё от кого-то.

— Как минимум узнаем куда. А в целом… думаю, многое хранится в компьютерах. Тут кое-кому и карты в руки. Докажет свою профпригодность, — женщина лукаво взглянула на «седого», в прошлом работавшего обычным программистом.

На том и порешили. Поход запланировали на ближайший свой выходной, выпавший на среду. А потом собирались наведаться на несколько дней в Патошино. Хоть они и не нуждались в посадке картошки и овощей, но Света не могла оставить огород зарастать. Этот дом и земля были для неё родными, они напоминали о детстве, о бабушке. И представить их

заросшими бурьяном девушка не могла. Сердце болезненно сжималось от одной только мысли о подобном запущении. Сказали б ей раньше, что из благоустроенного города её потянет обратно в деревню — не поверила бы, но факт был налицо. Хотя и бросить здесь всё, перебравшись назад, Света тоже уже не могла. Без работы в клинике и друзей она свою жизнь не представляла.

Когда в холл питерского управление МВД ввалилась группа каких-то людей, дежуривший сержант лишь окинул их взглядом и вновь погрузился в чтение боевика. Молодому человеку совершенно не хотелось возвращаться в унылые серые будни, он представлял себя главным героем: умным, удачливым и непобедимым. Однако отвлечься всё же пришлось. Неведомо как одна из посетительниц, молодая светловолосая девушка аскетичного вида, вдруг упала на пол и, схватившись за лодыжку, застонала. Сержант, тут же забыв о книге, выскочил из-за стола и вместе с остальными помог бедолаге подняться. Усадив «пострадавшую» на стул, молодой человек ощутил, что кто-то коснулся его руки, и встретил полный озорства взгляд молоденькой зеленоглазой блондинки.

— Где хранится документация по делам которые ведут приехавшие из Московской управы? — с улыбкой произнесла Светлана.

— У их майора, — с глупой улыбкой на губах послушно ответил парень.

— Ты нас проводишь к нему? — каким-то игривым, влекущим голосом поинтересовалась девушка.

— Думаю — да, — без тени удивления или сомнения ответил парень.

— Отведи нас к нему и жди наших дальнейших указаний, — промолвила девушка и хотела отстраниться, но парень успел сообщить немаловажную новость:

— Но он на совещании с капитаном Весловым и майором Сивко.

Девушка взглянула на Седого и Елену и обратилась к сержанту:

— Иди, сообщи, что с ними желают переговорить сотрудники средств массовой информации.

Парень кивнул и послушно пошел куда-то по коридору. Света махнула остальным, чтобы следовали за ним.

— Ты чего несёшь, какое ещё СМИ? — прошептал ей на ухо Седой.

— Как-то представиться надо? И повод войти. А там заставим их забыть обо всём, и всё, — беззаботно отмахнулась девушка. — Войдём, и каждый берёт на себя одного. Седой, твоим будет тот,

что ближе к двери, если пойдешь дальше, это вызовет подозрение.

Сработали друзья на ура. Вскоре глупо улыбающиеся сотрудники органов не только проводили друзей в кабинет где хранились документы, открыли сейф, но и самостоятельно отсканировали содержимое увесистой папки с нужным делом. Получив желаемое, друзья внушили сотрудникам органов забыть обо всём произошедшем с момента появления визитеров.

— В участок к нашим ментам? — поинтересовалась садящаяся за руль Сова.

— Что-то подсказывает мне, что надо сначала самим изучить эти материалы, а полиции дать только то, что им положено знать, — подала голос Елена.

Воодушевлённые и заинтригованные друзья, не забыв прихватить с собой трофей, направились, как и планировали, в Патошино. С посадками запоздали, всё-таки конец мая уже на дворе. Вот только осудить их или заметить это было некому. Деревня вымерла. Ни в одном доме, за исключением дальних, принадлежащих дачникам, по вечерам не загорался уже свет, и это угнетало. Товарищи ещё днём поинтересовались у Светы, как же та жила в селе, где кроме них никого не было. И пришлось девушке, по новой всё переживая, рассказать о пусть и небольшой, но довольно дружной деревеньке и о том, что учудила озёрная ведьма.

— Бабушка умерла, а меня Маша увезла в город. Теперь это вотчина дачников, — грустно вздохнув, завершила свой рассказ девушка.

К вечеру почти весь огород был перекопан, картошка и кой-какая зелень посажена, огурцы и кабачки по совету Совы, у которой когда-то тоже была дача, о которой женщина теперь и вспоминать не хотела, посадили прямо семенами в открытый грунт. После ужина все собрались за столом и принялись изучать трофейные документы. Содержащаяся там информация поразила своей жестокостью. Собравшиеся за столом прекрасно понимали, чьих это рук дело, так же как и то, что подобные свидетельства и показания к делу не пришьешь. Как бы ни смешны и наивны были выводы следаков, но иного ожидать и не стоило. Друзей их выводы и не интересовали, только факты. И главное, им удалось узнать, что Марии были выданы документы на имя Васильевой Елены Ивановны.

— Вот теперь мы имеем возможность пустить ментов по верному следу, — обрадовалась открытию Сова.

— Что-то мне подсказывает, не много мы выиграем… — хмурясь, словно пытаясь что-то припомнить, произнесла Елена. — Да и то, что эта Варвара уже почти полгода тело твоей сестры

занимает, тоже плохо.

— Что ты имеешь в виду? — уставилась на девушку Света.

— Только то, что мне кажется, она со временем может подавить Машину личность, и тогда наши усилия пойдут прахом. Максимум, мы сможем упокоить ведьму, но вот Марию вернуть… это уже вряд ли удастся.

— Чего ж ты раньше молчала? — вскинулась Света.

— А какой смысл говорить, если найти их не можем?

Следующий день вновь провели в стахановских трудах, и участок приобрёл аккуратный, ухоженный вид. А к вечеру, быстро перекусив, вернулись в город, чтобы прямо с утра связаться с занимающимися поиском Марии сотрудниками правоохранительных органов.

Во избежание лишних вопросов, вручать информацию пришлось, используя внушение. Полицейские остались в полной уверенности, что это они сами раздобыли новые данные, о чём тут же не преминули похвалиться перед Светланой, но, как выяснилось, они и в действительности не напрасно время тратили и сумели кое-что разузнать. В результате чего подумывали закрыть дело. Оказалось, не только Виктор в недалёком прошлом стал наследником, Маша тоже получила дом в каком-то селении на побережье Азовского моря. И не так давно разыскиваемую девушку в компании молодого человека, напоминающего по описаниям Виктора, видели в тех местах. Вот только это были слухи, подтвердить которые никто не мог. В селении начало твориться что-то неладное: немногочисленные старики умирали, молодежь чахла на глазах, районные врачи разводили руками, подозревали невесть откуда пришедшую лучевую болезнь. Лишь спустя две недели немногие пришедшие в себя соседи смогли дать показания, согласно которым девушка мило проводила время в компании двух молодых людей. Один из них по описаниям опять же напоминал Виктора, личность второго установить не удалось. Сделав вывод, что никакого похищения или чего-либо более страшного нет, работники правоохранительных органов постановили, что оснований для продолжения её поисков тоже — нет.

Обрабатывать всё отделение, включая руководство, для того, чтобы дело не закрыли, было несколько затруднительно, и взяв обещание напоследок проверить, не засветились ли где-нибудь новые документы Марии, девушка смирилась с прекращением расследования. Затребованную Светой информацию предоставили уже к вечеру. Варвара много где успела засветиться за всё то время, что её разыскивали. Друзья искренне сожалели, что раньше не нашли информацию о вторых документах.

— Вряд ли она второй раз остановится там, где уже была, — задумчиво произнесла Сова. — Но в том доме надо бы побывать. Авось след найду?

— Одно только радует, — тут же включилась в разговор Елена. — Если вокруг неё люди чахнут, это значит, твоя сестра ещё достаточно сильна и до сих пор борется за свою жизнь.

— Ты хочешь сказать это она теперь их? — вылупила глаза на подругу, ошарашенная Светлана.

— Тьфу на тебя! Нет конечно! Просто для того чтобы удерживаться в теле Варваре нужны силы, но не так и много, а вот если хозяйка тела борется, пытаясь вернуть его себе, то тут уж надо черпать их извне в больших объемах. Это и объясняет повышенную смертность в их окружении, — тоном, словно говорит с несмышлёным ребёнком, которому требуется объяснять прописные истины, объяснила Елена.

На этой оптимистичной ноте, друзья заехали в клинику и проинформировали Семёна о том, что срочно уходят в коллективный отпуск. Благо нехватки кадров теперь не ощущалось, и проблем такое решение не вызвало. Оккупировав купленный для групповых поездок микроавтобус, они двинулись к югу России. Два дня пути вымотали не привыкших к кочевой жизни людей. Однако дорога оказалась ненапрасной. Сова доказала своё призвание и взяла след. Ещё неделю они колесили по стране, прежде чем обнаружили ту, за кем всё это время следили. Каково же было удивление Светы, когда подойдя с опаской к «сестре» она поняла, что перед ней совершенно посторонний человек. Друзья долго гадали, как Варваре удалось повесить свою… ауру, что ли… на постороннего. Заподозрили даже сговор, допросили ничего не понимающую девушку, которая действительно не так давно ездила отдыхать к берегу Азовского моря.

— Повезло девчонке, что наша цель была не уничтожить, а найти, — ошалело покачал головой Седой.

— Ей-то, может, и повезло, а вот нас опять с носом оставили, — недовольная своим провалом, скривилась Сова.

— Зато узнали, что и такое возможно, — только и смогла сказать раздосадованная Света.

Девушка никого не винила, она и так была благодарна, что друзья не бросили её один на один с проблемой, на свой страх и риск связавшись с опасным противником. Вот только, что делать дальше, никто не знал, как, собственно, и то, что делать, если им всё же удастся разыскать беглянку, в арсенале которой наверняка имелось ещё немало сюрпризов.

— Мы можем поймать Варвару на живца, — едва ли не

впервые за всё путешествие подал голос вечно молчаливый Седой.

— Как? — не поняла Света.

— Книга, — коротко ответил он и вновь ушел в себя.

— Хм… и как я не подумала об этом, — только и смогла подивиться успевшая ухватить нить размышлений Сова. — Рискованно, конечно. Кто-то может погибнуть.

— Можно подумать если её не остановить, то жертв не будет? Помнишь о теории наименьшего зла? — парировал Седой.

— Что-то я не совсем улавливаю суть, — воззрилась на них Света. — Вы можете говорить нормально, а не обрывками фраз никому, кроме вас, не понятными?

— Всё предельно просто и сложно в то же время. Надо найти файлы написанных твоей сестрой книг, — пояснила Сова. — Найти издательство, готовое их издать и следить за всеми, кто их приобретёт.

— Подставить кого-то? Толку? Думаешь, она сама придёт убирать лишних свидетелей? — невесело усмехнулась Света.

— Не думаю, не столь она глупа, но отловить того, кто явится, не сложно, — парировал Седой.

— Да она просто высосет их на расстоянии и не будет никого посылать, — отказываясь от подобной затеи, покачала головой Светлана. — Поймите, сестру я вернуть хочу. Но принцип: для достижения цели все методы хороши — не для меня.

— Об этом никто и не говорит, Светик, — подхватила затею любимого Сова. — Ты забыла о том, что при этом исчезают и все книги? Это она сделать не в силах по-любому, для этого нужен исполнитель, и он однозначно придёт от неё. Оставив, надеюсь, след.

— И кто нам найдёт эти файлы? — произнесла Света, и все взгляды сошлись на Седом, как говорится: «инициатива наказуема».

Так как стационарного компьютера в квартире Маши не было, да и ноутбук исчез вместе с девушкой, искать их предстояло в издательстве. Выехали на место рано утром, вот только быстро добраться не удалось. Видимо в город приехала какая-то «шишка», а то и сам президент? Увлеченные своими поисками и работой друзья совершенно не интересовались новостями, поэтому вместо того, чтобы разработать удобный маршрут, поехали напрямки и собрали все возможные препятствия: перекрытые проспекты, оцепления, пробки на объездах. Но в итоге добрались всё же до места к тому времени как сотрудники редакции только-только начали подтягиваться на работу. Ещё выходя из микроавтобуса, Света обратила внимание на

мелькнувшую в окне, поливающую цветы сотрудницу редакции. Стоило им войти, и женщина, так и не успевшая поставить на место лейку, попала под гипноз.

В итоге задачка оказалась куда более сложная, нежели поиск дела в полицейском участке. Во-первых, слишком многих пришлось временно нейтрализовать, а с учетом необходимости контакта, пришлось поизвиваться между столами стараясь как можно быстрее утихомирить всех. Во-вторых, выяснилось, что в издательство ежедневно присылаются сотни новых файлов, многие из которых оседают в рабочих компьютерах редакторов. Ещё и Маша успела в своё время обработать сотрудников и теперь несмотря на внушение, они таращили глаза и в упор не понимали, о каких книгах идёт речь, не помня даже такого автора.

Проникнуть в комп главного редактора проблемы не составило, что друзьям и требовалось. Машинка оказалась на удивление мощной — с огромным объемом жёсткого диска, который при небольшой «тяжести» присылаемых файлов умудрились забить практически под завязку. Запустив поиск по известным из полицейского отчёта словам, пришлось прождать несколько часов, прежде чем система выдала список файлов, содержащих искомую комбинацию слов. Как показала практика, Маша не отличалась оригинальностью, вместо одного-единственного выскочило порядка двух сотен файлов. «Седой», вздохнув, вставил флешку и начал уже копирование, когда дверь в кабинет отворилась. Вошел высокий, темноволосый мужчина лет сорока в белой мантии-плаще с эмблемой в виде зелёного мальтийского креста на левой стороне груди. Друзья на мгновение опешили. Елена, успевшая взять себя в руки быстрее остальных, подошла к непрошеному гостю, коснулась его руки и вкрадчиво произнесла:

— Присаживайтесь. Вам не о чем беспокоиться…

— Боюсь, у нас нет времени на посиделки, — вызвав всеобщее удивление, вместо подчинения ответил мужчина. Произношение странное: напевное и со слабо выраженным акцентом. — Вы все должны пройти со мной, — в его голосе звучала не властность, а непоколебимая вера в то, что окружающие обязаны подчиниться.

Мужчина развернулся и направился к выходу. Удивлённо переглядывающиеся друзья почувствовали, что попали под какое-то воздействие. Тела, игнорируя возмущенные протесты разума, последовали за незваным визитёром. Страха не было, только искреннее удивление и разочарование: не успели, не довели дело до конца. Оказавшись на улице, они послушно вошли в

припаркованный возле входа в издательство тонированный микроавтобус.

— Присаживайтесь, — произнёс мужчина, и все безропотно подчинились. — Кого мы представляем на данном этапе наших взаимоотношений, роли не играет. Существует ли угроза для вашей жизни, зависит от того, насколько активно вы будете сотрудничать, — выдал он тираду и умолк.

— Сотрудничать? — не без труда выдавила Светлана, её друзья лишь непонимающе хлопали глазами.

— Отвечать на вопросы, — исправил недосказанность мужчина.

Света проклинала всё и вся. Ну почему такая вот подлость? Мысли «одарённых» друзей она могла прочесть лишь с их согласия, и необходим был физический контакт, а остальные-то были как открытая книга. Поначалу это очень утомляло девушку, но со временем она привыкла, научилась отделять своё от чужого, да и черпала немало полезного. Но этот… кто он? Его разум закрыт, любые попытки осознанно проникнуть под завесу вызывают головокружение, а результат нулевой. Да и то, как этот мужчина проигнорировал внушение Елены, шокировало друзей. О том, что они сами теперь загипнотизированы, и говорить не стоило. Этого не могло быть! Невозможно оказать влияние на таких, как они! Ставшая совсем недавно неустрашимой Светлана — боялась. Не смерти, не пыток, а неизвестности и того, что из-за неё могут пострадать близкие ей люди. В том, что этих людей заинтересовали Светины поиски, девушка не сомневалась.

Тем временем, машина притормозила, откатилась в сторону дверь, и в открывшемся проёме показалось уже знакомое лицо «не внушаемого»:

— Приехали, дамы и господа. Выходим.

Пятеро «пленников» послушно покинули салон. Светлана не могла похвастаться тем, что хорошо знала город, поэтому определить, где именно они находятся, не могла. А вот здание, к которому направился «невнушаемый», явно имело отношение к католической церкви. Одного взгляда на выдержанный в строгом стиле храм хватило, чтобы в памяти всплыл фрагмент телепередачи, посвящённой особенностям готической архитектуры. Ломаные арки, высокие башенки, строение словно тянется куда-то вверх, да и крест во главе здания явно не православный. Войдя внутрь, девушка в очередной раз убедилась в своей правоте: большую часть пространства занимали стоящие рядами скамьи, где сидели немногочисленные прихожане, иконостаса — нет, алтарь непривычно открыт, иконы какие-то реалистичные, а не символические, как в православных храмах, а

на распятии обе ноги Христа скрещены и прибиты вместе. «Католикам-то от нас что надо?» — только и успела подумать она, но в этот момент «не внушаемый» остановился, окинул взглядом «пленных» и произнёс:

— Вам выпала честь встретиться с величайшим из ныне живущих. По стечению обстоятельств его Святейшество оказался именно в это время именно в этом городе. Не иначе, сам господь привёл вас к нам именно в этот момент. Будьте почтительны, — добавил он и приоткрыл ведущую в служебные помещения дверь.

Просторно, на удивление светло, да и внутреннее убранство аскетизмом не отличается. В помещение вошел один из служителей храма или, правильнее было бы сказать, — базилики. «Невнушаемый» жестом подозвал его к себе, что-то тихо прошептал на ухо, и тот удалился.

Вскоре дверь вновь скрипнула, и вошедший человек привлёк взгляды присутствующих: красные туфли, накинутый поверх белой сутаны опять же красный плащ, на голове митра из белого шелка с золотой и серебряной вышивкой, светлые глаза излучают бесконечную мудрость, покой и смертельную усталость.

— Епископ Рима, викарий Христа, преемник князя апостолов Петра, верховный первосвященник Вселенской Церкви, Великий понтифик, Примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, суверен государства-города Ватикан, раб рабов Божьих… — преклонив голову, известил «невнушаемый», но понтифик прервал его жестом и благосклонно протянул ему руку с довольно крупным перстнем.

«Перстень рыбака» — вспомнила Света. «Невнушаемый» умолк и благоговейно припал к нему губами.

— Не стоит титулов, — вздохнул священнослужитель. — Папа Бенедикт 17, - представился он.

— Как вам будет угодно, Ваше Святейшество, — не поднимая взора, послушно ответил «не внушаемый» и, поймав обращённый к вошедшей группе взгляд, пояснил: — Этих четверых ниспослано свыше обратить на путь служения господу.

Говорили они на итальянском, однако неведомым образом все присутствующие понимали каждое слово.

— Ваше святейшество, вы можете говорить открыто, — произнёс «невнушаемый». — Покинув эти стены, — его взгляд четко дал понять: если будет на то его воля, — они не смогут никому ни о чём рассказать. Только обсудить между собой без свидетелей.

Папа Римский благосклонно кивнул и повернулся к «пленным»:

— С 13 века моими предшественниками передаётся опасное

предсказание о трёх девах во власти, — заговорил глава Римской Католической церкви. — К счастью, первые две уже остановлены, а значит, мы находимся на грани конца света и должны внимательно следить за происходящим в этой части мира. Если упустим момент, и она войдёт в силу, то мир рухнет. Не наш — христианский, а всё живое.

— Ваше Святейшество, — подала голос Сова, чем вызвала неодобрительный взгляд «не внушаемого», но Понтифик остудил его пыл, показав жестом, что слушает женщину. — Вы уверены, что она появится именно сейчас и именно здесь? — произнесла Сова.

— Мы уверены лишь в том, что она рано или поздно появится на территории Руси.

— Вы говорите «мы» — подразумевая лично себя? И «здесь» — то есть не просто в России, а именно в Петербурге. Но Русь в 13 веке имела иные границы, этого города и в планах не было…

Понтифик приподнял руку, взывая к молчанию:

— Мы — это не конкретно я и мои подданные, «мы» включает и последующие поколения, а территория? Тут вы правы, наши теологи бьются над этим понятием. Никто не знает, что в действительности видел провидец. Имел ли он в виду территорию, занимаемую государством в то время, или же воззрил будущее не только в плане событий, но и государственных границ? Долгие столетия мои предшественники не давали женщинам войти во власть. Власть есть не только явная, как проявление политическое, или косвенная, как влияние на сильных мира сего, это меньшее из зол подходило для первых двух случаев. Оказались правы те, кто ввёл инквизицию. Однако недавние всплески есть власть абсолютная…

Говорил Понтифик ещё немало, и Свете с каждым словом становилось всё больше не по себе. Всё сводилось к тому, что забравшая Машино тело ведьма — есть зло абсолютное, подлежащее полному уничтожению. Всё в душе девушки бунтовало. Изгнать, истребить Варвару — да! С этим она согласна. Но Маша? Она жертва. Её тело — вместилище души и всего лишь безвольный инструмент. Её можно спасти, но что этому святоше до жизни какой-то девчонки? Согласно пророчеству, надо уничтожить зло, а она носитель, и по теории наименьшего зла её жизнь — ничто. Возможно, в чём-то он и прав, возможно, если бы вопрос касался какого-то другого, незнакомого Свете человека, девушка согласилась бы с действенностью подобных мер, но ситуация иная. Попытки разыскать и спасти сестру превратились в манию, и девушка уже

не могла принять иного исхода.

— Но о каких девах речь? — растеряно пролепетала Елена.

— Было описано появление Орлеанской девы. Думаю, вам знакома эта история? — понтифик окинул взглядом «пленных».

— Жанны д'Арк? — откликнулась Сова. — Сожжена на костре в тысяча четыреста тридцать первом году, но она не ведьма. К тому же двадцать пять лет спустя Каликст III пересмотрел процесс, в результате чего был подписан рескрипт о её реабилитации, — удивила познаниями истории молодая женщина. — По вашим пророчествам человека сожгли, а потом оправдали?

— Так было нужно. Факт был свершён, безопасность обеспечена, а рескрипт… это всего лишь политическая необходимость, и он ни на что уже не влиял. Я не собираюсь углубляться в аспекты этого дела. Однако приятно, что вы знаете историю. Тем проще будет прояснить некоторые моменты. Однако к вашему сожалению о второй деве вы в любом случае ничего не знаете. Так как её деяния были предотвращены более чем своевременно, благодаря довольно четким предвестникам её появления описанным в пророчестве. Это было чуть больше двухсот лет назад. Ну и главное вряд ли вам знакома история рыцарского военного Ордена Святой Силены Равеннской, рыцарь которой стоит перед вами, — взгляд понтифика остановился на «не внушаемом».

— Наш орден создан Его Святейшеством папой Римским Пием II в тысяча четыреста пятьдесят девятом году, одновременно с орденом Святой Марии Вифлеемской, который и до сих пор существует, в отличие от нашего — официально. Мы все воины господа, но наши задачи и цели различны.

— Да, их цели не столь прозрачны, — прервал его понтифик. — Помимо несения истинной веры в ряды неверных, их главная цель — предотвратить исполнение пророчества, а если не удастся вырезать зло на корню, то противостоять той силе, что возродится. Не зря последнее пришествие — самое смутное в древнем писании, теперь очевидно, что это не связано с политикой, финансовым влиянием или интригами, это то, с чем долгие столетия боролась святая инквизиция. Да, да, не кривитесь так. Я не могу отрицать, что погибли тысячи невинных, но что их жизнь в сравнении с существованием целого мира?

В помещение тихо вошёл служитель храма и, заметив высокое начальство, хотел скрыться, но был остановлен понтификом. Служка смиренно подошёл к Его Святейшеству и, что-то выслушав, удалился.

— Думаю, пришло время представиться, — повинуясь жесту

понтифика, произнёс «не внушаемый». — Кардинал Святой церкви, рыцарь Ордена Святой Силены Равеннской, наследный граф в семнадцатом поколении Дарио Билини.

— Меня заинтересовала выявленная в России активность, — подал голос Бенедикт. — Хотелось бы услышать отчёт из первых уст.

Рыцарь склонил голову и начал повествовать. Свете и её друзьям казалось, что они попали в какую-то жуткую сказку, где божественному престолу служат воины, сверх всякой меры одарённые магическими способностями. Каждый из друзей задавался одним и тем же вопросом: почему же веками шли гонения на ведьм, а вот «такие» находились во служении у пап Римских? На ум тут же приходило популярное изречение: «У нас все равны, но некоторые равнее». Но главное, в сознании набатом бил вопрос: «Что им нужно от нас? Зачем они всё это рассказывают? Не просто же так? Неужели они считают, что мы станем помогать им в уничтожении Светиной сестры, которую святоши возвели в ранг абсолютного зла?»

— …всплески были выявлены в канун Рождества, — продолжал тем временем разглагольствовать «невнушаемый».

У Светы перед глазами пронеслись воспоминания о жутких переменах в её жизни в преддверии нового года: о странных исчезновениях селян, приезде Маши, смерти бабушки.

— Определить источник оказалось непросто. На месте был обнаружен немалый потенциал носителя сил, однако он, точнее, она сумела скрыться, но неподалёку мы увидели их след, — «невнушаемый» окинул взглядом группу друзей. — Он был немногим слабее, но групповой, и содержал прямо противоположную ауру, явно говорящую о их намерениях.

— Вижу, — кивнул понтифик. — Они не опасны. И их помощь будет неоценима.

В дверях тем временем появился ушедший недавно по какому-то поручению служка и известил о том, что всё готово. Бенедикт жестом отпустил храмовника и повернулся к «пленным»:

— Время не ждёт, — произнёс он и, поймав удивлённый взгляд «невнушаемого», пояснил: — Они будут посвящены в орден. К обряду всё готово.

— Но как? Они же не послушники! Не католической веры, да и…

— Пришло время что-то менять, — перебил его понтифик. — Миряне будут вхожи в орден, да и вы не полноценные монахи, ибо продолжаете свой род, передавая титул одарённому наследнику. А касаемо веры, на пути к господу все едины. Но для

устранения излишнего ропота, стоит приобщить их к католической церкви. Сначала всё же обряд, потом остальное. Это время… — вздохнул Его Святейшество. — Лишнее время, которого у нас нет. Но пусть будет так. Лучше эти четверо станут одними из вас, нежели пойдут против. Смирись, на то есть воля божия.

Ребята переглянулись, в глазах читались вопросы: «Какие обряды? Причём тут их вероисповедание? Что ещё за посвящение? Им-то это зачем? И что после?»

— Но они же безродные, — забыв о раболепии, выпучил глаза рыцарь.

— В наши дни нет инквизиции, — отмахнулся понтифик. — Твой род продолжается только благодаря родовитости твоих предков и их искреннему желанию спасти свои жизни, служа святому престолу. Смирись с этим и не лелей гордыню. Или же зря тебя подняли до кардинала?

— Пусть будет так, — опустил взгляд рыцарь — Вы должны идти по доброй воле, — вздохнул он, взглянув на «пленных».

Друзья ощутили, что в полной мере владеют телами. Первая мысль была — бежать, но что-то остановило.

— Пройдя обряд посвящения, вы на неделю останетесь в одном из наших монастырей и пройдёте минимальную подготовку, — распорядился понтифик. — К тому времени прибудет кардинал Пелагатти и займётся вашими способностями.

Друзья переглянулись. Безумно хотелось отказаться. Вот только, что ждёт их в этом случае? Вряд ли этот Пелагатти будет делать что-то плохое с новопосвященными рыцарями. А если и так? В силах ли они противостоять «невнушаемому»? Да и сколько их здесь таких? Ничего не оставалось, как дать согласие. После чего «невнушаемый» и высший католик удалились, оставив растерянную компанию наедине. Взгляд обладающей нереально острым слухом Совы тут же затуманился, голова немного неестественно вывернулась. Друзья боялись даже дышать, понимая, что подруга может услышать что-то важное. И она действительно слышала каждое слово всех, кто говорил в этот момент в радиусе пятидесяти метров. Благо таковых было немного, и ей довольно быстро удалось вычленить речь тех, кто обсуждал их судьбу.

— Их группа необычайно сильна. Подобного не было на протяжении последних трёхсот лет, — говорил явно рыцарь.

— Считаете, их безопаснее ликвидировать?

— Простите, ваше Святейшество, но это было бы большой ошибкой. Если удастся их склонить на нашу сторону…

— Если! Вот именно — если! А если девица, сплотившая их,

начнёт свою игру, то что? Мне кажется, весь ваш орден в таком случае окажется бессилен.

— Надо их разделить, изолировать друг от друга. Хотя… их связывает что-то странное, мне порой кажется, что я вижу какие-то светящиеся нити, тянущиеся от одного к другому в их группе. Не исключено, что в отдалении они окажутся обычными слабыми ведьмами.

— Загрузите их обязанностями, ограничив непосредственное общение. И позаботьтесь о разобщении их компании. Пусть взаимодействуют по воле долга, а не из дружеских побуждений. Тогда они не предадут. Точнее, если что-то пойдет не так, кто-то всё же останется верен нам и проинформирует о происходящем, — распорядился понтифик — голос его явно приближался.

— Будьте спокойны, ваше Святейшество, — произнёс «не внушаемый» и, не дав Сове проинформировать друзей о происходящем, вошёл в комнату.

После нудного заучивания нелепой рыцарской клятвы сам Папа Римский лично провёл обряд посвящения. Действо оказалось сколь торжественно, столь и затянуто-занудно.

— Нам теперь в этом постоянно ходить? — с ужасом обозревая надетые на себя наряды, поинтересовался «седой».

— Нет, вы же не монахи, — скривился недовольный таким отношением «не внушаемый». — Даже мы в целях конспирации частенько ходим в мирском. Но эмблема ордена должна присутствовать всегда. Можно не на виду, но должна быть с вами. Её ношение предмет для гордости!

По истечении времени показалось, что неделя пролетела словно миг, хотя в процессе подготовки к неведомому каждый час казался вечностью. Перво-наперво друзей увезли за пределы города и разместили в кельях при каком-то монастыре. Жили они порознь, но иногда всё же виделись. Наставники так загоняли новобранцев, что насыщенный график не позволял им даже словом перекинуться друг с другом. Вскоре они приняли католическую веру, не столько внутренне, конечно, сколько ритуально. Основная часть обучения была посвящена правилам поведения в тех или иных ситуациях и основам рукопашного боя.

— Вы прошли ускоренную предварительную подготовку. Не скрою, я был против, да вы и сами об этом знаете. Однако теперь мы братья, и у нас единая цель. Обычно «полное» посвящение отмечают застольем, но у вас не было такой возможности, и в ближайшее время не предвидится. Ночью прибывает кардинал Пелагатти. Ваши головы поутру должны быть ясны, — сообщил Дарио Билини.

Препровождённые каждый в свою келью друзья в растерянности вспоминали минувшую неделю, а будущее выглядело ещё более туманно, и каждый думал о своём. Седой всё больше проникался идеями ордена, Елена также в кои-то веки ощутила себя дома и нужной. Конечно же, в работая клинике она чувствовала нечто похожее, но это было в сравнении с прошлой жизнью, теперь же она чувствовала, что находится там, где и должна быть на все сто процентов. Дружба, привязанности, благодарность — всё отходило на второй план, ведь теперь в жизни девушки появилась цель, значение которой невозможно было недооценить.

Светлана, несмотря на оказываемое давление и очевидную отчуждённость друзей, вынашивала план о том, как использовать в дальнейшем полученные навыки и знания в собственных целях, она во что бы то ни стало решила опередить орденцев, и с помощью друзей или без них освободить сестру, избавившись от Варвары.

Сова же в моменты мимолётных встреч замечала, как отдаляются Елена и даже ставший ей когда-то почти мужем — Седой. Это причиняло боль. Сама же молодая женщина, изо всех сил противостояла убеждениям и внушениям, терзаясь тем, что не успела предупредить друзей о коварном плане «святош».

Хвалёный Пелагатти к великому удивлению друзей оказался не древним стариком в мантии, а подтянутым и довольно привлекательным с женской точки зрения брюнетом лет тридцати пяти в явно дорогом деловом костюме. Прибыл кардинал в сопровождении трёх мужчин, оказавшихся его учениками. Папу Римского друзья больше не видели, а вот «не внушаемый», словно нянька, постоянно крутился где-то рядом. Так, и этим утром он проконтролировал явку новых «братьев» и «сестёр» на встречу с новым наставником.

— Это те четверо, о которых вас известил Его Святейшество, — сообщил он. — У меня имеются срочные дела, и посему… оставляю их на ваше попечение. Но напомню: чем скорее вы закончите, тем лучше. Они скоро будут нужны.

— Сроки? — коротко уточнил новый наставник.

— Нет чётких сроков. Финальные события должны произойти спустя год после обретения мощи, в нашем случае после перевоплощения, имевшего место в канун Нового года. Сейчас июнь. У нас полгода на то, чтобы предотвратить исполнение пророчества. Дополнительные инструкции вам даны?

— Да. Что ж… хорошо, что я взял учеников. В лучшем случае, управимся за месяц. Это будет сырой материал. Для полного цикла нужны годы. Не мне вам это рассказывать.

— Месяц, это большее, что мы можем себе позволить, — отозвался «не внушаемый». — Если всё закончится благополучно, вы займётесь ими дальше, если же нет… думаю, всё это уже не будет иметь значения, — тихо добавил он и, взглянув на новоиспечённых орденцев, вздохнул и вышел из помещения.

Пелагатти прошёлся вдоль группы людей, внимательно оглядывая каждого. Остановился напротив Светланы, губы мужчины скривила досадливая гримаска.

— Она моя, — сухо произнёс он, жестом указывая девушке следовать за ним. — Разберитесь с остальными, — распорядился он, обращаясь к своим ученикам, и его голос не предвещал ничего хорошего.

Глава 9 И против лома есть приемы

Минул уже месяц с того дня, как взбудораженная Света ворвалась в кабинет Семёна и сообщила о том, что они с Седым и Еленой срочно уходят в групповой отпуск. Зная об их изысканиях, мужчина не очень удивился, видимо, напали на след, ведь с ними была Сова, обладавшая завидными талантами в поиске кого-либо или чего-либо. Однако влетевшая в клинику как ураган девушка была слишком возбуждена, чтобы уведомить товарища о своих планах. Благо проблем с кадрами не ощущалось, да и поиск Марии изначально стоял в условиях на первом месте. Семён согласился. По прошествии пары недель он созвонился с подругой, которая, как выяснилось, колесила тем временем по всей России. Её рассказ был настолько сбивчив и запутан, что вынести из него какую бы то ни было связную информацию не удалось, кроме одного: живы и здоровы его сотрудники. Ещё спустя полторы недели, придя как-то на работу, он как обычно сел пить кофе с Сергеем, планируя обсудить текущие дела, и тот неожиданно спросил:

— Наши совсем загуляли? Вчера микроавтобус наш видел возле Светкиного дома, вернулись и нос не кажут. А если из этих кто бунтанёт, что делать будем? Клиенты на много месяцев вперед записаны же.

Эта проблема сформировалась едва ли не с первых дней появления в клинике новых сотрудников. Их было семеро. И, казалось бы, на что жаловаться? Из дурки вытащили, работой и жильем обеспечили, пусть не отдельным, купленная квартира превратилась в нечто среднее между общагой и коммуналкой, но, как говорится: «Москва не сразу строилась». Среди вновь прибывших с первых дней выделился лидер и начал тянуть одеяло на свою сторону, ему во всём виделся тайный смысл, все, по его мнению, наживались на нём и коллегах. А с момента отъезда Светланы с друзьями положение только усугубилось.

Однако Семёна больше заинтересовал не вопрос о сложившемся шатком положении в клинике, это не новость, а вот сообщение о появлении Светланы… Почему она не позвонила? Наскоро обговорив всё самое важное, Семён уединился в своём кабинете и набрал номер подруги: «Абонент выключен или находится вне зоны доступа сети…» — сообщил равнодушный механический голос. «Может, устав от машины, в метро решила прокатиться?» — подумал Семён и набрал номер Елены. Результат тот же. «Седой» также оказался вне зоны. Домашний телефон тоже не отвечал. Это казалось как минимум

подозрительным. В течение дня он многократно повторял попытки дозвониться хоть до кого-нибудь из троицы, но безуспешно. Вечером он нашел предлог слинять с работы пораньше и помчался к Светиному дому, но, встав в пробке на одном из перекрёстков, случайно заметил припаркованный неподалёку микроавтобус их клиники. Не без труда перестроившись в плотном потоке, он приткнулся в узенькую для его «Патриота» дырку между двумя легковушками и, кое-как выбравшись из машины, осмотрелся. Кафе-бар, бизнес-центр, подъезд жилого дома, вход в какое-то издательство, гипермаркет. Света могла быть где угодно. Сто пятые попытки дозвониться опять ничего не дали. Покрутившись какое-то время возле микроавтобуса, Семён решил идти напролом. Но первоначально перестраховался и запихал под дворники микроавтобуса короткую записку.

В кафе-баре было жутко накурено, бармен на все вопросы лишь пожимал плечами, окидывая взглядом просторный зал, словно говоря: сколько их тут, попробуй, упомни. Вопросы, обращенные к официантам, также остались без конкретных ответов. Да, блондинки бывают у них регулярно, но какая конкретно нужна ему? Семён пожалел, что не имел при себе Светиной фотографии, расспрашивать о Елене смысла не было, девушка обладала той феноменальной внешностью, которая абсолютно не привлекает внимания и не запоминается. Не солоно хлебавши, Семён вышел на улицу. Первым делом его взгляд упал на микроавтобус: стоит там же, и записка на месте. Значит, Света ещё не выходила. Следующий заход он решил сделать в бизнес-центр. На входе сидел дежурный охранник, который, как и бармен, лишь пожал плечами.

— Хоть бы вы и фото показали, я всё равно не узнал бы, — отмахнулся молодой человек в фирменной форме с логотипом бизнес центра. — Сюда приходят по заранее выписанным электронным пропускам и изредка оформляют разовые. Но сегодня таких не было, — парень явно скучал и не прочь был поболтать. — Камеры здесь есть, и на улице, если хотите, можно просмотреть на перемотке. Мне спешить некуда.

Семён зацепился было за идею, но решил сначала проверить хотя бы издательство, рассчитывать на память кассиров в супермаркете не стоило. Поблагодарив явно опечаленного отказом охранника, он сказал, что, возможно, позднее вернётся и воспользуется его предложением, после чего поспешил в издательство. Но и тут его ожидало фиаско:

— Не было у нас сегодня никаких блондинок, — отрезала сидевшая на входе секретарь.

Семён уже развернулся уходить, и тут его взгляд упал на картину за окном, где явно просматривался участок стоянки с припаркованным микроавтобусом.

— А может, вы обратили внимание, кто приезжал к вам на этом, — он указал на транспортное средство.

— Не припомню, чтобы кто-то к нам приходил, — отмахнулась женщина. — Но этот автобус со вчерашнего дня здесь стоит. Точно помню — утром вчера появился. Я как раз цветы поливала. Только там не только блондинка, там человека четыре вышло.

Семён поблагодарил женщину и кинулся обратно в бизнес центр. Заскучавший было охранник радостно вскинулся при виде недавнего посетителя.

— А за вчерашний день видео с камер на улице посмотреть можно? — без особой надежды поинтересовался Семён.

— Можно, почему бы нет? — живо отреагировал парень и, пригласив посетителя внутрь, начал что-то шаманить над клавиатурой компа. — С какого времени примерно? — уточнил он.

— Не знаю, — растерялся Семён, огорчённый тем, что не спросил у секретаря издательства, когда та обычно поливает цветы. — А с которого часа издательство работает, не знаешь?

— Как же не знать? Я ж тут третий год штаны просиживаю. В девять у них приём начинается, а сотрудники примерно к половине подтягиваются.

В итоге порешили просматривать улицу с половины девятого, благо на перемотке не составило труда определить тот момент, когда на парковке появился довольно приметный по габаритам микроавтобус. Как и говорила женщина, вышли из него четверо: Светлана, Сова, Елена и «Седой». И с этого момента началось странное — они направились в издательство! Но женщина явно не врала, когда говорила, что их не было, хотя момент появления их машины помнила чётко. А значит — что? Правильно, Света или кто-то из её ребят стерли воспоминания об их визите, и узнать что-либо теперь не удастся. Оставались вопросы: когда и куда они ушли и почему бросили здесь машину? Семён так нервничал, что у него начал подёргиваться глаз. По прошествии немногим больше чем двух часов, судя по времени на ролике, возле издательства, даже не удосужившись припарковаться, остановился ещё один микроавтобус, в этот раз наглухо тонированный. Из него вышел высокий мужчина средних лет, одетый в странные, напоминающие наряды ролевиков одеяния, что-то среднее между мантией и… Семён растерялся, не сумев даже охарактеризовать увиденное, слишком далек он был от

подобных вещей. Хотя что странного? Издательство, возможно, было связано с какими-нибудь обществами постановщиков старины. О них Семён знал не понаслышке. Работал у них в больнице когда-то парень, помешанный на этом деле. Он мог всю зарплату, а то и больше — заняв в долг до следующей или аванса — просадить на покупку меча или щита, а потом мыкаться, добираясь на работу пешком и питаясь теми крохами, что перепадали от жалостливых коллег. Но Семёна интересовало не это, он боялся пропустить момент, когда его сотрудники покинут издательство. И, как оказалось, он зря не стал особо присматриваться к тому мужику. Не прошло и пяти минут, как он вновь появился на улице в сопровождении искомой четвёрки друзей. Было видно, что в микроавтобусе был кто-то ещё, и этот кто-то, не глуша мотор, всё это время сидел за рулем. Видимо, машина была праворульная, но марку рассмотреть не удавалось. Света с друзьями как-то странно переглядывались, но при этом безропотно забрались в салон тонированного микроавтобуса, и он тут же скрылся из вида.

— Назад можешь промотать чуток и приблизить? — увлечённый просмотром Семён даже не заметил, что перешел на «ты», но парень это воспринял как должное.

— Обидно, — хмыкнул тот. — Вроде бы и рядом, а номера хронически в мертвой зоне.

Действительно, номер микроавтобуса стал виден только перед поворотом на перекрёстке, но с такого расстояния, с учётом искажения, рассмотреть его не удалось. Скомкано поблагодарив охранника, Семён задумчиво побрёл к своей машине. Вот и что делать? — ломал он голову. Слишком странным было то, что ребята уехали куда-то с этим чудным мужиком. Будь на их месте кто-то другой, поверить можно, но они? Хотя, возможно, он что-то знал или заманил их, пообещав какие-то сведения. В любом случае Семён был уверен — с ребятами что-то случилось. Иначе они уже дали бы о себе знать: или на работу явились бы, или хотя бы позвонили, но машину бы отсюда забрали — это однозначно.

Уже забравшись обратно в салон «патриота», он вдруг уставился на торчащую из магнитолы флешку. Шансы на то, что парнишка-охранник имеет необходимые пользовательские права и навыки, позволяющие скинуть фрагмент видео на внешний носитель, были не велики, но в штате бизнес-центра обязаны числиться программисты, которые, пусть и не безвозмездно, но смогут помочь!

Семён вылетел из машины как ужаленный, дверь противно скрежетнула по корпусу слишком близко запаркованной рядом легковушки. Тут же раздался вой сигнализации, которому вторил

вопль как назло приближавшегося владельца авто.

Не желая тратить время, Семён окинул критическим взглядом слегка поцарапанную дверцу ржавого корыта, гордо именуемого машиной. Достал бумажник и без лишних слов сунул кипящему праведным гневом крикуну пару пятитысячных купюр. Довод оказался веским, и пострадавшая сторона, боясь, что щедрый владелец отечественного джипа передумает, ретировалась, едва не подставив ржавую морду своего ведра под старавшийся успеть проскочить перекрёсток внедорожник.

Но Семён, давно потеряв интерес к происходящему за его спиной, спешил обратно в бизнес-центр. Как он и предполагал, прав доступа у охранника хватало лишь на просмотр, для прочих манипуляций пришлось связаться с местным сисадмином, в карман которых, после недолгих препирательств перекочевала без малого ещё одна красная бумажка. И спустя пятнадцать минут Семён стал счастливым обладателем чуть более чем двухчасового видеоролика с камер наблюдения. Вот только, что делать дальше, он не знал. Никогда ранее ему не приходилось искать людей. И тут вспомнилось, что делала Света. Полиция. «А почему бы и нет? — подумал Семён. — Представлюсь её мужчиной, ну, и по совместительству начальником, посетую на то, что уехала в отпуск и пропала, чем не повод?» Вот только он понимал, что без Светиных талантов заявление у него примут, а вот будут ли что-то делать дальше — вопрос.

Первым делом возникла дилемма: в какой участок ехать? По месту его жительства, Светиного — фактического, где она официально зарегистрирована не была, или же по месту их работы? О варианте подачи заявления в районное отделение, к которому прикреплено Патошино, он и думать не собирался. Те уж точно никого искать не будут. Но тут же Семёна озарило ещё кое-что, и это решило первоначальный вопрос: Света пропала при попытке разыскать сестру, об исчезновении которой органы уже извещены и, наверное, логичнее обратиться туда же.

Спустя немногим более получаса толкания в жутких вечерних пробках Семён оказался на месте. Не сказать, что его визиту были рады. Сотрудники, которые вели дело об исчезновении Светиной сестры, в этот час ещё находились на рабочих местах, но они явно были «на низком старте», мысленно пребывая за пределами отделения. Как выяснилось в связи с некими открывшимися обстоятельствами (распространяться о которых полицейские не собирались), с согласия самой же Светланы дело было закрыто примерно в то же время, когда девушка с друзьями внезапно ушли в отпуск. Сестру разыскиваемой в участке хорошо помнили, тут, как ни странно, она не озаботилась стиранием памяти, и это

несколько облегчило Семёну задачу. Правда, поинтересовались, появилась ли Мария, на что мужчина утвердительно не смог ответить.

— Трубку домашнего телефона она, во всяком случае, не берёт, — пожал он плечами в ответ.

Пришлось подробно рассказать о внезапном желании Светы и помогавших ей в поисках сестры друзей отправиться в отпуск, о звонке откуда-то с другого конца страны. О случайно найденной возле издательства машине, на которой те уезжали. О полученном видеоролике с камер слежения бизнес-центра. Как ни странно, но полицейские заинтересовались происходящим. Возможно, потому, что немалое количество работы было выполнено за них? Однако Семёна не интересовало, какие мотивы сподвигли полицейских взяться за это дело. Он не на шутку волновался.

Тем же вечером дело было заведено, показания Семёна запротоколированы, ролик приобщен к делу, и ему велели ждать. Вот только бездействовать было сложно. Вернувшись домой около десяти вечера, Семён не мог найти себе место, как обезумевший от страха бездомный пёс внезапно попавший в клетку, он хаотично нарезал круги по квартире. В памяти то и дело всплывали фрагменты воспоминаний: вот здесь она сидела, поджав ноги и обнимая двумя руками кружку с парящим кофе, а на этом диване отсыпалась после лечения своего первого пациента — мальчугана из тогда ещё «его» больницы. Вспомнилось, как она, словно котенок, потягивалась, просыпаясь, как неожиданно вписалась в интерьер его холостяцкой квартиры, но, погрязнув в делах, так и не стала частью его жизни. Куда бы ни упал взгляд, всё напоминало о ней. Девушка, словно привидение, одновременно отсутствовала и в то же время была везде. Уснуть удалось только после повторного приема снотворного, далеко за полночь.

На следующее утро в клинике начались проблемы, которых давно опасался Сергей. Главарь эскулапов от бога или дьявола, тут уж кто как смотрит, объявил забастовку, выдвинув малореальные требования. Двое же вообще пришли с заранее написанными заявлениями об уходе. Руководители чем только не заманивали недавних обитателей психиатрической клиники, пытаясь уговорить остаться, но те стояли на своём:

— Мы в дурке в четырех стенах насиделись сполна, — упирался один. — И тут, кроме изматывающей работы и комнатушки, ничего не видим.

— Давайте купим ещё квартиру, — предлагал Семён, хотя и знал, что это существенно ударит по бюджету, но без сотрудников

и бюджета не будет. — Вам просторнее будет, а со временем…

— Наелись мы обещаниями про то, что когда-нибудь, кто-нибудь, что-нибудь… — вступил в перепалку второй увольняющийся. — Хватит. И под дудку Артура (так звали главаря) я плясать не собираюсь и на вас спину гнуть тоже. Вытащили нас оттуда, спасибо. Но я считаю, долг мы сполна отработали.

Никакие доводы не помогли удержать сотрудников, даже несвоевременное, но вынужденное безвыходностью ситуации, предложение Сергея отправиться им в отпуск не возымело действия. Что тому было причиной, понять так и не удалось. Возможно, всё было куда прозаичнее, и они решили работать сами, или их кто-то переманил? Только от гаданий на кофейной гуще толку не было, осталось в клинике пятеро сотрудников, большая часть из которых, находясь под влиянием своего «духовного» лидера — бастовала. И только двое — работали.

С учётом сложившейся ситуации, Сергей и Семён посовещались и вызвали к себе этих двоих.

— Катерина, Пётр, — поприветствовал вошедших Семён, являвшийся их непосредственным руководителем. — Как видите, ситуация с каждым днём усугубляется… — те понимающе покивали в ответ, — и у нас огромная просьба. Скажу прямо, без вашей помощи нам не справиться.

— Сначала раскройте тайну: что случилось с якобы ушедшими в отпуск? — не стала юлить Катерина — невысокая, пухленькая женщина лет сорока пяти.

— В смысле? — растерялся не ожидавший такой прозорливости Семён.

— В прямом, — поддержал коллегу Пётр. — Они как-то внезапно исчезли, и с той поры словно сквозь землю провалились. Не появляются, не звонят, и на звонки входящие также не отвечают или же находятся вне зоны.

Семён тяжело вздохнул и, переглянувшись с Сергеем, избегая подробностей, начал рассказ о странном исчезновении группы.

— Может, конкуренты? — дослушав, предположил Пётр.

— Не думаю, — покачал головой Сергей. — В таком случае, проще вас перекупить или припугнуть, ну, или что-то с клиникой сделать. Я думаю, это связано со Светиными поисками… — ляпнул он и, поймав укоризненный взгляд друга, осёкся.

— Какими? — ухватилась за недомолвку Катерина. — Неужели причиной могли быть визиты в психушки в поисках таких, как мы?

— Нет, — отмахнулся хмурый Семён. — Но именно об этом мы сейчас и хотели поговорить, — надеясь, что сумеет отвлечь их,

проговорил он и, не давая опомниться, взял быка за рога: — Вы помните, каким образом Светлана проводила собеседование в психбольнице? Хорошо. Смогли бы повторить то же самое?

— Думаете, Артур долго артачиться будет? — приподнял бровь Пётр.

— Не думаю, а вижу. Вы были заняты и поэтому не в курсе, но наш коллектив сегодня сократился на двух человек, а остальные… — Сергей по очереди окинул взглядом двух подчинённых, — остальные, увы, бастуют, и их требования невыполнимы. А у нас только плановые пациенты расписаны на много месяцев вперед, и это без учёта экстренных случаев.

— Понятно, нужно искать новых сотрудников, — кратко сформулировала туманную просьбу руководства Катерина. — Лично я попытаюсь в этом посильно помочь, но вы так и не ответили: что там со Светланой, Еленой и Константином (как звали «седого»), — вернулась она к замятой теме.

— Мы не знаем, — сдался Семён. — Но есть основание предположить, что они похищены…

— Похищены? — от души расхохотался Пётр. — Они? Да эта троица кого угодно в бараний рог свернёт, — немного отдышавшись, выпалил он и опять зашёлся в каком-то полубезумном смехе, в то время как Катерина явно не разделяла его веселья.

«Воистину пребывание в психушке оставляет свой отпечаток», — с горечью подумал Семён и смутился, осознав, что сотрудник, возможно, способен читать мысли, но лицо последнего по-прежнему оставалось удивлённым, он явно ожидал продолжения, и Семён не заставил его долго ждать, вывалив вкратце всё, что знал.

Какое-то время в кабинете висела тишина. Потом Катерина засыпала руководителей уточняющими вопросами. Пётр, судя по реакции, до сих пор не верил в реальность происходящего, пребывая в уверенности, что всё это розыгрыш.

— Ну что же… — вздохнула Катерина, — будем как-то выкручиваться. Петь, — она взглянула на мужчину, — поотдуваешься, пока я коллег разыскивать буду? Вот и молодец, вот и хорошо. Я в тебе не сомневалась. Готовьте пропуска в клиники, — взглянув на руководителей, распорядилась она. — И ещё… Семён Витальевич, дайте-ка мне адресок того издательства и… пожалуй, номер отделения и имена тех, кто занимается делом Светланы.

— Я же говорю: они ничего не вспомнят, — воззрился на неё Семён.

— Для вас — да. У меня свои методы, — уверенно

произнесла женщина.

Крыть было нечем: в этой клоаке феноменальных способностей чего только не сыщешь, подумать только, ещё недавно Семён во всё это не верил, а теперь воспринимает как должное.

Следующая неделя вымотала всех участников закрытого совещания едва ли не до изнеможения. Возглавляемые Артуром бунтовщики в клинике не появлялись, явно подрабатывая где-то на стороне. Они по-прежнему числились в штате клиники и даже не помышляли освобождать предоставленную им на время жилплощадь. Речи о том, что она перейдёт в их собственность, не было, то есть подобное обсуждалось за закрытыми дверями начальства, но с расчётом на дальние перспективы, о коих ныне речи уже не шло.

Теперь Пётр работал едва ли не один, Катерина большую часть времени проводила в разъездах. И было видно, как тяжело давались женщине визиты в психиатрические клиники. С одной стороны, она искренне хотела освободить всех, кто не нуждался в изоляции от общества, но с другой, прекрасно понимала, какую ответственность свалили на её плечи. Не дай бог ошибиться, и кто знает, что натворит освобождённый? Да и таких, как Артур, которого она с удовольствием спровадила бы обратно, вытаскивать совсем не хотелось. К тому же Семён чётко дал понять: бюджет не резиновый, а новым сотрудникам надо будет где-то жить. Подселять новичков к Артуру, по меньшей мере — глупо. А значит, права на ошибку у неё — нет.

На вторичном рынке была экстренно приобретена просторная «сталинка»: трёхкомнатная квартира с высоченными потолками, двумя огромными комнатами по тридцать с лишним метров и одной «маленькой» — двадцатиметровой. Бригада ремонтников в кратчайшие сроки навела в бывшей «коммуналке» порядок, сделав небольшую перепланировку: большие комнаты были разделены пополам. В итоге появилась возможность вполне комфортно разместить пятерых человек. Всем этим, а также закупкой необходимой мебели пришлось заниматься Сергею, в то время как Семён налаживал контакты с психиатрическими лечебницами из соседних регионов и сопровождал в поездках Катерину.

К выходным в новой квартире появились четверо новоиспечённых сотрудников клиники. Людям нелегко давалось осознание произошедшего с ними чуда, требовалось время на то, чтобы освоиться на новом месте и привыкнуть к мысли, что они отныне не изгои. Вот только валящиеся с ног Пётр и Катерина уже не в состоянии были удерживать на себе весь клиентопоток.

И так очередь пришлось сдвигать, чем пациенты, платившие немалые деньги, были явно недовольны. Решив ускорить адаптацию, Семён предложил Катерине перебраться в последнюю свободную комнату в новой квартире, чем женщина с радостью и воспользовалась. Терпеть вынужденное соседство с обнаглевшим в последнее время Артуром ей было неприятно.

Все крутились как заводные волчки, а горы дел никак не убывали. Новенькие выступали в роли практикантов, постепенно начиная самостоятельно диагностировать и лечить пациентов, и едва стоящие на ногах от усталости Пётр и Катерина в ближайшей перспективе могли получить заслуженные выходные. А вот Семёну предстояло каким-то образом выдворить злостных нарушителей трудовой дисциплины, оккупировавших квартиру, где до сих пор ютился Пётр, найти еще хотя бы троих одарённых, разыскать Светлану с друзьями и… от нескончаемых планов у Семёна голова шла кругом. Из раздумий мужчину вывел настойчивый стук в дверь кабинета. Не успел он поднять взгляд, как она распахнулась, и на пороге, решительно сверкая чёрными очами, появилась Катерина:

— Мне понадобится помощь, — взглянув на начальника, без предисловий заявила она, и отказов, судя по взгляду, принимать не собиралась. — Есть диктофон? Или ещё что-нибудь способное довольно долго записывать звук?

— Эм… — растерялся Семён. — У меня ещё с академии остался диктофон, только не знаю, работает ли ещё?

— Проверьте, сгодится всё, чем можно произвести запись и прослушать её, — кивнула Катерина. — Если нету, придётся разориться на покупку.

— Ну, если нужно, — усмехнулся он. На фоне последних трат покупка даже самого навороченного диктофона казалась несущественной мелочью.

Семён не понимал, зачем его сотруднице понадобился данный девайс, но и спорить не хотел, мало ли что у женщины на уме. Однако вечером он перерыл весь дом и нашёл искомое. После замены батареек выяснилось, что старинная панасониковская электроника вполне исправно функционирует. Наутро Катерина вновь постучалась в его кабинет. На этот раз не столь дерзко.

— Семён Витальевич, нашли записывающее устройство? — опять забыв поприветствовать руководителя, поинтересовалась она и, увидев выложенный на стол довольно крупногабаритный аппарат, удовлетворённо кивнула и присела на один из стульев возле Т-образного стола: — Я могу выудить из сознания человека буквально всё, вне зависимости от того, помнит ли об этом он

сам, или же его кто-то заставил забыть. Но! Есть одно очень большое — но. Сама я всё слышу и даже вижу, но, к сожалению, я вижу и всю жизнь человека, в то время как подвергаю его своему воздействию. Это в какой-то мере полезно, хотя порой и мерзко, однако мне требуется немало времени, чтобы отделить впоследствии информацию, не относящуюся к делу. Я помогала так когда-то своему мужу… он был криминальной личностью, — неожиданно откровенно озвучила Катерина ранее неизвестную деталь своего прошлого. — Но его уже нет, и он не опасен, — тут же исправилась женщина. — Заметив эту особенность, мы ещё тогда… в прошлой жизни, — она вздохнула, — приспособились записывать рассказы допрашиваемых, в записи вы получите полную информацию о том, что было известно находящемуся под гипнозом, ну, и не надо будет ждать, пока я разберусь с кашей в своей голове. Порой это занимает недели, — Катерина смущённо отвела взгляд.

— То есть, от меня требуется присутствие и запись разговора? — уточнил давно переставший чему-либо удивляться Семён.

— Да. Я уже была и в издательстве, и в полиции, я чувствую — там что-то было, но прошла неделя, а мне никак не разобраться в собственных мыслях. Видимо, отсутствие практики сказывается. Думаю, вы не меньше меня хотите найти Светлану или хотя бы узнать — что с ней? Понимаете… эта девочка мне как дочь, и к тому же я не могу забыть, что именно она вытащила меня оттуда, — женщина неопределённо кивнула, имея в виду психушку. — Вы, конечно, тоже… но…

Семён всё понимал и, конечно же, согласился. Наскоро уладив все срочные дела в клинике, он отвёз свою сотрудницу в издательство. Войдя в холл, Катерина тут же взглянула на секретаршу, с интересом рассматривавшую вошедших.

— Всё хорошо, — даже не подходя к женщине, тихим и каким-то чужим, не своим голосом произнесла Катерина. — Нет повода для беспокойства. Вы сейчас вывесите объявление о том, что в редакции санитарный день, отключите телефоны и будете ждать дальнейших распоряжений, — добавила она, и, не обращая внимания на заметавшуюся по холлу секретаршу, окинула взглядом выходящие из помещения двери и уверенно прошла в один из кабинетов.

Ей не требуется даже прикосновение, в отличие от того, как работает группа Светланы, — отметил про себя Семён и, войдя следом за Катериной в кабинет — замер. Здесь находились десятка полтора, не меньше, рассевшихся по креслам и стульям сотрудников издательства, чьи взгляды тут же обратились к

вошедшим. Катерина тем же странным голосом приказала всем оставаться на местах и ждать. Уточнила, есть ли ещё кто-то из сотрудников в издательстве, и, узнав, что в эти «кто-то» входят только секретарша и, скорее всего, уже ушедшая домой уборщица, удовлетворённо кивнула и вышла обратно в холл. Одного взгляда на секретаршу хватило Семёну, чтобы испугаться. Ведь он постоянно контактирует с этими жутко одарёнными людьми, и что будет, если навлечь на себя их недовольство? Благо компания Артура странным образом буквально вчера вечером сама ретировалась, да и не обладали они столь явно выраженными талантами, иначе не преминули бы ими воспользоваться. Женщина сидела за столом с неестественно прямой спиной и бессмысленным, устремлённым в никуда взглядом, руки как у послушной девочки протянулись под стол, Семён готов был поспорить, что её ладошки лежат на коленях. На вошедших она не обратила внимания.

— Что-то мне подсказывает… — задумчиво произнесла Катерина, словно они с Семёном были наедине, — что остальные бесполезны. Включайте запись. Расскажи… — уперев взгляд куда-то между глаз секретарши, тем же чуждым голосом заговорила Катерина, — что ты видела и слышала с того момента, как заметила за окном во-о-он тот микроавтобус, — её взгляд переметнулся за окно.

Женщина тут же встрепенулась, хотя её взгляд по-прежнему остался туманен, и заговорила:

— Я поливала цветы и увидела, как паркуется микроавтобус, — её голос звучал тускло, бесчувственно. — Оттуда вышли четверо. Седой мужчина и трое женщин, одна черноволосая с хищным выражением лица, одна какая-то невзрачная с лицом монахини, а вот третья, блондинка, ещё тогда взглянула на меня, и я почему-то испугалась. Я поняла, что сейчас они придут сюда. В этом не было ничего странного вроде бы, но мне было страшно. И они пришли. Мужчина открыл двери и впустил блондинку, я даже не заметила, как она очутилась рядом и, взяв меня за руку, произнесла: «Ты сядешь и ничего не будешь делать, всем, кто придёт, отвечай, что до обеда приёма нет. После нашего ухода ты забудешь обо всём, что связано с нашим визитом, и будешь жить дальше как обычно. А сейчас предупреди руководство о том, что к ним посетители», — эти слова женщина произнесла с интонациями, имитируя голос Светланы. — Я прошла на своё место и села. Лейка в руке мешала нажимать кнопки на селекторе, но я продолжала её держать, — говорила она опять как-то безжизненно, заунывно. — Как только главный редактор ответил по громкой связи, они, не дожидаясь,

пока я сообщу о визите, уже вошли в его кабинет. Тут же с той стороны связи я услышала: «Сядьте здесь и не мешайте», — эти слова женщина произнесла явно голосом Елены. — «Седой, ты за дело, а мы пока разберёмся с остальными», — по интонациям легко угадывалось, что последняя фраза принадлежала Светлане…

В течение двух часов женщина описывала всё, что слышала и видела тем утром, благо Света дала команду предупредить босса о визите, но забыла уточнить, чтобы после этого положили трубку. В результате секретарша стала невольной свидетельницей всего происходившего. Повествовала женщина очень качественно, имитируя голоса, позволяя слушателю с легкостью определить, кому принадлежит та или иная фраза. Как выяснилось, друзья вторглись в издательство с целью разыскать файл с некогда скандальными рукописями Светиной сестры. Однако успели ли они получить искомое, так и осталось загадкой, так как с появлением странно одетого мужчины, которого Семён заприметил еще на видео с камер наблюдения бизнес-центра, началось самое интересное.

Во-первых, мужчина оказался не простым постановщиком старины, как предположил изначально Семён. Этот человек, так же как и Светлана с друзьями, был одарён какими-то… с учётом изменения взглядов на то, что реально, а что нет, стало сложно сформулировать, к чему же отнести эти таланты, но ранее Семён однозначно назвал бы их мистическими. От мысли, что помимо того скопища «людей с нестандартными способностями», что сформировалось вокруг него в последние месяцы, существуют и иные, становилось не по себе. То, что они вообще существуют, было очевидно и естественно, но их интерес к Светлане? А судя по услышанному из уст секретаря издательства, мужчина оказался здесь не случайно. Он пришёл целенаправленно. И его «дар» оказался многократно сильнее, нежели у всей Светиной группы. Но этому Семён не удивлялся, рядом с ним стояла Катерина, также более одарённая, нежели те, кого они сейчас разыскивают. Вот только совокупность факторов пугала: одарённый, обладающий гипнозом и, судя по всему, его же воздействию не подверженный, специально пришёл именно сюда за Светой и её друзьями! На территории издательства мужчина был немногословен, все фразы были чётко выверены, лаконичны и для стороннего уха абсолютно не информативны. Единственное, что смог вынести из услышанного Семён, это требование проследовать за ним. Куда? Зачем? Почему? Ответов не было. Судя по тому, как его слова цитировала секретарь, мужчина неплохо владел русским языком, но не являлся его

носителем, слишком напевно звучал голос.

Тем временем, секретарша упомянула, что вскользь взглянула в окно и заметила садящихся в тонированный микроавтобус людей… Катерина, напряженно всматриваясь в лицо женщины, произнесла:

— Вспомни ещё раз: ты смотришь в окно и видишь тонированный микроавтобус. Какие у него номера, что-то есть отличительное, какая модель машины?

Та послушно называет буквы и цифры — номер оказывается иностранным. Час от часу не легче, — мысленно вздыхает Семён. С названием модели женщина теряется, тогда Катерина приказывает ей нарисовать значок-эмблему, которую та видит, и секретарь, послушно придвинув к себе бумагу и листок, рисует. Взгляд по-прежнему сфокусирован в никуда, но рука двигается твёрдо, уверенно нанося на бумагу штрих за штрихом. Картинка получилась на удивление чёткая, узнаваемая, со всеми тонами и полутонами. То ли женщина зарыла свой талант, работая секретарём, то ли Катерина его разбудила, но это было не важно. Главное, теперь имелись сведения о модели и номере машины, общий вид которой имелся на видео, а эти немаловажные детали ранее выяснить так и не удавалось.

Дальше женщина пустилась в повествование о рабочих буднях, и Катерина, прервав поток её красноречия, произнесла:

— Через пять минут после того, как за нами закроется дверь, ты войдешь в кабинет начальника и скажешь: «Очнитесь!», и приступишь к своим обязанностям, забыв обо всём произошедшем.

— Хорошо, — ответила женщина, её рука при этом шевельнула компьютерную мышку, убирая скринсейвер с ушедшего в режим ожидания монитора, а взгляд из «никуда» сфокусировался в нижнем правом углу экрана, где в трее виднелись часы.

— Забери, — взглянув на Семёна, Катерина указала на лежащий перед женщиной рисунок, её голос звучал неестественно хрипловато, скрипуче. — Отключай запись. Уходим.

Она явно была обессилена в результате столь длительного воздействия: вся её фигура как-то скукожилась, лицо осунулось, под глазами залегли тени, подрагивающие в коленях ноги, казалось, вот-вот подогнутся. Семён заботливо подхватил сотрудницу под руку, помогая добраться до машины. Доставив Катерину на новую квартиру, где та проживала вместе с находившимися в это время на работе новичками, он уложил её спать, а сам, пройдя на кухню и заварив себе кофе, включил

диктофон.

Хоть и стареньким был девайс, но функции свои выполнил качественно. Чётко различались все интонации. Семёна так и подмывало с полученными данными броситься в полицейский участок. Возможно, номер машины и марка чем-то смогут помочь. Вот только как аргументировать: откуда получена информация, чтобы её восприняли, как достоверную? Только это и заставляло его ждать. Без Катерины идти в отделение смысла не было, но сейчас тревожить измождённую женщину Семён не смел.

Глава 10 Из небытия в реальность и… обратно

Где-то запели петухи, Маша, не открывая глаза, сладко потянулась, ощущая во всём теле приятную негу. Ей явно что-то снилось, и, судя по настроению, приятное. Она попыталась восстановить в памяти сон — не удалось. Это казалось странным после того, как полжизни было проведено не столько наяву, сколько в воспоминаниях и грезах о минувших снах. Откидывая в сторону одеяло, её рука коснулась чьего-то тела, и в ответ раздалось недовольное сонное ворчание. Кто-то завозился, устраиваясь поудобнее, и при этом по-хозяйски заграбастал девушку в свои объятия. Осторожно открыв глаза, она осознала, что находится в доме Валентины, рядом, прижимаясь к ней обнажённым телом, как ни в чём не бывало посапывает Витька, а сквозь плотно задернутые шторы пробиваются яркие лучи солнца. Почему-то девушка чувствовала, что за окном тепло и совсем не зима.

— Я сплю! — поняла она и, отбросив излишнее смущение, вновь потянулась и выскользнула из объятий друга.

Хотя, может, всё и не так? Может, мы ещё и не уезжали отсюда? И Валентина совсем недавно предана земле? А полгода событий, в которых, кстати, практически до последнего момента не было Вити, это и есть сон? Не самый приятный, стоит заметить. А это явь? Хм… ну вполне приятная такая явь, — с улыбкой взглянув на продолжающего сладко спать друга, подумала девушка.

Валявшиеся неподалеку вещи явно были женскими, но она такое никогда бы не одела! Это настораживало. Нет, фигура позволяла ей многое, но понятие о стиле и нравственных нормах всегда довлели при выборе одежды. Однако сейчас выбора не было, не идти же на улицу голышом? Натянув футболку с глубоким, едва прикрывающим грудь вырезом, и облегающие шорты, больше напоминавшие стринги, она вышла из комнаты. В доме царил жуткий беспорядок. И в это время с улицы донеслись мелодичные звуки гитарного перебора, на смену им пришли переливы аппликатурных комбинаций, и приятный мужской голос тихо запел. Снедаемая любопытством, желающая увидеть воочию обладателя чарующего голоса, девушка осторожно, боясь отвлечь певца, приоткрыла ведущую во двор дверь и залюбовалась. Сидевший на лавке молодой человек словно сошёл с обложки журнала и явно мог смело пройти самый жёсткий

конкурс на главную роль в каком-нибудь романтическом фильме. Волнистые, темно-каштановые, отливающие в лучах солнца золотом длинные волосы собраны в низкий хвост и свободной волной ниспадают на плечи. Раньше Маше никогда не нравилось, когда мужчины отращивали лохмы, но сейчас она, словно околдованная, любовалась их обладателем. Высокий лоб, прямой чётко очерченный нос, подбородок волевой, с ямочкой, но не тяжёлый, обращённый куда-то вдаль мечтательный взгляд больших, светлых, с тёмной обводкой радужки глаз в обрамлении чёрных густых ресниц, широкие чёткие линии бровей. Всё в его образе гармонировало, поражало неестественной смесью правильности линий и черт, мужественностью и мягкостью одновременно.

Музыкант вдруг умолк, и взгляд его ясных глаз со странным выражением уставился на Марию. В них читалось… обожание? Что же это? — растерялась девушка, тело которой до сих пор помнило прикосновения Вити. А певец тем временем улыбнулся и, осторожно отложив в сторону инструмент, поднялся и сделал робкий шаг навстречу. О, бог мой… — едва не выдохнула она, ощутив, что её ноги предательски начали подгибаться при виде распахнувшейся рубашки на груди этого гиганта, а роста в нём было метра два — не меньше. Тело реагировало на незнакомца, словно она не рационально мыслящий человек, а кошка во время загула. Однако, даже ощутив, как краска прилила к лицу, Маша всё равно не нашла в себе сил, чтобы оторвать взгляд от идеального рельефа груди. Всё её существо сейчас тянулось навстречу, жаждало прижаться, ощутить его руки на своём теле…

— Надо проснуться, — зажмуривая глаза и встряхнув головой, тихо пробормотала она.

Но сон не уходил, наоборот, она ощутила жар дыхания подошедшего к ней мужчины.

— Проснулась, принцесса? — с нежностью произнёс он, а Маша от звука его голоса окончательно поплыла и, отбросив остатки слабо сопротивляющегося рассудка, потянулась к мужчине.

Его руки, губы… всё сводило с ума. Девушке было абсолютно всё равно, что они на улице, и их могут увидеть, что где-то в доме спит ничего не подозревающий Витя. В какой-то момент она ощутила, что земля уходит из-под ног… или она взлетает? И лишь спустя мгновение поняла, что певец легко, словно пушинку, приподнял её на руки и несёт в дом. Там же Витя! Но в этот миг его губы коснулись Машиной шеи, девушка задохнулась от нахлынувших чувств, вмиг забыв обо всём. Все происходящее она наблюдала словно со стороны. Её вносят в комнату, где она

проснулась в объятиях друга, и только сейчас краем сознания девушка отметила, что здесь не одна, как было раньше, а две плотно придвинутых кровати. Витя, очевидно, разбуженный их приходом, приоткрыл глаза. У Маши всё сжалось внутри в ожидании сцены ревности, но друг лишь улыбнулся и потянулся к ней навстречу. Четыре руки уверенно сняли немногочисленные одежды и принялись ласкать её безвольно отдающееся тело. Девушке казалось, что ещё мгновение, и она сойдёт с ума. Но сладкая пытка продолжалась и продолжалась.

Солнце уже клонилось к закату, когда изнеможённая от ласк девушка выбралась из объятий задремавших любовников и вышла на улицу. Таких снов в её жизни ещё никогда не было. А в том, что это сон, сомневаться не приходилось. Она и десятой доли того, что только что вытворяла, не позволила бы себе даже в мыслях, которые нет-нет, а возвращались к минувшему порыву неконтролируемой страсти. Так… стоп! — скомандовала себе Маша и попыталась сосредоточиться. Я сплю, — успокаивала себя она. И, прихватив из стоящей во дворе корзинки яблоко, побрела по склону к морю. Всё было точно так же, как она помнила с момента первого визита, омрачённого смертью хозяйки дома. Навстречу ей попалась какая-то женщина, и, сама не понимая, зачем это делает, Маша спросила у прохожей:

— Извините, вы не подскажете, какое сегодня число?

Та понимающе окинула девушку взглядом и ответила. Конечно же, год уточнить Маша не додумалась, иначе её явно шокировала бы полученная информация. Получалось что она либо… нет, в подобное поверить она не могла. Это сон. Однозначно сон. Пусть о прошлом и в извращённой интерпретации. Вот ещё чуть-чуть, и она проснётся… в Патошино. Ведь именно там, помнила Маша, в последний раз она ложилась спать в промёрзшем насквозь доме Клавдии. В памяти всплыли предшествующие поездке события: смерть бабушки и просьба увезти сестру, унылый Новый год в элитном клубе, случайно брошенный Светой вопрос с предположением о ссоре Марии и Вити, информация о том, что тот всю осень колесил по Патошино. Решение во что бы то ни стало увезти любимого из этого проклятого места. Помнится, доехала она затемно и решила, что ночью соваться к Варваре не стоит. Клавин дом выглядел заброшенно, внутри было холодно. Забытая возле печки вода в ведре замерзла. Печку вытопить дело не минутное, пока то, да сё, уже и спать до утра всего чуток осталось. А пойти к озеру Мария вознамерилась как можно раньше.

И надо же, в такой момент, такие сны! Кто бы мог подумать? Ну, то, что она якобы проснулась в объятиях Вити, ещё

объяснялось тоской по другу… или любимому, если быть честной. Но дальнейшее? Этот музыкант? Дыхание девушки сбилось от воспоминания о нём, о его голосе, теле…

— Чёрт! — не выдержав, выругалась она вслух. — Прямо кошка мартовская.

Ей было противно осознавать, что недавно произошедшее ей понравилось, и совершенно не было уверенности в том, что ей и впредь удастся устоять перед соблазном повторить это. Когда она неспешно, в раздумьях, добрела до берега, солнце уже ушло, и на небе повисли, отражаясь в морской воде, луна и по южному яркие звёзды. Пляж был пуст. Сняв шлёпки, она прошлёпала по мягкому, хранящему тепло солнечных лучей песку к водной кромке. Хотелось искупаться, смыть с себя остатки воспоминаний о чужих прикосновениях. Скинув шорты и футболку, Маша, в чём мать родила, вошла в тёплую воду. И уже войдя по шею, внезапно начала ощущать, что сознание покидает её. Первым был страх: утону! Но на смену пришло смирение и облегчение: наконец-то проснусь…

Резкий гудок электровоза привёл Машу в чувства. Девушка непонимающе уставилась на открывшуюся панораму: она явно сидит в какой-то незнакомой машине на пассажирском месте, неподалеку, под довольно мерзкий заунывный звон, перемигиваются красные огни семафора, а мимо, мерно постукивая, проплывают неисчислимые вагоны товарняка. Взгляд на водителя заставил девушку похолодеть. За рулём, задумчиво глядя вперёд и, слава богу, не обращая на неё внимания, сидит тот самый некогда сексапильный певец из её прошлого сна. Вот только выглядел он сейчас не в сравнение с прошлым: на осунувшемся лице многодневная щетина, взгляд усталый, невыразительный, волосы растрёпаны и явно давненько не видели расчёски. Былой гламур как рукой сняло.

Бррр… я всё ещё сплю, — подумала девушка. Она помнила, как странно кончился прошлый сон, раньше такого не было, чтобы снился отрывок один, потом другой. Всегда сны напоминали фрагмент жизни, последовательный и в какой-то степени завершённый. В прошлый раз она вышла из сна, осознавая, что начинает тонуть. Она всегда в воде ощущала себя как дома, и та ситуация напомнила тупые анекдоты на тему: утонуть в чайной ложке. И вот она здесь. На улице всё ещё лето, но природа незнакомая, — констатировала Маша. Не могла она отвыкнуть от того, что сны обязаны быть связными и хронологичными. Вот только не помнила ничего в промежутке. Ни того, как выплыла, ни того, как очутилась здесь, да и наслаивающихся обычно, словно наваждение, воспоминаний из

своей реальной жизни тоже не было. Может, это и есть реальная? Парни каким-то чудом меня выловили и, потерявшую сознание, увезли подальше от моря… — мелькнула испуганная мысль, но Маша её тут же отогнала: — Это невозможно. В реальной жизни перед последним сном зима была в разгаре.

Маша глянула в зеркало заднего вида, на пассажирском месте, свернувшись калачиком, дремал Витя. Значит, вся компания в сборе. Желудок в этот момент жалобно заурчал.

— Есть хочу, — озвучила она своё желание и получила в ответ ничего не понимающий взгляд «музыканта».

— Ты же сама нас вторые сутки гонишь без сна и остановок, — в его голосе слышалась затаённая обида, вот только Маше нечего было сказать в ответ.

Как же так? Получается, я сама виновата в том, что я здесь, и желудок кажется вот-вот начнет переваривать сам себя. Но почему я ничего не помню? Почему я настаивала на том, чтобы куда-то ехать? Что делать?

— Значит, передумала, — не придумав ничего поумнее, ляпнула девушка. — Так ехать куда-то тоже не дело. Можем и на тот свет успеть.

— А мы что говорили? — обиженно отозвался по-прежнему остававшийся безымянным «музыкант». — То есть останавливаемся в первом же отеле? — уточнил он.

Заткнулся осточертевший сигнал переезда, поднялся шлагбаум, и машина продолжила путь. Водитель молчал, Маша, не обращая на него внимания, всматривалась вперёд, ища признаки цивилизации, но прошёл час, ещё один — ничего.

— Что это за глушь? Куда вас несёт? — не выдержала Маша и, кажется, зря в этот раз открыла рот, потому что «музыкант», не говоря ни слова, вырулил на обочину, так же молча вышел, открыл багажник, достал оттуда рюкзак, гитару, и, не потрудившись захлопнуть за собой дверцу, пошагал куда-то в обратном направлении.

Маша, не понимая, что произошло и что делать, смотрела ему вслед. Вот он протянул руку, останавливая едущую в противоположном направлении фуру. Та притормозила, а когда отъехала, «музыканта» на проезжей части уже не было. Руки сами потянулись к поясной сумке, где в уголке лежала заначка — пачка сигарет и зажигалка. Пока она нервно дымила, едва ли не загибаясь от спазмов в желудке, проснулся Витя.

— А где Стас? — оглядываясь по сторонам, поинтересовался он.

— Кто? — не поняла пойманная врасплох Маша, но тут же сообразила, что так, скорее всего, звали «музыканта». — Уехал, —

просто ответила она.

— Достала, значит, ты всё-таки парня. И вот что тебе под хвост попало? На кой ляд было в эту Тмутаракань без остановок гнать?

Теперь Маша поняла, чем окончательно вывела из себя уехавшего. Это была её инициатива тащиться сюда, её требование ехать без остановок. Но зачем, почему? Им что-то угрожало? Или, точнее, ей? Может, Вите? И если так… то, что теперь? Друг, судя по всему, знает не больше её.

— Будем тут торчать или до мотеля? — поинтересовался друг.

— Поведёшь? — с надеждой взглянула на него девушка.

Знак, информирующий о приближении к заправке и отелю, появился лишь спустя ещё полчаса. Маша и не предполагала, что где-то ещё существует такая глушь. Собственно, таких забегаловок, ночлежек и заправок, как та, что обнаружилась здесь, вообще, по её мнению, не существовало! Заправка — да здравствует страна советов, со стрелочным циферблатом отмеряемого топлива. Кафешка — привет из семидесятых, даже продавщица была под стать. А то, где можно было переночевать, поражало запущенностью, аскетизмом, и так и просило взять в руки дихлофос. Однако сейчас измученным путникам было всё равно, главное здесь была еда, пусть и показавшаяся бы в другой ситуации несъедобной, кое-какой, пусть и холодный, что летом не сильно пугало — душ, и жёсткая как фанера кровать с серыми застиранными простынями, продавленной подушкой и замызганным покрывалом вместо одеяла.

Утро застало Машу врасплох. Девушка искреннее надеялась, что успеет проснуться, и этот нелепый кошмар кончится. Однако — нет, тело ломит от долгого возлежания на жесткой неудобной поверхности, мимо по-хозяйски шествует не в меру упитанный таракан. От одного его вида Машу сдуло с кровати. Взгляд упал на продолжающего по-прежнему спать Витю. Надо было будить друга, оставаться в этом клоповнике девушке совсем не хотелось.

Наскоро перекусив слегка зачерствевшими бутербродами с заветренными сыром и колбасой, и запив их слишком горячим, но слабым, словно неоднократно заваренным чаем, друзья сели в машину. При этом Витя уступил девушке возможность сесть за руль, так как понятия не имел, куда та собиралась ехать. Проблема была налицо — Маша точно так же не понимала, что здесь делает. Но чувствовала, что по каким-то причинам возвращаться не стоит. Надо ехать дальше. Так она и поступила. Спустя три часа она ощутила знакомое ощущение головокружения, мир подёрнулся пеленой. Последними мыслями

стали надежды на пробуждение и страх. Вдруг долгожданной реальности не будет? Вдруг это и есть самая настоящая явь? Тогда… тогда их телам угрожает опасность, ведь она за рулём… ответом послужили навалившиеся: тишина… темнота… небытие…

Очнулась Маша с жутко гудящей, словно с «хорошего» похмелья головой. Рядом слышались чьи-то взволнованные голоса, воняло горелым. В районе виска нестерпимо саднило и жгло. Недоброе предчувствие подсказало: это всё ещё тот сон, или…

Девушка осторожно приоткрыла глаза. Судя по всему, она лежала в траве на обочине. Неподалеку пристроились две словно вынырнувшие из прошлого машины: «буханка» с красным крестом на кузове, а ля «скорая помощь», и старенькая бочка-водовозка, больше напоминающая ассенизаторскую цистерну с потускневшей от времени раскраской, говорящей о принадлежности раритетного транспортного средства к пожарным службам.

Даже легкий поворот головы вызвал приступ головной боли, и рядом тут же оказалась довольно крупная женщина лет пятидесяти, судя по белому халату, врач… или фельдшер.

— Не крутись, докрутилась уже. Сама чуть не убилась, и парень вон выживет ли? — недобро зыркнув на Машу, процедила та.

— Что со мной? — проигнорировав обвинительный тон подошедшей, спросила Маша.

— Сотрясение, да ссадина. Легко отделалась. У парня пневмоторакс. Не жилец. До района далеко. У нас в медпункте помочь нечем. Он ещё жив, а ты уже убийца, — словно выплюнула тетка и пошла в сторону приближающегося старенького полицейского уазика.

Убийца? — застучали набатом в голове Марии слова женщины… Но мыслям не удавалось сосредоточиться на чём-то одном достаточно долго. Вспомнились последние моменты прошлого сна. Интервал реальной жизни опять в памяти не запечатлелся. А тогда, во сне, она была за рулём… начала терять сознание… и получается… а что получается? Превозмогая тянущую боль в виске и головокружение, девушка села. Неподалеку дымились останки того самого джипа за рулём которого она в последний раз себя и помнила. Его морда была жутко расплющена об огромный, метров двух с половиной в высоту, валун, стоящий неподалеку от дороги. Гнала она довольно быстро, несмотря на плохую дорогу, с этим спорить сложно. Возможно, теряя сознание, ещё и газку поддала. Рука

коснулась пояса. Как же спасла их привычка носить документы и деньги в поясной сумке! Иначе сгорели бы, и куда потом им? Стоп! Какое им? Где Витька? Взгляд упал на распростёртое неподалеку от валуна тело, возле которого суетились двое: молодой мужчина в повидавшем жизнь камуфляже и довольно молодая женщина в белом халате.

Рядом, как по заказу, валялась какая-то палка, точнее, отколотый кусок метровой доски. Вот и откуда ей тут взяться посреди поля в десятках километров от ближайших населённых пунктов? Но Машу это не волновало, дотянувшись до потенциальной опоры, девушка неуверенно встала на ноги и поковыляла к склонившимся над распростёртым телом друга людям. Никто на неё не обращал внимания. Все были заняты своими делами и понимали, что виновница, в её состоянии, далеко не убежит. Да и было ли куда бежать? Маша о подобном даже не помышляла. Стоило ей сосредоточиться на происходящем, и важно стало одно: Витя должен жить. Как? Не важно. Но должен! Обязан! Иначе и её жизнь окончательно потеряет смысл.

Друг выглядел неважно: бледное, даже какое-то синюшное лицо испещрено многочисленными уже подсохшими порезами, на губах выступила кровь. Дышал он слабо, с присвистом. Сердце девушки сжалось от этой картины. Склонившиеся над молодым человеком люди с нескрываемой неприязнью смотрели на девушку, но ей было всё равно. Откуда-то вдруг пришло понимание того, что нужно делать: она упала на колени перед распростёртым на земле телом и, закрыв глаза, провела рукой над грудной клеткой пострадавшего. В одном месте кожу рук обожгло жаром, словно она взяла в руки раскалённый камень. Скрипя зубами, Маша терпела и, не понимая, зачем, почему поступает именно так, начала выводить никому не понятные пассы над телом друга. Кости рук, до запястья, пронзила острая режущая боль, словно она промерзла до костей, а потом пыталась отогреться, в то же время Маша ощущала, что кожа вот-вот пойдёт волдырями от исходящего от Витиной груди жара. Но никакая боль не могла остановить уверенную в правильности своих действий девушку.

Кто-то что-то начал выговаривать и, судя по недовольному тону, адресовались слова ей, но она не обращала ни на кого внимания. Да и её, как ни странно, не трогали.

Постепенно она почувствовала, что нечто мягкое, рыхлое, успевшее распространиться по значительной части Витиного тела, обретает плотность, начинает пульсировать и, кажется, пытается сопротивляться. В какой-то момент пострадавший

выгнулся дугой и застонал. Маша слышала, как кто-то рядом запричитал, но глаз не открыла, продолжая неведомое действо. Вскоре в её руках очутился мерзкий, липкий и упругий, пульсирующий ком размером с грецкий орех. Девушка наконец-то открыла глаза, взглянула на ладонь и ничего не увидела, хотя явно продолжала ощущать в руке неприятную субстанцию, от которой жутко хотелось избавиться. Взглянув в сторону, она заметила возле дороги небольшую канавку, на дне которой скопилось немного воды. Неимоверно уставшая, она неверной походкой, опираясь на палку, поплелась к заветной луже. И минут пять под непонимающими взглядами окружающих отмывала руки.

Стоило ей подняться, и рядом оказался полицейский. Это был довольно молодой мужчина лет тридцати пяти, с ранней лысиной и не самым приятным выражением маленьких, глубоко посаженных глаз.

— Ваши документы, — сразу взял быка за рога тот.

Маша беспрекословно подчинилась и достала из набедренной сумки паспорт, протянув его блюстителю правопорядка.

— Ваши права, — добавил он, и девушка отдала ему требуемое. — Итак, Васильева Елена Ивановна, жительница Санкт-Петербурга. Документы пострадавшего, как я предполагаю, были в машине?

Маша растерялась, услышав это имя, и лишь потом вспомнила про выданные когда-то в полиции документы, чёрт, как-то не озаботилась она на такой случай выучить указанные в паспорте данные. Вот спросят её, где она прописана, и что отвечать? Вряд ли там указан её реальный адрес. Но пока что они отвлеклись на Витю… кстати, как он? Девушка оглянулась и с удивлением заметила, что друг сидит и непонимающе смотрит по сторонам, в то время как обе фельдшерицы безрезультатно пытаются уложить парня обратно. У Маши камень с души упал, и она уже более спокойно повернулась к полицейскому.

— Нет, Витины документы тоже у меня, — ответила она и достала его паспорт.

— То есть, он не случайный попутчик, и не муж, — изучая странички паспортов, констатировал представитель правоохранительных органов.

— Жених, — подсказала ему девушка.

— Это объясняет, почему он, будучи ещё в сознании, просил зафиксировать, что это именно он был за рулём. В то время, как наш егерь, вытащивший вас из начавшей загораться машины — вам повезло, кстати, что именно он проезжал мимо — утверждает, что за рулём были вы, а не он, — кивнул

полицейский в сторону глазеющего по сторонам Вити и ошалел. — Васильевна, ты мне что наговорила? Вот же дура старая… — едва слышно прошипел он и, забыв о Маше, направился к недавно лежавшему пластом пострадавшему.

— Так это он в шоке так, — попыталась реабилитироваться фельдшерица. — Так бывает.

— Бывает у неё, — зло зыркнул в сторону женщины блюститель правопорядка. — Навела страхов, авария…

— А что, нет аварии? — запетушилась, защищаясь, та.

— Есть-то есть. Да, слава богу, трупов тобой накарканных — нет!

— Да был бы, Фёдор, был бы, — поддержала коллегу более молодая санитарка. — Вот только не пойму я, что за чудо случилось. Ещё недавно синюшный лежал, едва пульс прощупывался, дышал слабо, с присвистом, а тут вдруг встал и как ни в чём не бывало. Только царапины на лице. Ей-богу, чудо!

— А ты мне не заливай. С тобой ещё дома пообщаемся, — пригрозил ей мужчина. — Ну что ж. Так-то лучше. Аварию зафиксируем. В район на экспертизу проехать придётся, ну, и жениха вашего, чудотворно с того света воскресшего, — говоривший недобро зыркнул на поникшую фельдшерицу, — более компетентные специалисты осмотрят. Коль травм опасных для жизни и здоровья не обнаружат, и претензий от пострадавшей стороны к водителю не будет, то дальше вы свободны.

— Нет у меня претензий, — тут же встрепенулся Витя, и голос его звучал уверенно.

— Сначала освидетельствование и экспертиза, — гнул своё полицай. — Пройдёмте в машину, — он кивнул в сторону уазика.

Маша с грустью взглянула на остатки джипа, олицетворявшим их свободу, теперь то из этой глухомани как выбираться? Вздохнув девушка села на заднее сиденье. Ехали молча. До так называемого районного центра, коим оказался небольшой посёлочек городского типа домов на десять, ехали минут сорок. Больницы, в обычном понимании, здесь тоже не было. У Питерских гостей язык не повернулся бы назвать этот, располагающийся в одноэтажном приземистом здании, полевой госпиталь — больницей. Однако кой-какой, пусть и жутко урчащий, нашёлся здесь даже рентгеновский аппарат. И даже смогли быстро проверить кровь на наличие алкоголя и наркотиков, но все тесты были отрицательные. И тогда местный врач, высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, начал сам, вместо полицейского, допытываться о причинах произошедшего. Тут уж Вите сказать было нечего, а уставшая от всей этой

волокиты Маша сказала всё, как есть: ощутила головокружение и, кажется, потеряла сознание, мол, не так давно с ней такое уже было. Доктор оказался универсалом, тут же настоятельно потребовал пройти в «отделение гинекологии», коим являлись несколько отделённых помещений. Забравшись в допотопное кресло, Маша с удивлением увидела, что врач выкатывает из соседнего помещения вполне современный, портативный УЗИ-аппарат. Осмотр много времени не занял. Спустя пару минут, врач взглянул на свалившуюся на него, как гром с ясного неба, пациентку и задал довольно сложный для девушки вопрос:

— Когда у вас в последний раз была менструация?

Маша оказалась застигнутой врасплох. Нет, в реальной-то жизни ответить на подобное несложно, а вот что делать сейчас? Во сне? Или не во сне? И к чему бы это он? Неужто… нет… это невозможно… или возможно? У девушки краска прилила к щекам от воспоминания о бурных оргиях из прошлого. Если это правда… то кто же отец? Что делать? Не видела она себя в роли матери, и всё тут. Другие девчонки спят и видят: как бы замуж выскочить и детей нарожать, превратясь в домохозяйку. Маша о таком и не помышляла даже.

— Так сложно вспомнить? — врач явно не понял, чем вызвана задержка в ответе.

— Угу, — зацепилась за соломинку девушка. — Понимаете, у нас как бы медовый месяц, только наоборот. Сначала романтическое путешествие, а потом свадьба… ну, и я как-то… а что? — надеясь, что врач опровергнет её самые жуткие опасения, робко спросила она.

— Беременности у вас нет. Но обследоваться в целом надо бы. Молодая же ещё, беречь себя надо.

Мысль о возможной беременности едва не свела девушку с ума. Что б я делала-то? Убила бы? Вдруг ребенок был бы от Витьки, а не от того музыканта? Да, и оно Вите надо? Ох… пронесло…

— Что-то побледнели вы. Не иначе иного результата ждали? — удивился врач. — Всё ещё будет. Может вас проводить?

— Н-нет… нет, спасибо. Я сама…

В посёлке они задержались на целые три недели. И чем больше времени оставалось позади, тем больше девушка начинала беспокоиться. Почему сон не кончается? Она уже начала понемножку выжимать у друга информацию о том, как их сюда занесло, почему вообще решили куда-то ехать? Сделать это так, чтобы «жених» ничего не заподозрил, было довольно сложно. Но кое-какие моменты всё же начали проясняться. И эти моменты Маше очень не нравились.

Глава 11 Следствие ведут… ведьмаки

Дождавшись возвращения с работы новоявленных сотрудников, Семён передал им на поруки беспокойно метавшуюся во сне Катерину и, несмотря на все заверения в том, что с женщиной всё будет в порядке, с неспокойным сердцем отправился домой. Глядя на неё там, в издательстве, мужчина и не предполагал, насколько тяжело ей даётся такое воздействие. Даже когда Катерина, дав последние установки секретарю редакции, едва не свалилась в обморок, Семён ещё не осознал, насколько она себя вымотала. Как показала практика, это были цветочки. Не успел он дослушать довольно длительную, едва ли не двухчасовую аудиозапись, сделанную в издательстве, как из комнаты, где спала Катерина, раздался душераздирающий крик. Мелькнула мысль: пока я отвлекся, кто-то успел проникнуть в квартиру…

Семён схватил со стола мясницкий нож и влетел в комнату женщины, да так и застыл на пороге с вылупленными от ужаса глазами. Катерина витала в воздухе, примерно в полуметре над кроватью. Этим Семёна удивить или напугать было невозможно, видел он подобное в исполнении Светланы ещё… в прошлой жизни, там, в больнице. Но тело женщины не парило в невесомости, его то тянули в разные стороны какие-то невидимые силы, словно проверяя на прочность, то скручивали под физиологически невозможными, особенно с учетом её полноты, углами. Казалось, если её отпустят, на кровать упадёт переломанный по всем суставам комок корчащейся от боли плоти, мало напоминающей человека.

В себя его привела боль. Выскользнувший из ослабевших пальцев тесак упал на ногу. Благо попал он на довольно плотный войлочный тапок, прочный материал выдержал, частично погасив удар. Однако ощущение было не самым приятным. Ежедневно находясь рядом с «нереальным» по меркам общественности, ко многому волей или неволей привыкаешь, вот и сейчас вместо того, чтобы бежать прочь, Семён кинулся к постели и, подхватив замершее на мгновение тело, не без усилия вырвал его из лап невидимого мучителя. Он не надеялся, что это поможет, но и бездействовать тоже не мог. Очевидно, «нечто» отпустило женщину, и она тряпичной куклой обвисла на его руках. Расслабленное тело показалось Семёну на удивление легким для столь плотной комплекции.

Стараясь не паниковать, он тут же уложил «пострадавшую» на стоявшую в уголке тахту, вернуть её обратно на кровать у Семёна рука не поднялась. Врач внутри победил, и он тут же деловито обследовал женщину на предмет вывихов и прочих неизбежных после такого воздействия травм, и с удивлением констатировал: явное понижение температуры тела, пульс немного учащённый, но в пределах нормы, сердцебиение ровное, никаких признаков повреждения суставов, связок или мягких тканей. Только неимоверная общая бледность, странно контрастирующая с излишне ярким румянцем. Это было нереально, но факт лежал перед его глазами. Возможно, клинический или биохимический анализы, тамограмма и другие исследования показали бы отклонения от нормы, но здесь не было необходимого оборудования, а куда-то везти Катерину Семён боялся. Вернувшиеся с работы соседи спокойно отреагировали на состояние женщины, и Семён впервые задумался о том, что всё имеет свою цену. Что же испытывают его сотрудники после работы? Это нормально? К подобному можно привыкнуть? Спросить впрямую он не решился, поспешив поскорее убраться подальше.

После пережитого он не был уверен, что по-прежнему стоит использовать дар Катерины в поисках Светланы и её сестры. Слишком сильное впечатление произвела на него полученная женщиной «отдача». Да и дальнейшее использование дара для лечения абсолютно посторонних им людей за деньги, тоже теперь не казалось такой уж удачной идеей. Семён понимал, что над ними висят долги и обязательства, что сложно будет убедить Сергея, что он сам, отстранившись от клинической практики, потерял квалификацию. Но если все эти люди настолько жертвуют собой ради других… то во благо ли их освобождение из клиники? Да, там было психологически не комфортно, да, здесь они ощущали себя нужными, но стоило ли всё это таких мучений?

Весь вечер Семён провёл дома, пытаясь как-то схематизировать полученную информацию и придумывая, как бы донести её до сотрудников правоохранительных органов, не привлекая способности своих подчинённых. Вот только, как ни крути, данные казались притянутыми за уши, надуманными. Диктофон, как назло, остался у Катерины на кухне. Он-то знал, что всё это правда, но в то же время понимал: в полиции ему не поверят, в лучшем случае, а в худшем, посчитают психически неуравновешенной личностью, что может поставить крест на поисках Светланы с помощью официальных органов.

На следующий день, отбросив все сомнения, Семён быстро

завершил самые неотложные дела в клинике и наведался в участок. Каково же было его удивление, когда на входе в кабинет следователя он столкнулся нос к носу с… Катериной.

— А ты-то… ты что здесь делаешь? — не заметив, что перешёл на «ты», уставился на свою сотрудницу мужчина.

Стоит отметить, выглядела она вполне бодро, свежо и казалась отдохнувшей.

— Прости, — та смущённо отвела взгляд. — Не стоило тебя в квартире оставлять… я забылась… расслабилась…

— То есть, так всегда? — ошалело воззрился на неё Семён, осознающий, что его худшие опасения подтверждаются.

— Да. И… как бы это объяснить… — неожиданно к её щекам прилила краска, даже кончики ушей вспыхнули. — О том, что у меня давно нет личной жизни, думаю, ты и сам без подсказок догадываешься, — так же непринуждённо перешла Катерина на «ты». — Так вот… как уж всё это выглядит со стороны, не знаю, возможно, и пугающе, но по ощущениям… это схоже с экстазом. Ну… если это можно так назвать. Не знаю уж, то ли отроду я такой извращенкой была, то ли частые побои мужа оставили свой отпечаток, но та боль, что я испытываю после «работы», доставляет мне неимоверное наслаждение.

На Семёна словно ушат ледяной воды вылили. Вот и что ей на это сказать?

— Ты что-то узнала? — его взгляд указал на вход в полицейский участок.

— Нет. Но дала им повод для размышлений, — явно обрадовалась смене темы Катерина. — Что там у нас с «новыми» психиатрическими клиниками?

Семён оказался застигнут врасплох подобным вопросом. В кутерьме последних дней он напрочь забыл о том, что должен был связаться с руководством двух медучреждений. Да и сомнения в своём праве на использование дара подчинённых в коммерческих целях не давали ему покоя. Катерина всё поняла по выражению лица своего начальника или прочитав мысли и, умильно скривившись, жалобно произнесла:

— Эх… господин начальник, вы меня отдыхать заставляете — да? — голос поскрипывал так, что, казалось, из глаз говорящей вот-вот должны фонтаном брызнуть слёзы, вот только эти самые глаза предательски лучились смехом. — А о нас не беспокойтесь, у каждого «откат» свой, но он не причиняет страданий. Мы действительно искренне хотим помогать людям.

На том и разошлись. Катерина отдыхать, Семён на работу, созваниваться с коллегами из соседнего региона.

Три дня пролетели для Семёна как один миг, дел накопилось

немало, а по вечерам приходилось посещать вызывавших его следователей. Нового полицейские ничего так и не нашли. То есть, это он так считал, очевидно, Катерина заложила им информацию в голову каким-то извращённым способом, напоминающим мину замедленного действия. К концу каждого рабочего дня они вспоминали какой-нибудь немаловажный фрагмент, пребывая в полной уверенности, что только что самостоятельно это выяснили по своим каналам, разглашать которые, видите ли, не имеют права. Семёну не оставалось ничего иного, как скучать, выслушивая нудные отчёты о том, что он и так знал. Благо на третий вечер поток информации был исчерпан, а значит, пришло время действия. Что они будут делать и как, он не особо интересовался. Его волновал лишь результат.

На четвёртый день Семён вместе с Катериной выехали в сторону Пскова. Первая клиника поразила их своей… элитарностью, что ли? Ещё на подъезде «посетители» обратили внимание на дорогую кованую ограду и ворота, далее их тщательно обыскал персонал клиники, после чего они наконец-то смогли пройти на внутреннюю территорию. Аккуратно подстриженные газончики, ровненькие, посыпанные крупным песком дорожки, свежевыкрашенные беленькие лавочки и раскиданные то тут, то там беседки, вкупе с невысокими фонарными столбиками, производили впечатление, что это дом отдыха, а не психушка. Открывшиеся взору посетителей корпуса усилили сложившееся ранее впечатление. Довольно новые двух-трёхэтажные современные здания радовали глаз отделкой из светло-бежевого камня, за огромными витражными стёклами в начинающих опускаться сумерках зажглись многочисленные огни, открывая взору уютную обстановку внутренних помещений.

На улице к вечеру похолодало. Семён шёл за провожатым, констатировал окружающий достаток, но сосредоточиться на чём-либо, кроме сожаления об отсутствии куртки — не мог.

— Бывает же, — не без зависти осматривалась по сторонам Катерина, которой не один год пришлось провести в настоящем клоповнике, и близко не стоящим рядом с этим «великолепием».

— А вы, смотрю, знаете толк в клиниках, — довольно ухмыльнулся сопровождавший их сотрудник учреждения. — Конечно же, у нас в регионе не все клиники такие. Эту взял под свою опеку бывший мэр. У него тут близкий родственник, — оглядываясь по сторонам, словно их могли подслушать, приглушённым голосом поведал он. — Как-то так вышло, что нувориши решили, что это модно, ну, или нужно им было что-то от облечённого немалыми правами и обладающего многочисленными связями, несмотря на смещение с поста, мэра.

Вот и начали они вкладывать деньги. Сначала персонал воровал — понятно. А потом инвесторы начали контролировать целевое использование полученных средств. Вот и пришлось старые корпуса сносить, ставя вместо них современные. Теперь это главная гордость области, что ни проверка, то норовят к нам их послать. Ну, вот мы и пришли, проходите, — пригласил мужчина «гостей».

Внутренние помещения встретили их приятным теплом и запахом сосновой смолы, исходящим из большого камина, расположенного в углу огромного холла. Рядом с посетителями тут же очутилась миловидная молоденькая санитарочка. Девица оценивающе окинула взглядом Семёна, по вспыхнувшему в глазах интересу он явно прошёл тест на альфа самца, в то время как невысокая округлая фигурка Катерины удостоилась лишь мимолётного взгляда.

— Пациенты уже готовы к встрече, — произнесла санитарка. Взгляд её неестественно ярких голубых глаз не отрывался от лица посетителя. — Но возможно, вы хотели бы с дороги сначала попить кофе или чаю? У меня и тортик имеется, — её взгляд не без ехидства прошелся по приземистой фигуре «гостьи».

— Благодарю, но хотелось бы поскорее приступить к тому, ради чего мы прибыли в ваш райский уголок, — опередила своего начальника уязвлённая Катерина.

— Как вам угодно, — кокетливо передёрнула плечиком явно раздосадованная отказом девица. — Проходите сюда, — она указала на высокую стеклянную дверь.

Семёна вообще поражало многое в этой клинике, особенно теперь, когда он оказался в тепле. Один только камин чего стоил, да и обилие стекла.

— Не поверите, но оно пуленепробиваемое, — угадал его мысли сопровождающий. — Денег слишком много было, вот и выбрали такие проекты, в которых можно было обоснованно вложить как можно больше. Да и откаты неплохие кое-кто получил. Их, конечно, через тендеры разыгрывали, но…

— Мы уже поняли, — не очень корректно перебил его, явно утомлённый излишней болтливостью сопровождающего, Семён. — Вы можете оставить нас наедине с вашими пациентами? — тут же сменил тему он.

— Вас обыскали, — пожал плечами сотрудник клиники, взглядом отсылая санитарку восвояси. — Но не слишком долго. Режим нарушать не стоит, даже ради важных гостей из северной столицы.

В просторном светлом зале находилось немногим более десятка «больных». Один парень сразу, стоило посетителям войти,

вскинулся, устремив взгляд на Семёна. Словно заранее знал, что от того зависит его будущее. Выглядел он колоритно: высок, широк в плечах, длинные ухоженные волосы собраны в низкий хвост, взгляд отливающих золотом глаз, кажется, смотрит в душу, видя тебя насквозь. Да и черты лица у него были какие-то киношные, в самый раз главным героем в какую-нибудь сопливую мелодрамку.

С учётом способностей Катерины, процедура заняла гораздо меньше времени, нежели во время поездок со Светланой. Женщина вставала в отдалении и закрывала глаза. Минут через пять она вышла за санитаркой.

— Где мы могли бы переговорить наедине с троими из ваших пациентов? — донёсся до Семёна приглушённый голос Катерины.

— Да здесь же, — демонстративно отстранённо ответила девица. — Всех выпроводим, и по очереди пригласим тех, кто вам нужен. Только на кой они вам? — в её тоне чувствовалась брезгливость, что явно задело Катерину.

— Боюсь, я не уполномочена разглашать такую информацию, — ушла от ответа женщина и указала тех троих, кто её заинтересовал.

Дальнейшие переговоры прошли довольно оперативно, и менее чем через час гости вышли из корпуса с фамилиями и именами двух «избранных».

— Ох! Как вы вовремя, — пряча в карманы явно озябшие руки, подскочил к ним сопровождавший их вначале словоохотливый мужчина. — А я как раз домой собирался, думаю, дай-ка зайду, узнаю, как у вас дела. Может, вас до гостиницы подкинуть?

— Не откажемся, — улыбнулась довольная результатом посещения Катерина.

Следующим утром всё повторилось, а затем начались сложные бюрократические манипуляции с неизбежным вливанием немалых капиталов в карманы главврачей и прочего персонала клиник. Вот только с одним пациентом возникла заминка. Тот самый парень из «элитной» психушки, что с надеждой смотрел на Семёна, оказался ни много ни мало внебрачным сыном бывшего мэра. И проблема была не в том, что высокопоставленный папаша был против его освобождения, руководство больницы ни в какую не желало терять золотую жилу, которая, как оказалось, и так успела недавно сбежать, и лишь спустя месяц была возвращена в «родные пенаты».

Гостей коробило настолько циничное отношение. В голове не укладывалось, как можно насильно держать человека пусть и в позолоченной, но клетке, ради перспективы пополнения своих

банковских счетов. Семён в какой-то момент почти сдался, но Катерина тут же отвела его в сторонку:

— Ты, конечно, руководитель, но этот парень нам нужен. Его дар многократно сильнее, чем у Совы, прибавь к нему неподдаваемость внушению и предвидение. А впоследствии вы могли бы открыть детективное агентство. Больших капиталовложений это не потребует, а Сова и этот Станислав (как звали экс-мэровского бастарда) быстро принесут немалую прибыль. Так что предлагаю просто их обработать. Они всё подпишут, и денег сэкономим.

Кто же откажется от такого предложения, когда на счету каждая копейка? По прошествии ещё пары дней, в сопровождении Катерины и Семёна в Питер направилась группа из четырёх человек. Троих планировалось приобщить к работе в клинике, а «хвостатого бастарда», на первых порах к поиску Светланы и её друзей, с дальнейшей карьерой детектива ещё не созданного агентства.

Поезд прибыл на Витебский вокзал во втором часу. К концу июля знаменитые Питерские белые ночи остались позади, и гости города смогли в полной мере полюбоваться красотами Северной столицы: архитектурными ансамблями в иллюминации подсветок, нескончаемыми гирляндами Невского проспекта, где большая часть заведений функционирует круглосуточно и всячески старается привлечь клиентов, создавая феерию света. Особенно гостей впечатлили громады «разводных мостов» над Невой, возле которых они минут двадцать простояли в ожидании, когда же их опустят, позволяя припозднившимся жителям окраинных районов выбраться из центра города. Зрелище впечатляющее даже для привыкших ко многому коренных жителей, не говоря о приезжих.

Новеньких обустроили в освобождённой Артуром и его «командой» квартире, где до сих пор жил Пётр, и дали им три дня пообвыкнуться на новом месте, после чего подключили к работе. И вот тут открылись новые, совершенно неожиданные подробности из жизни того самого «бастарда». Стоило ему услышать краткий пересказ Светиной истории, связанной с поисками сестры и странным дальнейшим исчезновением, как парень вдруг впал в прострацию. Семён минут через десять хотел уже встряхнуть его, выведя из задумчивости, но Катерина буквально скрутила начальника по рукам и ногам, дав ему понять, чтобы помалкивал. Спустя ещё минут десять Станислав вернулся на грешную землю и тихим голосом произнёс:

— Воистину неисповедимы пути господни. У вас есть фотография Марии? — этот вопрос относился к Семёну.

Мужчина тут же достал телефон и нашел сделанную тайком от Светланы фотографию её сестры. Помнится, в тот день, когда он впервые оказался у Светы, его очень удивила реакция девушки, когда он посмотрел на стоявшую на тумбочке рамку с изображением темноволосой красотки. Семён сам не понял, зачем это сделал, но стоило Свете выйти из комнаты, он тут же кинулся к отложенной в сторонку фотографии, и достав телефон, сделал снимок. До сих пор он ему был не нужен и вдруг вот: не ждал, не гадал, а пригодился.

— Да… — тихо протянул Станислав, и взгляд его глаз едва уловимо изменился. В них сквозила нежность и тоска. — Я её знаю. Точнее знал, — поправился он и умолк.

Время шло. Катерина и Семён в ожидании смотрели на товарища, а тот, казалось, ничего кроме фото на экране телефона не замечал. В этот вечер им так и не удалось разговорить ушедшего в себя парня. Да и телефон забрать оказалось проблемой. Тот никак не желал расставаться с сохранённым там изображением.

Следующей ночью настойчивый телефонный трезвон выдернул Семёна из сна. Звонил Пётр:

— Семён Витальевич, — послышался из трубки взволнованный голос, — я не знаю, что с ним. До этого нормальный парень был, а тут как белены объелся. Носится по квартире, никому спать не даёт. Просит, чтобы ему денег в долг дали, клянётся, что вернёт, и твердит, что ему срочно надо куда-то уехать… — тараторил Пётр.

— Постой, кто — он-то? — сонно пробурчал всё ещё не проснувшийся Семён.

— Да этот… патлатый музыкант…

Семён мгновенно понял, о ком речь. Станислав поразил всех, выйдя из клиники не с пустыми руками, а с гитарой за спиной. Значит, он куда-то рвётся, но куда? Зачем? На эти вопросы Пётр ответить не мог.

— Продержите его до моего приезда, — бросил в трубку Семён и, отключив связь, кинулся собираться.

Благо в предутреннее время мосты уже были сведены, а на работу в такое время ещё никто не ехал. Да и сотрудники ДПС благополучно отсыпались в теплых постельках, что позволило Степану, игнорируя скоростные ограничения и светофоры, долететь до нужного дома за каких-то пятнадцать минут. Жильцы квартиры действительно стояли на ушах. Не сказать, что они были злы на всполошившего всех парня, скорее они были обеспокоены его навязчивой, маниакальной идеей куда-то срочно отправиться.

Пары несвязных на первый взгляд фраз хватило, чтобы Семён кое-что понял. Вот только объяснять что-то присутствующим не хотелось. Долго. Быстрее было бы, окажись тут Катерина, но она далеко.

— Петь, — взволнованный начальник не заметил, как перешёл на «ты» с подчинённым, да и тот, казалось, не придал этому значения. — Вот ключи. Где Катерина живёт, знаешь? Быстро гони к ней. По дороге звякнешь, предупредишь, чтобы к твоему приезду была готова. И сюда. Чем скорее, тем лучше.

Пётр, не задавая лишних вопросов, схватил барсетку с документами, ветровку, ключи и выскочил из квартиры. Как уж он умудрился так быстро обернуться туда и обратно, осталось тайной, но Катерина была на пороге квартиры уже через двадцать минут, хотя только до её дома было ехать как минимум столько же. Семён же всё это время ужом извивался и так, и эдак, стараясь удержать рвущегося в неизвестность Станислава.

— Успокойся, — подойдя к «патлатому», произнесла женщина.

«Он же не поддаётся внушению!» — хотел закричать Семён, с опозданием понимая: она бессильна, он зря гонял Петра…

— Внушение внушению — рознь, — повернулась к начальнику явно прочитавшая его мысли Катерина. — Я не собираюсь подавлять его волю и личность, но договориться и выяснить, что он задумал, могу.

Было видно, что Пётр не зря потратил время в дороге, успев обо всём рассказать женщине. Непонятно, что она имела ввиду под словами: «я не собираюсь подавлять его волю», но парень вскоре успокоился и, пройдя на кухню, начал рассказ. Семён лишь с удивлением уставился на до боли знакомый диктофон в руках Катерины. Получается, Пётр успел что-то объяснить той ещё по телефону. Иначе как бы она догадалась взять с собой этот девайс? А тем временем из парня информация лилась как песня. И была та песня о счастливом периоде его жизни: о побеге из клиники, о встрече с молодой парой, о чудесной, хоть и сумасбродной девушке, которую он боготворил. Порой молодой человек пускался в столь интимные воспоминания, что Семён отчаянно краснел, благо жильцы квартиры разбрелись по своим комнатам, а Катерина в это время мало на что реагировала.

Из его рассказа получалось, что, оказавшись на свободе, он рванул автостопом к морю. Подрабатывал в дороге пением, платили копейки, но и голодным он не был, а потом встретил Марию, и жизнь обрела смысл и цель. Цель — быть рядом с ней. Но потом… он и сам не мог понять, что его разозлило, но он вдруг бросил свою возлюбленную и уехал. И с этого момента

пошла череда неудач, словно до того какая-то неведомая сила вела его навстречу к ней, расчищая невзгоды на пути, и тут отвернулась. В первом же городке его заграбастали полицейские. Документов на руках, естественно, не оказалось, и был отправлен запрос. На его беду, та самая колоритная внешность его и выдала. Парень оказался в розыске, и его вернули в психушку. А потом он вдруг понял, что скоро его выпустят. Кто? Почему? Он не знал, просто был уверен, что так будет. Описанные Катериной таланты, как оказалось, у него имелись, но были не развиты, а использовались интуитивно на уровне подсознания.

Семён взглянул на лежавшую неподалёку пачку бумаги и карандаш. Как оказалось, одна из новеньких очень любила рисовать и делала это на кухне. Очень кстати, — подумал мужчина и, стараясь не привлекать внимание «бастарда», накарябал: «Можешь его усыпить? Надо всё обсудить», после чего аккуратно показал листок начинающей возвращаться в реальный мир Катерине. Та лишь кивнула и, ничего не говоря, коснулась руками головы «бастарда». Парень тут же, как подкошенный, съехал по диванчику и засопел.

— Ну и сильна же ты, — только и смог покачать головой Семён.

— Если бы он осознавал свои способности, — повела бровью женщина, — я была бы бессильна. А о том, что они дремлют (очевидно, та имела в виду таланты), я поняла ещё в поезде.

— Ты не против, если я закурю? — взглянув на оставленную кем-то пачку сигарет, поинтересовался Семён и, получив разрешение, прикурил и глубоко затянулся.

Первая затяжка, казалось, порвала ему горло, вызвав жуткий приступ удушливого кашля, но он знал, что так будет, и повторил. В этот раз саднящее горло справилось, а с третьей затяжкой сознание заволокло легким туманом, мысли стали какими-то мягкими, легкими, а новость о грозящей Светлане угрозе не такой и страшной.

Он не курил уже лет пять, но сейчас захотелось. И не потому, что разбудили посреди ночи, и не потому, что умудрился вытащить из психушки парня, не так давно путешествовавшего в компании давно разыскиваемой Марии. Семёна выбили из колеи последние слова Станислава: «Я должен её предупредить, должен защитить! Они убьют её! И сестру её тоже!» — после этого парень умолк, а Катерина начала приходить в себя, Семён чиркнул ей пару слов на листке, и всё кончилось. Только мужчине казалось, что последние слова набатом звенят в тишине, он чувствовал, что былая тревога возвращается, но теперь многократно возросшая, сводящая с ума. А неизвестность вызывала мерзкое ощущение

безысходности. Семён вспоминал саму Светлану, то, какое место в своей жизни он готов был отдать девушке, и чувствовал, что услышанное рвёт его изнутри на части.

Витая в затуманенных мыслях и образах, он, словно во сне, слышал, как где-то рядом щёлкнул, отключаясь, закипевший чайник, позвякивают чашки, носа коснулся манящий аромат кофе. Глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по нёбу, опустилась в пищевод и… Семёна отпустило. Вновь мир стал ясен, вновь пришла боль и ощущение неминуемой потери. Автоматически он прикурил ещё одну сигарету, надеясь вновь уйти в забытьё. Пусть временно, но лишь бы не знать… не думать… Не помогло. Катерина молча сидела напротив, и только после того, как убедилась, что руководитель пришёл в себя и готов адекватно воспринимать информацию, произнесла:

— Мне удалось выхватить нужное. Даже странно. Слишком всё ясно и быстро. Может, дар развивается? Или опыт даёт о себе знать?

— Кать, не важно, — перебил её Семён, — что ты нарыла в его голове?

— То, чего предпочла бы не видеть. Он мыслит странно. Образами. И предчувствует так же, но словно в пелене и слишком мимолётно. Его сознание не может сфокусироваться на полученной картинке, выхватывая лишь суть. Потому он и не понимает, почему и как, лишь уверен, что так будет. К тому же он сразу видит и альтернативные варианты, в зависимости от каких-либо внешних переменных. Но точно так же не помнит обо всём, лишь общую суть. Вот и сейчас ухватил лишь то, что обязан предупредить, и это может спасти Марию. Семён, прости, но в его видениях он лично убивал Светлану, спасая любимую. Он этого, благо, не помнит. А значит, не воспринимает как инструкцию к действию. Ведь именно при этом раскладе Мария останется жива. А про Свету — говорит о её смерти, потому что заметил сам факт, а не то, кто и почему это сделал.

— И что теперь делать? — уставясь невидящим взглядом в кружку, схватился за голову Семён. — Мы же своими руками выпустили того, кто может убить её…

— Использовать его вслепую, — тут же отозвалась женщина и, заметив, как собеседник удивлённо вскинулся, пояснила: — Он свои видения не осознаёт. Пусть так и будет. Не надо ему ничего объяснять. Я же буду просматривать, вытаскивать нужное и использовать, а в те моменты, когда он может стать помехой, просто отключать. Как сейчас, — она взглянула на беззаботно посапывающего парня.

— Так что же ты увидела?

И Катерина начала рассказывать. К сожалению, она могла увидеть чужие мысли, но не могла их спроецировать в сознании кого-то другого. Хотя была убеждена, что это возможно. Получалось так, что за Машей гонялась не только сестра, но и ещё кто-то. И этот кто-то был не отдельно взятым человеком, а некой весьма могущественной организацией, члены которой обладают немыслимыми даже для Катерины возможностями в управлении людскими массами. В их арсенале было и внушение, и боевые искусства, а главное, они умудрялись довольно явно выделяться и при этом оставаться невидимыми для окружающих. Поражало и то, что Света и её друзья каким-то образом оказались под влиянием этой организации. И к тому же, прежней сплочённости в их рядах больше не было. Катерина четко сформулировала, что лишь Сова верна прежним идеям, Елена и Седой словно перепрограммированы, да и сама Света колеблется перед неким выбором, один из вариантов которого далеко не в пользу её сестры. Это казалось странным. Почему-то Катерина была уверена, что пропавшая компания не поддавалась внушению, а значит, та неведомая организация очень сильна.

Им сразу вспомнился тот странный мужик, что увёл Свету и её друзей из издательства. Получалось, что с того самого момента они и находятся под влиянием кого-то, и этот некто преследует одну цель: убить Марию. Почему? Зачем? На это, конечно же, ответов не было. Семён со стыдом поймал себя на мысли, что если всё обстоит так, то он готов лично расправиться с темноволосой красоткой, лишь бы Свете ничего не угрожало. Но он понимал: та быстро всё поймёт, покопавшись в его памяти, и вряд ли простит, если в итоге он сделает выбор в пользу сестры.

Так же из видений парня Катерина сумела понять и то, где он сможет найти Марию. А так как никакой аналогичной информации о Светлане не было, кроме того, что та явится туда же, то им предстояла встреча с сестричкой и дальше…

— А дальше мы можем только молиться. Эта сестричка сама по себе неплохой человек, коим её и знала Света. Это и заставляло её так упрямо искать. Но вот та, которая захватила её тело, может оказаться зубастой. Не говоря о том, что придут те… ну и наши… с промытыми мозгами, — со вздохом завершила повествование Катерина.

— Ну, коль у нас иного выбора нет, значит… — Семён задумался, — прости, я не имею права подвергать тебя риску…

— Ты, конечно, мой начальник… я многим тебе обязана, но… я тебя спросить забыла, как мне распоряжаться собственной жизнью, — огрызнулась женщина. — Как я уже говорила: Света для меня как дочь. И мне плевать, если меня убьют. Что я имею?

Да, единственное, о чём стоит сожалеть, что я не смогу помочь нуждающимся. Но я не одна, помогут другие. А так… ни семьи, ни родных, ни детей… так что и не думай меня отговаривать. Хотя и других я звать не стану. Тут ты прав, мы не имеем на это право.

— Так, когда и где нам надо быть? — принял её решение Семён.

— Это будет двадцать первого августа. У нас… — она взглянула на календарь-магнитик, висящий на холодильнике, — … меньше трёх недель, чтобы добраться до… не сильна я в географии, — призналась женщина. — Могу местность описать, но…

— Ты помнишь, как он добирался до места предполагаемой встречи?

— Сдурел, что ли? — воззрилась на собеседника Катерина. — Я видела лишь вариант исхода, а не все предшествующие этому события.

Остаток ночи они провели, копаясь в ноутбуке Петра. Под описание подходили сотни мест. То есть, сам факт того, что там на десятки километров не было населённых пунктов, несколько сужал зону поиска, как и осознание того, что это на севере России, но вот только этот север простирался на многие сотни километров. Катерина несколько раз впадала в прострацию, раз за разом прокручивая полученные из сознания Станислава картинки. Сначала она выписала номера машин, это ещё больше сузило зону поиска, позволив определить регион. Потом выдала название небольшого населённого пункта. Как оказалось, весьма распространённое. Даже в том регионе яндекс карты показали четыре поселения с таким названием, но относящихся к различным районам. Никаких фотографий, по которым можно было бы опознать местность в интернете, изобилующем всем и вся, как назло, не нашлось. И населённые пункты, к величайшему их сожалению, располагались на очень большом расстоянии друг от друга.

— А может, мы просто удержим этого, — Семён взглянул на посапывающего «бастарда».

— И что толку?

— Ну, это же он должен убить Свету?

— Почему же? Нет. Понимаешь ли, я не могу пересказать всё. Это займёт слишком много времени… но вариант предусматривает разветвление. Либо он убивает Светлану, и почему-то это спасает Марию, или Света встаёт на сторону сестры, и тогда их убивают на пару. Его подсознание такой исход не устроил, и потому он рвался туда с целью убить Свету.

— То есть, жизнь Марии под вопросом, а судьба Светы предрешена? — обречённо констатировал Семён, ощущающий, как всё внутри опустилось: «…Всё было зря… я бессилен».

Катерина какое-то время молчала.

— Неизвестно, — произнесла она спустя некоторое время. — Мы — это ещё один неучтённый фактор, который также обязан сыграть свою роль.

— И как мы узнаем, какова эта роль?

— Элементарно, — произнесла женщина и потянулась рукой к голове спящего, тот тут же открыл глаза.

— Так вы поможете мне? — словно продолжая прерванный разговор, спросил он.

— Да, — ответила Катерина, — но мы поедем с тобой, — добавила она, и глаза её вновь затуманились.

Глава 12 Рыцари престола господня

Выделенный на подготовку месяц пролетел быстрее, чем неделя после посвящения, на смену белым ночам пришла тьма, и последние занятия проводились под покровом ночи в глухих карельских лесах. На протяжении всего этого времени друзья не виделись. Пелагатти ежедневно загонял Светлану до изнеможения. Занятия проводились самые разнообразные: девушка уже довольно хорошо овладела основами рукопашного боя, стрельбой из многочисленных видов короткоствольных огнестрелов, без проблем ориентировалась в темноте, при этом умудряясь пробираться абсолютно беззвучно — ни одна веточка под ногой не выдавала местоположения девушки, немногочисленное лесное зверье воспринимало её как естественную часть окружающей среды — не шарахалось прочь, чем могло бы выдать притаившуюся. Усовершенствованы были и магические навыки.

Света могла подчинить себе всех окружающих в диапазоне почти пятидесяти метров. Девушка искренне недоумевала — зачем ей подобный навык? Но наставник не желал вступать в диалог, он по-прежнему был требователен и немногословен, а в редких случаях, когда ученица не желала поступаться принципами и выполнять требования, ещё и жесток. Нет, он не бил её. Даже не приближался. Сторонний наблюдатель, если бы таковой нашёлся, решил бы, что у девушки приступ обострения какого-то заболевания. Еще мгновение назад бодрая и здоровая, она мгновенно бледнела и загибалась от пронизывающей всё нутро невыносимой боли. Эти наказания быстро отучили Свету от попыток оказывать сопротивление. Ей искренне хотелось отплатить наставнику, но все знания, имевшиеся в её арсенале, были ничем в сравнении с опытом Пелагатти. На сон ей выделялось не более трёх часов в сутки и час на некое подобие медитации, и как ни странно для молодого организма этого было достаточно. Побочным эффектом столь быстрого обучения стало внезапно проснувшееся, обострённое либидо. В свои девятнадцать будучи девственницей Света с ума сходила от частенько накатывающего всепоглощающего желания, объектами которого за неимением других представителей противоположного пола был остававшийся непреклонным наставник.

В этот день Пелагатти был хмур, и как девушка ни лезла из шкуры вон, пытаясь во всём угодить, он постоянно выражал недовольство действиями подопечной. Света искренне проклинала тот день, когда они сунулись в злополучную

редакцию. Что ждёт её дальше она не знала, где её друзья — тоже. А наставник не позволял ей и слова молвить вне рамок обучения, не говоря уже о пространных разговорах о неопределённом будущем.

Занимался рассвет, когда она выскочила на поляну, поросшую низеньким, не выше бедра молодым подлеском. Наставника рядом не было, но девушка знала: он следит за каждым её движением и стоит ошибиться, тут же настигнет наказание. Её цель была близка. Она не знала кто это, только чувствовала — этот некто там, в конце поляны. И этот кто-то не спит в столь ранний час, и он опасен. Сейчас человек расслабленно сидел, она это видела сквозь густо поросший кустарник и высокую траву как некий цветной энергетический контур. Обострившийся слух улавливал ровное дыхание жертвы. Она должна убить. Казалось бы, что в этом сложного? Моральные устои за время тренировок сломлены, необходимые навыки получены. Достаточно на расстоянии применить новые способности, и не обязательно магические. Просто метнуть кинжал. Но убить не видя врага рука не поднималась. Впервые её целью было не животное, а человек.

Девушка стелилась по земле, умудряясь ни единым шорохом не выдать своё присутствие. И вот фигура жертвы шевельнулась, повела плечами, словно разгоняя кровь по затекшим от долгого пребывания в неподвижности мышцам. И… их кажется было двое… Света замерла. Ей показалось, что «жертва» или тот, кто был ближе обернулся, и несмотря на разделявшее их расстояние и густой подлесок устремил взгляд на притаившуюся в траве девушку. Этого не может быть! — твердила она сама себе. Тем временем голова жертвы слегка склонилась под странным углом, напоминая прислушивающегося к чему-то зверя. И было в этом движении что-то неуловимо знакомое. Вот только что именно Света понять не могла. Да и боялась отвлекаться, зная, что следом придёт невыносимая боль, которая заставит её если и не застонать, то как минимум выдать себя хрустом веток, под сжавшимся в болезненной агонии телом. Она чувствовала, что жертва из добычи с легкостью может превратиться в охотника. Тем более у неё имеется нежданное подкрепление. Сейчас человек прислушивался, чувствуя чьё-то присутствие. И в этот момент какое-то шестое чувство подсказало ей, что где-то сбоку подкрадывается иная угроза. Кто-то ещё был здесь и целью этого кого-то была именно она. В сознании мелькнула мысль о подлости наставника, который отправил её на задание, сделав одновременно целью для кого-то ещё. И как выкрутиться? Их трое: охотник, жертва и случайный… (или не случайный?)

свидетель. Избавиться от кого-то одного не привлекая внимания остальных — сложно. Но первым делом надо убрать именно охотника. Тем более он один или точнее одна. Судя по проявившейся ауре им была женщина.

Света притаилась мысленно нагнетая уверенность в том, что всё получится так, как надо. Она словно раздвоилась: одна часть сознания ликовала, словно уже одержала победу, вторая ощущала то, что предназначалось врагу. Света едва сумела отгородиться от охватившей всё тело боли. Слишком явно прочувствовала, слишком чёткие образы вызвала. Второй части сознания даже не пришлось нагнетать понимание того, что она проиграла и глупо умирает. Неимоверные тоска и злость обрушились на сознание, заволакивая собой всё, глуша те чувства что так старательно удерживались первой половиной сознания. Горло прорезала щемящая боль и вдруг всё прекратилось. До обострённого слуха с запозданием донёсся какой-то неприятный хлюпающий звук и послышалось предсмертное сипение. Силуэт охотника припал к земле, хватаясь за шею, в районе которой образовалось странное затемнение, словно там выходили наружу, покидая тело жизненные силы.

— Света, — едва различила девушка чей-то зов, и вдруг осознала чей: Сова!

Хотелось кинуться к жертве, помочь, спасти, но пришло осознание, этот голос принадлежит не охотнице! И не жертве. Та или тот скорее всего, тем временем очень тихо удалялся к кромке леса. А вот кого-то третьего в зоне видимости не было, видимо им и была Сова, которая не особо таясь пробиралась к ней теперь уже сзади. Девушка не знала радоваться или плакать. Да, Сова получается спасла ей жизнь, но в тоже время спугнула жертву, и та уже скрылась, оставив едва различимый след. Значит охота предстоит долгая. О том, чтобы не выполнить поставленную задачу Света и не помышляла.

— Угораздило же нас так вляпаться, — присаживаясь рядом тихо произнесла подруга. — Да и ты хороша. Ведьма недоделанная. Ты же саму себя едва не убила…

— Чего? — непонимающе уставилась на неё Света.

— Того. Ты связала себя и жертву, это первая ошибка. Ты получала всё-то что и она, ну может немного слабее. Во-вторых, ты не заметила, что в какой-то момент она закрылась зеркалом, отражая твои посылы на всё окружающее, в том числе и на тебя. Я сама едва не загнулась находясь в зоне действия заклинания. Она могла прибить тебя как беззащитного щенка.

Света была шокирована этой новостью. Вот почему её вдруг так скрутило…

— Спасибо, — только и смогла выдавить девушка и её рука потянулась к всё ещё саднящей шее.

Пальцы коснулись чего-то мокрого и липкого. Решив, что чем-то испачкалась, Света вытерла руки о штаны, оставив на ткани буровато-красный след, и тут же с непониманием уставилась на окровавленную руку.

— Об этом я и говорила, — заметив её взгляд, кивнула Сова. — Ты связала себя с ней, как… как куклу Вуду и её прототип. То есть ты получала те же ранения, что и твоя жертва, а логичнее использовать эту связь в обратном направлении, — пояснила она и заметив непонимание в глазах подруги, пояснила: — Например привязываешься к жертве, наносишь себе ранение которое не вызовет мгновенную смерть или потерю сознания. Иначе жертва, если своевременно примет меры, может выжить в отличии от тебя. Так вот, и не теряя драгоценного времени надо сбросить всё негативное, все травмы свои на жертву, этим ты добиваешь её. Следом надо разорвать связь, и вуаля! Ты жива, пуст и слаба из-за потери сил. Жертва — мертва.

— Я и так-то думала, что связь сразу обнаружат… — неуверенно произнесла Света, пытаясь оправдать свой пробел в «образовании».

— Это заметить невозможно. Я это увидела лишь по характеру полученных тобой ранений. Тебе повезло что я её ранила, а не сразу убила. Умерла-то она не сразу, но и держать заклинание у неё сил не было. Да и ты слава богу ощутив неожиданную боль инстинктивно отдала ей всю дрянь и связь порвала.

— То есть я… — Света заглядывала в глаза подруги и неопределенно крутила пальцем указывая на свою шею, — там… сильно?

— Царапина у тебя. Глубокая, но царапина. Ты успела сбросить это на неё, когда зеркало спало. Это плюс. Но в целом ты сглупила. Тебя наставник что на охоту выгнал? — догадалась Сова.

— Угу.

— А меня на прогулку. Понаблюдать за всем и вся. Прости уж, что добычу отняла.

— Нет. Не отняла, — спохватилась девушка, заметив, что следы уже едва различимы. — Она… он скрылся.

— Седой? — поджала губы Сова.

— Так там… — Света указала направление, — Седой был?

И только сейчас, она с удивлением осознала, что сидит на лужайке игнорируя продолжение задания, а наказание не приходит. Это было странно. Возможно наставник решил, что это

она уничтожила охотника, и ожидает дальнейших действий ученицы? Но как же жесток этот Пелагатти! Выходит, здесь была она, Сова, Седой, а значит… там… там Елена? Забыв об осторожности девушка выпорхнула из низкорослого кустарника и кинулась к недавней противнице. Метрах в десяти нашелся уже остывающий труп Елены. По начинающей подсыхать крови на шее девушки ползали вездесущие мухи. Света буквально упала на землю рядом с распростёртым телом. Сознание отказывалось верить в случившееся. Елена… кроткая Елена, подруга, опора… теперь её нет… — кричало всё внутри. Горло сдавила боль потери, слёзы хлынули из глаз. Света в этот миг ненавидела весь мир: проклятых наставников, себя, Сову…

— Молодец девочка, — послышался рядом незнакомый мужской голос с певучим акцентом. Света сквозь пелену слёз уставилась на подошедшего, это был один из учеников Пелагатти и обращался он к Сове.

— Не заслужила я похвал, — с отвращением отворачиваясь от трупа подруги, процедила та.

— Ты не права. Давайте отойдём в сторонку. Тут вскоре уберут, — произнёс мужчина и направился в сторону леса. Света ощутила, что воля её вновь сломлена, как и тогда в проклятом издательстве. Тело помимо воли само поднялось с земли и последовало за «рыцарем». — Ты не поняла, — он взглянул на ученицу. — Ты на данный момент спасла жизнь себе, ей и вашему другу. Лучше одна жертва нежели три или все, — в его интонациях слышались отеческая забота и гордость за свою ученицу, он говорил так словно перед ним несмышлёный ребёнок, которому требуется объяснять прописные истины.

— Не поняла… — уставилась на него Сова, а Света неожиданно ощутила спокойствие и даже позавидовала тому, что у подруги адекватный, способный на диалог и объяснения наставник.

— По обычаю должно быть состязание, но условия его проведения устанавливает старший из наставников. Зачастую выжить должен только один из «потока». Вот и по плану Пелагатти вы должны были стать жертвами друг друга. Выжил бы только один, самый способный и везучий. Не смотрите на меня круглыми глазами, так было всегда. Мне в своё время повезло. Нас ведь было пятеро и учили нас не в пример вашему экстренному курсу, полные три года.

— Но приехало же ещё двое его учеников, помимо вас? — воззрилась на него Светлана.

— Это… финалисты из разных курсов, так сказать. Мы навсегда привязаны к наставнику и к своим ученикам. Эта связь

сильней чем кровная и практически не рушимая. То есть ученик становится свободен, обретает более высокий статус и! (он выделил это слово) получает таланты, то есть способности убитого им, если исхитряется конечно убить своего учителя или же наставника своего учителя, что почти невозможно. Ну и если их убьёт кто-то другой, то вы просто обретаете свободу. Опыт даёт о себе знать, новички крайне редко умудряются одержать верх. Своим поступком ты возвысила и освободила: и себя, и её, — взгляд мужчины остановился на Свете, — и меня, и прочих учеников Пелагатти. Ваш друг же всего лишь сохранил на данном этапе свою жизнь.

— Бррр… — мотнула головой девушка. — То есть наша задача убить своих наставников?

— Нет. Но это выход. К примеру, у тебя был наставник, — смотря на Свету излучающими покой и располагающими к доверию глазами произнёс мужчина, — и теперь его нет. Ты свободна вне зависимости от того, что не самоличным расправилась с ним. Мой наставник убит моей ученицей, это освобождает и её, и меня. Мы теперь не связаны, — он взглянул на Сову, — а значит незачем жаждать моей смерти, девочка. Если честно меня это радует. А в целом… поздравляю! Считается, что все вы, включая вашего выжившего друга, прошли испытание.

— Но зачем всё так жестоко? — передернула плечами Сова.

— Естественный отбор, постоянное самосовершенствование. Для одних стимул не расслабляться, для других обрести свободу и новые способности. Выживать должен сильнейший. Мастер не возьмёт ученика, пока не будет уверен в своих силах, а дальше начнётся тренировка у обоих. Обычно это затягивается на годы. Чем более опытен мастер, тем больше учеников он может позволить себе одновременно.

— Но нас же разделили? — заметила Света.

— На вашу подготовку дали месяц, а не стандартные пару лет. Один человек с этим не справился бы.

— Постойте… — начиная кое-что осознавать, произнесла Света. — Если вы говорите, что возвышены и освобождены все трое выживших, и вы… это значит… Пелагатти больше нет?

Мужчина лишь скупо кивнул в ответ. Девушка с несвойственным ей злорадством порадовалась тому, что её мучитель получил по заслугам. Это объясняло почему не пришло наказание в то время, как они беззаботно болтали на поляне.

— Но как? — удивлённо поинтересовалась она. На фоне этой новости боль из-за смерти подруги несколько притупилась, отойдя на второй план.

— Излишняя самоуверенность. Он считал тебя, — взглянул

на Свету говорящий, — тряпкой и незаслуженным лидером, а в той, — мужчина кивнул в направлении оставшейся где-то вдали поляны, — он видел огромный потенциал для воина одиночки. Вот это и было его ошибкой. Не учёл, что несмотря на пропаганду, кто-то останется верен старым привязанностям и поможет со стороны. Привязал себя к ней, желая изнутри пронаблюдать за происходящим, за это и поплатился. Да, она могла предвидеть, но видела лишь связанное с ней или теми переменными, которые сумела учесть. В вашем случае, она прекрасно знала кого шла убивать… понимаю не приятно это слышать, но лучше вам знать правду. Так вот, она совершила фатальную ошибку, не подумала о том, что кто-то посмеет вмешаться в её расправу, и что этот кто-то окажется не на её стороне.

— Почему вы меня сразу не предупредили? Да и Седого? — воззрилась на наставника Сова.

— Не мог, — просто ответил он. — Я не имею права вмешиваться в воспитательный процесс, к тому же это ведь экзамен, а педагог не должен вручать студенту шпаргалки. Вашего друга отправили на медитацию, а о том, что нужно выжить твердили на протяжении месяца. И ровно столько же этому учили. Разве этого мало? Тебя я послал на прогулку, дав лишний намёк: «наблюдай за всем», это должно было тебя уберечь, ну и конечно же ты сама должна была решить — чью сторону принять в этой схватке. Ты сделала свой выбор. Скажу честно, вы двое сильны, ваш мужчина — осторожный трус.

— Он не такой! — тут же вскинулась на защиту любимого Сова.

— Не глупи девочка. Ваши чувства остались в прошлом поверь мне. Возможно это горько осознавать, но теперь вы не опора друг для друга, теперь вы соперники, вынужденные порой взаимодействовать во благо ордена. Не забывайте о том, как он поступил ощутив угрозу, — мужчина кивнул в сторону поляны. — Когда-нибудь в ответственный момент он также предпочтёт тихо убраться прочь не вступая в бой, спасая свою шкуру. Это свойства одиночки. Думаю, вам есть о чём поговорить и без меня? — неожиданно предположил «рыцарь» и Света ощутила, что принуждение исчезло, они с Совой переглянулись, а её бывший наставник добавил: — К обеду вы должны быть в монастыре, у вас пара часов. Советую провести очищение.

— Сделаем. А где Седой? — взглянула на него Сова.

— Думаю его уже доставили на место. И… забудь о нём девочка. Он уже не тот кем был прежде. На вашем месте, я бы ему не доверял. Наши тренировки ломают людей. У кого-то

возобладает чувство долга, у кого-то эгоизм и жажда жизни. Его случай — второй. Но вы от меня этого не слышали, — добавил бывший наставник и быстро пошел прочь.

С его уходом пришла тишина. Подруги неспешно пошли следом за ним, не решаясь нарушить затянувшееся неловкое молчание. Каждая хотела рассказать слишком многое, и каждая не знала с чего начать. Обе винили себя в случившемся и чувствовали, что этот день останется в памяти навсегда.

Вскоре подруги вышли на очередную полянку, но эта не напоминала ту, на которой развернулись трагические действия. Она была небольшой, без подлеска, поросшая довольно высокой травой. Ветра не было, но в небе быстро неслись перемежаясь между собой то темные тучи, то низкие облака, между которыми нет-нет, а проглядывали чистые островки ясного неба и каким-то чудом постоянно светило солнце. И свет этот был странным: очертания даже далёких деревьев, казались излишне четкими, перенасыщенными цветовыми гаммами, пространство казалось как-то преломлялось создавая оптический обман зрения, делая всё вокруг каким-то нереальным.

Возле края поляны нашлись два толстых ствола поваленных корабельных сосен, напоминающих длинные скамьи, словно специально брошенных здесь для одиноких, усталых путников.

— Он прав, — нарушила затянувшееся молчание Сова. — Надо очиститься, — произнесла Сова и поймав удивлённый взгляд подруги, пояснила: — Разожжём костер, и у меня тут… — женщина полезла в карманы своей армейской камуфляжной куртки и достала оттуда небольшой рулон бумаги, наподобие тех что заправляют в факсы, но немного уже. Следом на свет появились два карандаша. — Надо насобирать хвороста. И побольше, — забыв пояснить свой дальнейший план произнесла Сова и направилась в сторону леса.

Ничего не понимая Света последовала примеру подруги и вскоре между двух поваленных сосен полыхал немалых размеров костёр, рядом с которым образовалась огромная куча хвороста. Пламя с радостью пожирало дрова, шипела закипая смола на брошенных в костёр свежих сосновых ветвях. Сова села на один из стволов и протянула подруге большой кусок бумаги и карандаш.

— Мы должны избавиться от злости, обид и чувства вины, — пояснила она. — Иначе они хуже любой порчи сожрут нас изнутри, и избавить нас от этого недуга никто другой не сможет — только сами. Лучше сделать это сейчас, чем ждать последствий, — смотря на буйно горящее пламя разглагольствовала женщина. — Смотри в огонь и вспоминай… хорошо бы с детства, но сейчас у нас нет на это времени, поэтому

давай начнём с нашей последней поездки в Патошино.

— Что вспоминать? — так и не поняла Света.

— Все моменты, когда кто-то тебя не так понял, что-то не так сказал или сделал, неправильно истолковал твои действия обвинив или осудив, пусть и не вслух, а взглядом или замеченной тобой мыслью. Всё это не проходит бесследно, оставляя свой отпечаток. Всё это записывай, никто кроме тебя это не увидит, так что не криви душой. На одну сторону чужие ошибки, на вторую сторону то что подумала, сказала или сделала не так по отношению к окружающим ты сама. Захочется плакать — плач смотря в огонь, боль уйдёт, придёт искупление. Мы не уйдём отсюда пока не напишем всё, что сумеем вспомнить до сего момента. Пусть опоздаем, пусть нам влетит, но мы должны это сделать, — завершила она и уставилась в полыхавшее перед ними пламя, словно дав безмолвную команду: «Начинаем!»

Сначала Света бессмысленно таращилась в огонь. Она честно пыталась припомнить что-то из обид, но будучи натурой незлопамятной, ничего припомнить не могла. Вместо этого в голову лезли события гораздо более ранние: странные исчезновения людей в деревне, поход в Костин дом, бабушка… бабушка против её воли заставила забыть её о многом и сидеть не выходя из дома до прибытия Маши. Первые строки легли на листок. Маша тоже заставила её забыть о произошедшем и о существовании чего бы то ни было неестественного для обычных людей, навязывая чуждый ей образ жизни в городе. И вновь список пополнился. Строки одна за одной ложились на бумагу. Тут оказались и события того позднего вечера, когда кто-то управлявший джипом сбил её возле озера. И разговоры медперсонала в больнице. Всплыли какие-то неудачные фразы Сергея, Семёна, Седого, Совы, Елены…

Света настолько вжилась в сопереживание минувших дней, что напрочь забыла о том, что последней уже нет в живых, и её смерть в немалой степени и на её — Светиной совести. Вспыли в памяти и неудачные обмолвки монахов, а уж наставнику была посвящена целая поэма. Параллельно всплывали и какие-то неловкие моменты, когда она по недомыслию осуждала или обижала окружающих, эти воспоминания так же занимали своё место на длинном бумажном свитке. В какой-то миг обида начинала буквально душить, подступая комком к горлу и застилая полыхающий перед глазами огонь пеленой слёз, но девушка продолжала изливать душу на лист ни в чём не повинной бумаги. Наконец-то на лист легли последние строки. Всё было сказано. И даже боль, вызванная смертью Елены как-то смягчилась, пришло осознание того, что в сложившейся ситуации

— это действительно было наименьшим из зол. Девушка в шоке уставилась на длинный, исписанный мелкими буковками лист. Она и предположить не могла, что где-то внутри сидит столько всего. Взглянула на Сову, но женщина не замечая ничего вокруг задумчиво смотрела в начинающий уже прогорать костёр.

Тихо вздохнув, Света ещё раз, уже вполне осознанно перечитала написанное и вдруг осознала: да, еще недавно всё это давило изнутри, а теперь казалось словно эти слова написаны кем-то другим, словно не пережито ею лично. Не было уже обиды, боли, злости или чувства вины. Света посмотрела на застывшую в немом ожидании подругу. Та демонстративно скомкала свой не менее исписанный лист и бросила в огонь. Пламя тут же схватило свою добычу, и лицо женщины как-то расслабилось, просветлело. Света повторила действия подруги и ощутила, как прошлое окончательно убрало свои грязные лапы от её души, оставив вместо негатива — покой, а вместо боли — пустоту, на место которой тут же начали всплывать светлые, радостные моменты жизни.

Как выяснилось они вполне вписались в график. Притоптав остатки костра по краям, чтобы он не дай бог не разошёлся без присмотра по сухой траве к лесу, подруги болтая о том и о сём направились в сторону монастыря. Единственное что всё же омрачало Светино настроение в этот момент, это новое чувство вины перед Еленой, за то, насколько же просто она приняла смерть подруги, во имя спасения себя и друзей. Однако Сова беспрестанно болтая, что раньше ей было несвойственно, не давала девушке сосредоточиться на чувстве вины. Впереди ждало многое, и их задача остаться чем-то цельным, единым, помочь друг другу в сложившейся непростой ситуации. Это, несмотря на кажущуюся внешнюю беззаботность они чётко осознавали. Вот только Седой почему-то никак не вписывался в эту картину ни в сознании Светланы, ни в мыслях любившей когда-то этого мужчину Совы.

Глава 13 Жестокая реальность

Маша проснулась с ощущением ломоты во всём теле. Складывалось ощущение, что она в одиночку перегрузила вагон картошки. Болело всё, даже те мышцы, о существовании которых она никогда не догадывалась. А вдобавок, измученное неведомыми нагрузками тело ещё и продрогло до костей. Кое-как пересилив неприятные ощущения, девушка села и непонимающе заозиралась по сторонам: рядом еле теплятся посеревшие угли прогоревшего костра, яркие звёзды непривычно ярко освещают всю округу, делая очертания окружающих пейзажей более чёткими и устрашающе мрачными. Ночной воздух необычайно свеж и пропитан запахом хвои.

Никого. Она одна. О том, как очутилась здесь — где это «здесь» находится? — она не помнила. Как всегда в последнее время, не понимая: явь это или сон? Казалось, что та далёкая жизнь в городе: учёба, работа — всего лишь видение. Но что тогда реальность? Словно из памяти вырвали кусок длиною в жизнь. Рука привычно метнулась к поясу. Сумочка на месте. И документы прощупываются. Различить, что там написано, при таком освещении затруднительно. Да и какая разница? Важнее, где она, и что делать дальше?

Тихо постанывая, она приподнялась и поплелась к заготовленной неподалёку куче хвороста. Если ходьба ещё как-то ей давалась, то наклон за ветками едва не заставил тело безвольно упасть на землю. «Да чем я таким занималась?» — недоумевала она. При каждом выдохе вырывалось облачко пара, холод всё глубже въедался в тело. Сотни вопросов крутились в голове, но руки, превозмогая боль, делали своё дело, и вскоре затеплился небольшой костерок. С появлением более яркого света Маша с недоумением уставилась на свои руки: под обломками ногтей засохла грязь, кожа потрескалась, загрубела. Такого она себе раньше не позволяла. Не для того, чтобы привлечь мужчин, они, если надо, всегда находились без проблем на одну ночь, а большего не желавшая связать себя обязательствами Маша и не искала. Просто её руки всегда были предметом гордости девушки, в первую очередь, перед самой собой, а также предметом зависти у знакомых женщин: нежная, гладкая кожа, красивые, словно сотворённые неизвестным талантливым скульптором, кисти. Форма ноготков очень удачная, в совокупности с тонюсенькими, едва различимыми кутикулами, они практически не доставляли девушке хлопот при маникюре. Довести руки до такого состояния ей не удавалось даже в период активных садовых работ на даче.

Это было, как минимум, странно.

Становилось всё холоднее. На горизонте занималась заря, на небе ни облачка. В траве зашуршали какие-то то ли насекомые, то ли грызуны, где-то дробно застучал дятел. Светало довольно быстро.

С появлением хоть какого-то света, Маша ещё раз осмотрела окружённую густым хвойным лесом полянку. Никаких вещей или признаков того, что она была здесь не одна. Солнце медленно выползало, светя, но абсолютно не грея, на траве поблескивали бусинки росы. Благо от быстро схватившегося и буйно разгоревшегося костра ощутимо полыхало обжигающим продрогшую кожу жаром. Отстегнув поясную сумку, девушка изучила её содержание: мобильника — не было, зато имелись россыпь купюр различного номинала, паспорт, права и банковская карта, выданные ей когда-то в полицейском участке…

— Значит, это не сон? — ни к кому не обращаясь, пробормотала девушка и вытряхнула всё содержимое сумочки на истоптанную траву. Взгляд тут же упал на ещё один паспорт. Открыв его, Маша уставилась на засунутые под обложку права, с которых смотрела Витькина фотография. — Он здесь? И где его носит? — окидывая взглядом негостеприимные окрестности, удивилась она и робко, без особой надежды, крикнула: — Вить!

Ответом послужила тишина.

Стоило немного отогреться, и желудок напомнил о себе голодными спазмами. «Да что ж это со мной? Какого чёрта я делаю в этой глуши? Без теплых вещей, еды и одна?» — недоумевала девушка. Так, в раздумьях, кое как превозмогая боль во всём теле, она подкидывала в спасительный огонь охапку за охапкой и вскоре поняла, что погода меняться не собирается, а дров почти не осталось. Надо было срочно пополнить запасы, ну и осмотреться, возможно, найдётся что-то съедобное или какие-то признаки жизни. Жутко хотелось зарыться с головой в мягкую постель, а лучше расслабиться в тёплой… нет — горячей… чтобы кожу жгло, ванне…

Мечты — мечтами, а холод и голод, как говорят — не тётка. Пришлось вставать и внимательно изучать всю округу. Дорожек или троп, кроме явно звериных, поблизости не обнаружилось. Зато нашлись залежи сухого валежника, откуда значительная часть веток перекочевала на поляну, там же обнаружились заросли черники и целый брусничный ковёр, в котором между мхом и листвой притаилась, замаскировавшись, семейка сыроежек. Ягоды только распалили аппетит, и, отломав от какого-то низкорослого кустарника относительно прямую длинную ветку, Маша поплелась к костру готовить нехитрый завтрак.

В другой ситуации есть полупрожаренные, местами обгоревшие, несолёные сыроежки она бы точно не стала, но сейчас они показались едва ли не шедевром кулинарного искусства. Однако быстро проглоченной пищи было мало для изголодавшегося по необъяснимым причинам организма, и, утолив первый голод, девушка решила поискать ещё что-нибудь.

По дороге собирая в рот пригоршни ягод, она углублялась в мрачный еловый лес. В котором, кроме непригодных в её положении солонушек, ничего не попадалось. Впереди виднелся просвет, и она направилась к нему. Лес здесь изменился: всё чаще вместо елей попадались сосны и ещё какие-то хвойные, но, самое главное, нашлись и сыроежки. Не хрупкие красно-розовые, что достались ей на завтрак, а плотные крепыши с толстыми ножками и светло-зелёными, местами сероватыми, шляпками. Росли они, в отличие от розовых сородичей, не семейками, а поодиночке, но один такой гриб мог смело заменить по объему всю её прежнюю добычу. В какой-то момент рук уже не хватило, пришлось снять ветровку и использовать её в качестве котомки. Метаясь от грибка к грибку, она старалась не потерять направление. Перспектива остаться в лесу без огня — не прельщала, а спичек или зажигалки у неё не нашлось, что опять же наводило на мысль о том, что здесь был кто-то ещё. Кто-то, у кого было всё необходимое, чтобы разжечь костёр. Вот только куда этот некто подевался?

Набрав во внезапно проснувшемся охотничьем азарте едва ли не под завязку грибов, Маша осмотрелась, проверяя — не заплутала ли? Обычно у неё не было проблем при ориентации по лесу, но чем бес не шутит? Как говорится: «Всё бывает в первый раз». Вскоре она разглядела знакомые ориентиры. Оказывается, она по большой дуге обошла поляну.

На пути ей попадались странные проплешины во мху, словно кто-то отдирал его куски. И это явно было дело рук человеческих. «Значит, люди здесь всё же бывают», — порадовалась она. Пробираясь дальше сквозь заросли, она вдруг замерла. Неподалёку на листве невысокого кустарника очень инородно смотрелись какие-то бурые подтёки. Подойдя ближе, она увидела такие же, точнее, более явные следы на стволе стоящей рядом сосны. Создавалось ощущение, что здесь освежевали какое-то животное. Видела она как-то в детстве, как режут свинью. Впечатления остались не из приятных, один только визг чего стоил, не говоря о фонтанирующей во все стороны крови из распоротой шеи. От этих воспоминаний у Маши озноб прошёл по телу. Но в то же время мелькнула шальная мысль: «А мяса-то как хочется… вдруг там что осталось?» Стараясь не испачкаться, она пробралась ближе, внимательно осматриваясь по сторонам. Не

хватало ещё попасться здесь в капкан или какую-нибудь другую ловушку. Одно радовало — животные так не убивают. Значит, предположение верно: пусть и редко, но люди здесь бывают. Мысли о том, что они могут быть опасны, ни на миг не посетили девушку. В голове крутилось: «Рано или поздно меня найдут, или сама выберусь из этой глухомани».

И вдруг взгляд зацепился за блеснувший во мху предмет. Подойдя поближе, Маша подняла знакомые до боли часы. Она сама их когда-то выбирала на Витькин день рождения, и даже к гравёру обращалась для нанесения памятной надписи. Прошло почти десять лет, а он так с ними и не расставался. Это казалось смешным. Время всегда можно было посмотреть в мобильнике, да и модель уже давно устарела, а он всё равно продолжал их носить. Странно, что теперь вот так бросил. Откуда-то всплыло ощущение неправильности происходящего, какой-то безысходной тоски. Однако Маша постаралась отбросить нехорошие предчувствия. «Он здесь был! Это важнее всего! Остальное… глупости, накрученные напуганным сознанием». Маша, поборов брезгливость, коснулась кровавого следа на сосне. То ли от предутренней росы он немного растворился, то ли в действительности был достаточно свеж. Девушка искренне сожалела, что никогда не увлекалась чем-то типа игры про индейца «Ясный Глаз», игроки которой со временем превращались в этаких Шерлоков Холмсов российского пошиба. Вопрос: «Почему он бросил её, оставив одну в глухом лесу?» — не давал покоя. К этому моменту она совсем озябла, да и желудок требовал внимания. Оглядевшись по сторонам, Маша запомнила место, мысленно пообещав себе вернуться и разобраться во всём позднее. В конце концов, возможно, он пошёл куда-то за провизией? Вернётся на поляну, а её нет. С этой мыслью она поспешила к успевшему прогореть костру.

Чуда не случилось, и Виктора в пределах видимости не обнаружилось. Вот только странное дело — на брюках и использованной в качестве котомки ветровке оказались следы впитавшейся крови. Были ли они раньше, Маша не помнила. «Испачкалась всё же», — с горечью подумала она и принялась раздувать едва теплящиеся угли. Зажарив часть трофеев, она смогла, наконец-то, наесться до отвала. Ощутив сытость и тепло от вновь заполыхавшего костра, девушка немного расслабилась.

«Возможно, он и сам не заметил, как слетели часы…» — крутя в руках находку, утешала она себя. Но чувство, что происходит что-то неладное, не отпускало. Не было последовательности событий в её воспоминаниях, только какие-то куски и обрывки. Вот она едет в Патошино, на улице зима, она

топит печь в промёрзшем насквозь доме. Потом она на море в доме Валентины, с ней Виктор, и тот… девушке пришлось напрячь память… кажется, Витя его Стасом звал. От воспоминаний о тех днях не успевшую толком отогреться девушку кинуло в жар. То, что она с Витей вышла за пределы дружеских отношений, понять можно, в конце концов, не впервой. Вспомнилась проведённая по пути к морю ночь в отеле. Правда, он тогда кукла-куклой был, но всё же. Да и столь сексапильного музыкантика на ночку-другую она охомутала бы без зазрения совести. Но! Они занимались этим вместе! Было стыдно это признать, но неоспоримо — ей это нравилось. Вопрос в другом: почему это устраивало Витьку? Пусть на её памяти он ни с кем постоянно и не встречался, корча из себя этакого… Казанову. Красавцем он не был, но обаяния у него не отнять. Суть в ином: он явно был собственником и вдруг с удовольствием разделил женщину с другим. Странно это. Да и следующие воспоминания опять обрывочны: какая-то дорога, психанувший музыкант сваливает на первой же попутке. Потом авария и жизнь в посёлке. А потом… потом она очутилась здесь. Одна.

Куда пропали воспоминания об остальном? Ну, там — на море, решив, что просыпается, она начала нелепо тонуть, и ребята могли выловить её, и увезти в бессознательном состоянии куда-то. Это ещё как-то, пусть и с натяжкой, объясняется. А в остальных случаях? Ведь она в это время что-то делала? Однако, как Маша не тужилась, ей так и не удавалось хоть что-то вспомнить. Махнув рукой на гиблую затею, она подбросила в костер веток потолще, чтобы он к её возвращению не прогорел, и направилась к тому месту, где нашла Витькины часы.

Поначалу поиски ничего не дали. Навыками следопыта Маша не обладала. Ей даже вспомнились чудные способности Клавдии: как та искала сотворивших нечто жуткое в доме Светкиного жениха. Да и сама она иногда нет-нет, да вытворяла какие-то странные, не поддающиеся рациональному объяснению вещи, вот только сейчас, как ни старалась, ничего не получалось. То, что друг ещё относительно недавно стоял на этом месте, очевидно, как и то, что пришёл со стороны поляны, а потом — ничего. Словно в воздухе растворился, не оставив следа.

В растерянности девушка бродила между деревьев, и вдруг на абсолютно гладком, без единой коряги, поросшем пушистым мхом пригорочке оступилась и упала, весьма болезненно подвернув ногу. Немного посидев, и без того измученная болью во всём теле девушка оперлась рукой о землю, пытаясь встать, и замерла. Кусок мха выскользнул из-под пальцев, открыв взору рыхлую, перемешанную с хвоей почву. Казалось, здесь кто-то

недавно рыл землю. Но кто? Зачем? И почему сверху… Девушка присмотрелась и поняла, что мох на взгорке не растёт, он недавно положен. Тут же вспомнились и странные проплешины, замеченные ранее в окрестностях. Чутьё что-то подсказывало, но что? Кривясь от боли, Маша скатилась со странного пригорка. От её неловкого движения довольно большой кусок мха вместе с грунтом сдвинулись с места, открыв взору высунувшийся из земли ботинок. Перепуганная девушка, не мигая, смотрела на находку и не решалась даже шевельнуться. Тело затекло от неудобной позы, а бьющееся в истерике сознание всё ещё отказывалось верить в то, чем на самом деле являлся этот ещё совсем недавно невинно выглядевший холмик.

Облизнув пересохшие губы, девушка, борясь с накатывающим волнами ужасом, потянулась к ботинку. Дёрнула, слабо надеясь, что это ошибка, её страхи преувеличены, и сейчас она узнает, что кто-то таким чудным образом избавился от надоевшей обуви… но ботинок крепко за что-то цеплялся, не желая выбираться из земли. Следующий рывок заставил её вскрикнуть. Находка-то поддалась, оставшись в её руках, но теперь из земли выглядывал не предмет гардероба, а мужская стопа.

Загоняемые вглубь сознания предчувствия обернулись пугающими фактами. Нервы начинали сдавать. Девушку била крупная дрожь, но она, не замечая ничего вокруг, уже раскидывала в стороны мох, разгребая руками рыхлую землю, из которой часть за частью вырисовывалось тело мужчины. Слабая тень надежды на то, что это хотя бы не Виктор, растаяла, когда дело дошло до кисти, на которой у друга после армии появилась наколка.

Маша, как ошалелая, продолжала копать. Она не знала, что будет делать дальше, но и оставлять друга здесь, вот так — на поверхности, куда не составит труда добраться лесному зверью — не могла. А в том, что это именно Витя, сомнений уже не было. Все чувства обострились, она понимала, что тот, кто это сделал, может оказаться поблизости, и тогда придёт её черёд, и так чудо, что она осталась в живых до сих пор. Когда эксгумация была почти завершена, и лицо убитого (а судя по разорванному горлу, усомниться в этом было невозможно) показалось наружу, девушку вырвало. Ещё каких-то пару часов назад она вспоминала о том, как эти губы ласкали её тело, с какой нежностью на неё смотрели эти припорошённые землей, обращённые к небу глаза.

Осматривать труп или обыскивать ей и в голову не пришло. Реальность превратилось в воплощение самых страшных кошмаров. Он был, по сути, её единственным другом, тем, кто терпел все её странности, прощал всё, в отличие от других, а с

каких-то пор стал ещё и возлюбленным. «Его больше нет», — эта мысль раненой птицей билась в сознании. Сквозь застилавшую глаза пелену слёз девушка разглядела поблизости какой-то сук и, используя его вместо чего-то среднего между ломиком и лопаткой, с остервенением стала вгрызаться в податливую песчаную почву. Позже работа осложнилась довольно плотным глинистым слоем, потом всё чаще под руки стали попадаться крупные булыжники, но девушка не останавливалась, пока на лес не начала опускаться тьма. К тому моменту она уже могла стоять, укрывшись по пояс от любопытных глаз, если бы такие нашлись, в рукотворной, в прямом смысле этого слова, могиле. Аккуратно, словно друг был не мёртв, словно любое неловкое движение смогло бы причинить ему боль, она опустила тело на дно. Не по себе было бросить первую пригоршню земли. В этот момент она окончательно осознала, что больше никогда его не увидит. К тому моменту, как на месте недавней ямы вырос внушительный холмик, луна уже вовсю царствовала в высоте, заливая окружающий мир холодным мертвенным светом.

Едва разбирая дорогу, Маша выбралась на поляну. Оставленный на долгое время костёр давно прогорел, спасли лишь крупные угли от оставленных на последок толстых ветвей. После пережитого и активной физической работы, холода девушка не испытывала, да и боль физическая отступила на второй план, уступив место душевной. Однако она понимала, что если не развести огонь, она к утру может замёрзнуть, если и не насмерть, то заболеет точно, а лечиться здесь, в глуши, негде.

Она, словно во сне, навалила на пепелище сушняка, разворошила угли, раздула огонь. Ей было в этот момент всё равно, заметят ли её убийцы Виктора. Жизнь потеряла смысл. Что у неё осталось? Из родных никого, не считая Свету, которую она и знала-то постольку поскольку. Всё. Никого. Фирма отца? Случись что-то с ней — Машей, и на их долю тут же найдутся неведомые доселе правопреемники. Квартиры? Если Света догадается… хотя нет… в любом случае, доказать их родство почти невозможно. Остаток ночи Маша провела в упаднических мыслях, хороня себя заживо и прощаясь со светлыми воспоминаниями из своей странной, донельзя недолгой жизни. Казалось, впереди больше нет ничего. Ради чего жить? Ради кого?

Утро подкралось почти нежданно, казалось, ещё недавно она бросала последнюю пригоршню земли на Витину могилу, раздувала костёр, а вот уже и птицы загомонили и туман поднялся. Бросив безразличный взгляд на собранные вчера грибы, девушка отрешённо констатировала факт: есть совсем не хочется. Подкинув на всякий случай ещё дров, она побрела к могиле друга

и возле холмика обнаружила то, что накануне не могла заметить из-за сгустившейся тьмы и слабо пробивавшегося сквозь кроны деревьев света луны: скомканный, немного заляпанный кровью клочок бумаги. Руки сами потянулись к находке, откуда-то пришла уверенность: это адресовано ей, это письмо с того света…

Первые же слова повергли девушку в шок. Хотя, казалось бы, куда больше?

«Маш, уже неделю ты сама не своя, точнее, я уже уверен, что это не ты. Ты не можешь быть такой по определению, я достаточно давно тебя знаю. Что-то мне подсказывает, что если ты не появишься со дня на день, то за свою жизнь я и гроша ломаного не дам. Не потому, что не ценю, а потому что знаю, что лишусь. В какой-то момент моя жизнь странным образом изменилась, мне даже вспоминались твои рассказы об излишне реалистичных снах. Вот и я в какой-то момент перестал понимать, где сон, а где явь. А тем временем ты была со мной. Я долго не понимал, что это не ты. Но после той поездки, когда умерла та пожилая женщина, что отдарила тебе каким-то чудом дом, я начал многое вспоминать и понимать. Мне было противно, жутко. Я столько сотворил, что даже рука не поднимается об этом писать. Да и не надо тебе этого знать. Теперь я понимаю: это всё она. Это не я вытворял те жуткие вещи, но от понимания того, что ты всего лишь инструмент, не становится легче. Как вспоминаю то, что творил по её воле в Патошино, застрелиться хочется. И ты должна знать — с теми, кто заказывал книги, она тоже разобралась моими руками. Как она узнавала, не знаю. Я, даже когда начал кое-что осознавать, ничего не мог изменить. Тело действовало против моей воли. Сейчас она спит. А я смотрю, и хочется убить эту тварь. Но теперь это невозможно, момент упущен. Это надо было делать там, в Патошино. Теперь она в твоём теле. Убив её, я убью тебя, а ты этого не заслужила. Я не смогу жить с этим. Надеюсь, ты вернёшься, и эта записка не пригодится, я верю, что ты что-нибудь придумаешь. Но если меня уже не будет, то я молюсь, чтобы этот клочок бумаги попал в твои руки. Спасай своё тело, иначе эта тварь доберётся и до твоей души. Она со временем становится сильнее, хотя в какой-то момент, тогда, после аварии, я начал верить в то, что ты победила, вот только, дурак, сказать тебе не додумался. Надеялся, что всё обойдётся. Не хотел пугать, ты и так постоянно выглядела растерянной. Не знаю, что тебе посоветовать. Выбирайся к людям, но будь осторожна. Она говорила, что на неё охотятся, и боялась. Уж не знаю кого, но если даже эта тварь испугалась, то тебе действительно грозит опасность. Она тащит нас в какую-то глушь, где на десятки километров ни одной живой

души. Кажется, просыпается. Потом допи…»

Больше ни слова не было. Но сказанного в посмертном послании было более чем достаточно. Многое встало на свои места. Видимо, Витины мольбы возымели действие, и его записка попала-таки в Машины руки, но девушка сейчас жалела об этом. Лучше бы он так же истово молился о том, чтобы дожить до этого момента и сказать всё лично.

Она не стала возвращаться к костру. Надо уходить. Она не знала, куда, и подсказать было некому. К тому моменту, как солнце оказалось в зените, запыхавшаяся от быстрой ходьбы девушка услышала доносящийся откуда-то звук ручья. Истосковавшееся по воде тело (ягоды всё же не питьё) само понесло ноги в нужном направлении, и вскоре девушка с наслаждением припала к ледяному живительному роднику, обнаружившемуся на берегу полноводного ручейка. Всплыли в памяти чьи-то слова из далёкого детства: если потеряешься в лесу, ищи ручей или реку, она приведёт тебя либо к населенному пункту, либо к большому водоёму, где наверняка тоже найдётся хотя бы небольшой хуторок. А там уж люди подскажут, куда идти. Так Маша и побрела, пытаясь ни о чём не думать, потому что от тех мыслей, что роились в голове, хотелось тут же покончить жизнь самоубийством. Вот только останавливала девушку не любовь к жизни, а понимание того, что надо уничтожить Варвару. Если понадобится, она была готова сделать это ценой своей искорёженной жизни, главное, не допустить ошибки. Кто знает, на что способна ведьма? Если она с такой легкостью захватила Машино тело, то что помешает ведьме найти иную жертву?

Глава 14 Живая нежить

Семён наблюдал за тем, как Катерина молча считывает из сознания музыканта новые варианты развития событий. «Картина» с подключением новых переменных в виде Семёна и Катерины изменилась. Однако для отключившегося вскоре Станислава она осталась прежней: любимой грозила опасность, и он мог что-то изменить. А вот для Катерины и Семёна всё было иначе: в случае их появления Светлана оставалась в живых. И остальное не имело значения. Благо парень не осознавал криминальности своей роли в предстоящих событиях и посему не противился, с лёгкостью приняв условие: «хотите — поезжайте со мной, главное, денег на дорогу дайте».

Станислав на удивление спокойно отреагировал на то, что новые знакомые столь активно взялись за дело и, к тому же, невероятным образом угадали примерное направление поисков, которое он и сам смутно ощущал, но объяснить, почему его тянет именно туда — не мог. Возможно молодой человек по натуре был слишком пассивен, но Семён это относил к какому-нибудь не афишируемому таланту Катерины, однако женщина упорно делала вид, что не при чём. Но это было и не важно. Главное, парень добровольно принимал их участие в поездке, не допуская мысли о том, что у них имеется личный интерес.

Заказ билетов на самолёт в ближайший к предполагаемому месту аэропорт много времени не занял. Вылет планировался через три дня в вечернее время. А вот с арендой внедорожника, без которого, судя по отзывам о дорогах, не обойтись, пришлось повозиться. Сайт фирмы, специализирующейся на прокате авто, в нужном городе нашёлся всего один. Возможно, имелись другие фирмы, но информации о них, кроме телефонов, не было, а это не внушало доверия. Но и на найденном сайте даже фотографии выложить не удосужились. Информация имелась довольно подробная: название марки, модели, год выпуска, тип автомобиля (грузовой, автобус, джип, минивен, седан), тип топлива (газ, бензин, дизель), его расход и цена аренды за сутки. Плюсом было и то, что имелись данные о наличии конкретной машины на определённую дату. В итоге выяснилось, что с пользующимися спросом внедорожниками у фирмы проблемы: их немного, и они постоянно разобраны. На день прилёта имелся всего один — фирмы IVECO, стоил он баснословных денег, но, за неимением выбора, пришлось бронировать его.

Ранним утром самолёт приземлился в нужном городе. Первым, что ощутили гости, был холод. С каждым выдохом перед

лицом возникало облачко пара. После затянувшегося лета в Питере, где в августе обычно гораздо холоднее, нежели в этом году, здесь пришлось порадоваться предусмотрительно взятым с собой свитерам и курткам. На улицах ни души. Исключением были лишь немногочисленные пассажиры авиалиний и таксисты. Последние гнули цены нещадно, даже по питерским меркам. Поняв, что торговаться бесполезно, товарищи, заплатив втридорога, добрались до центра проката автомобилей.

Предоставленный фирмой «внедорожник» шокировал: не просто внедорожник, а самый настоящий армейский броневик. Не факт, что он бронированный, но было ясно, почему за него ломили такую сумму: можно было не сомневаться — этот «танк» грязи не боится и пройдёт где угодно. Семён помнил эти броневики ещё по афгану. IVECO был излишне громоздким, габаритами подходил для каких-нибудь инкассаторских служб, а возможно, в далёком «российском» прошлом и служил этим целям. «Гражданская версия?» — предположил он, хотя в голове не укладывалось, кому в личное пользование нужен такой громоздкий угловатый монстр.

Машина когда-то была выкрашена в чёрный цвет, но сейчас представляла жалкое зрелище. Нет, прочный даже с виду металл не был покорёжен или изъеден коррозией, но краска то тут, то там облупилась, как и некогда имевшаяся на небольших боковых стёклах тонировка по большей части уже слезла. Про салон вообще говорить не приходилось: от роду весьма аскетичный, он теперь встречал пассажиров затёртыми до дыр, обляпанными тканевыми чехлами на сиденьях, многострадальная приборная панель сохранила следы тушения бычков. Но выбора не было — пришлось смириться. Да и остальные легковушки и забронированные кем-то джипы выглядели ещё менее презентабельно.

Ближайшее одноименное с искомым поселение находилось в пятидесяти километрах от аэропорта. Садясь за руль, Семён полез за навигатором и натолкнулся взглядом на выключенный со вчерашнего вечера мобильный.

— О! Непринятых море. Прямо-таки и отлучиться нельзя, один вечер и… — почёсывая затылок, он просматривал список не дозвонившихся. — Кать… прочти-ка, — протянув спутнице мобильник, произнёс он, а сам достал навигатор и начал забивать туда какие-то координаты.

А среди сообщений нашёлся текст следующего содержания: «фигурантка закрытого дела была замечена в аварии…» — дальше следовали дата и координаты происшествия. Ох, и полезны Катины таланты, — подтверждение о правильности

выбора аэропорта прибытия воодушевило Семёна. Девушка на одном месте всё это время не сидит, это понятно, однако и нужное направление на территории неимоверно большого района определить теперь было несложно. Да, посёлок с искомым названием в тех местах имелся. «Главное, оказаться где-то поблизости», — немного раньше объяснила ему Катерина, — «а ситуация нас сама найдёт, иначе и музыкант не видел бы исхода с нашим участием».

— Жди нас здесь, — понизив голос, обратилась Катерина к музыканту и, поманив Семёна за собой, вышла из машины. — Ну, вот видишь, наша полиция на что-то способна, — отойдя немного в сторону, произнесла она. — Пусть и с опозданием почти в месяц…

— Именно! Как можно месяц не знать об этом? — стоило им избавиться от лишних ушей, возмутился Семён. — Сведения по базам сразу должны были пройти!

— Думается, не их это вина, а вполне планомерная нерасторопность местных.

— Да бред! Авария — это епархия ГИБДД! Не отреагировать они не могли! Это не пьяная драка в кабаке, где ментам взятку сунули, и всё забыли. Там же страховка и прочая дрянь, — воззрился на неё товарищ.

— Ну… мало ли с кем та авария была и с какими последствиями, — с сомнением произнесла женщина. — Если какой авторитет виноват был или сыночек оного, то дело бы вообще не всплыло, точнее, скорее бы тело Светиной сестры всплыло.

— Да в неё ж, по Светкиным словам, ведьма вселилась сильная… что ей сделается-то?

— Хоть тысяча ведьм, от пули нет защиты… — женщина как-то смутилась и добавила: — ну, я о таком не знаю, по крайней мере. Так что, если дело, пусть и с задержкой, но всплыло всё же, то, скорее всего, в форме, далёкой от реалий. Иного объяснения я не представляю. А так… пока следы замели… хотя… могла и ведьма заставить их забыть, но тогда… значит, кто-то необработанный остался. Главное, зона поиска сузилась.

С этим спорить было сложно. Да и относительно всего остального Катерине, как бывшей жене криминального авторитета, да и ведьме к тому же, лучше знать.

Семён всё же решил позвонить полицейским, ведущим дело Светы, может, было что-то ещё, что они не стали писать? Так и выяснилось, что счастливое стечение обстоятельств всё же имело место: участвовавшая в аварии машина была арендованная, и не где-то, а в той фирме, с парковки которой товарищи и выехать-то

не успели. Недолго думая, они решили разузнать подробности у сотрудников, пусть и косвенно, но связанных с происшествием.

В кабинете менеджера узнать кое-что удалось, но мало, а вот у находившегося в этот момент в офисе управляющего информация была поинтереснее. Сдаваемые клиентам машинки на самом-то деле имели чёрное прошлое: были угнаны в соседних регионах. Номера основных агрегатов перебиты, и прочие концы в воду вроде как канули, но вот отсвечивать их в официальных сводках ГИБДД никто желанием не горел. Точно так же, как и попавшая в аварию девица, которую они почему-то (вот действительно — почему?) никак не могли описать, не горела желанием фигурировать в подобных отчётах. Присутствовавших на месте аварии постращали на прощание, чтобы помалкивали. И… чем дело кончилось, никто так и не вспомнил: то ли девица компенсировала ущерб, то ли чем пригрозила? Вроде и времени немного прошло, а всё из памяти начисто выветрилось. Катерина могла и глубже копнуть, но не стала тратить время и силы. Достаточно было и полученной информации.

Однако кто-то всё же сообщил о происшедшем в органы. Причём анонимно. Нагрянула проверка, машину каким-то образом обнаружили, выявилось и тёмное прошлое большей части автопарка компании, но вроде как взятки всё разрулили. Дело не завели, в отчётах речь шла только об аварии, но, за неимением пострадавших, всё съехало на тормозах. Управляющий успел забыть об инциденте, а тут заезжие начали ворошить былое, да ещё и соврать не удалось, и его это явно пугало. Благо Катерина, чтобы никто ни о чём не вспомнил впоследствии, под конец разговора дала короткую установку: «Прошлого разговора не было…», и сменила тему на неудовлетворительное качество предоставленной им автомашины. Это, очевидно, и должно было запомниться.

— Зато этот монстр ничего не боится. Полный привод, клиренс сказочный, а резина какая! Армейская! Он даже бронированный, — гордо добавил управляющий. — Тут не везде спокойно, хоть о том в ваших столицах и не знают. Кой-кому эта ласточка, можно сказать, жизнь спасла, — соловьём заливался он, не обращая внимания на недоумение в глазах клиентов. — Правда, пару стёкол всё же пришлось заменить на обычные. Ой… да что ж это я? Да вы не бойтесь, у нас не так уж плохо. Но случается… м-да… а был у нас вот тут случай…

От болтливого управляющего еле избавились. Применять свои таланты повторно Катерина почему-то не возжелала. Выйдя из офиса, товарищи посовещались, всё же в машине свободно поговорить возможности не будет, так как не посвящённый в

истинное положение дел Станислав мог спутать все планы.

Маршрут наконец-то был проложен: триста восемьдесят километров. Не смертельно, но и приятного мало. Семён до последнего надеялся, что искомое место окажется в ближайшем к аэропорту населённом пункте с нужным названием.

Порой Семён задавался вопросом: почему он готов пожертвовать всем ради этой девчонки? Да, симпатичная, но не более того же? Физического влечения она, хоть убей, у него, как у мужчины, не вызывала, скорее, стремление защитить от всего мира. Но когда оно было, то стремление? Не так давно они знакомы. И большую часть времени проводили, по уши увязнув в дела, почти не общаясь. Да, Света открыла для него неведомый мир, проявила феноменальные, по меркам обычного человека, способности, но сколько их, таких, после неё было? Рук не хватит, чтобы перечесть. Ай, нет, не выходит этот маленький котёнок из головы. Почему-то именно с этим милым и потешным зверьком ассоциировалась девушка. Не давала покоя мысль, что ей нужна его помощь. Бесило бессилие, невозможность найти её. И вот внезапно предоставляется шанс поучаствовать в финальной, возможно, сцене Светиной жизни и что-то изменить. Не зря же судьба свела их с этим музыкантом? Не случайно же парень до сих пор не осознал свой дар, а рядом, как нельзя кстати, очутилась сумевшая во всём разобраться Катерина? Всё это он понимал и не понимал одновременно. В судьбу, рок, предназначение он никогда не верил. Хотя… раньше он во многое не верил. Встреча со Светой переломила многие глубоко засевшие в практичном мозгу стереотипы.

Проехав через полгорода, они выскочили на ведущую в нужном направлении трассу и первые километров семьдесят летели по вполне приличному дорожному покрытию, поражаясь описанным в интернете ужасам. Однако стоило трассе отклониться от маршрута, и навигатор повёл их второстепенными дорогами, где гостям в полной мере довелось прочувствовать все прелести местных дорог. Правы были те, кто советовал брать внедорожник. Солнце уже вовсю светило, но тепла не добавляло, зато изъеденный выбоинами асфальт поблёскивал бесконечными лужами, в глубинах которых скрывались коварные ямы, попадая в которые, пассажиры непроизвольно клацали зубами, то и дело прикусывая то щёки, то языки. Семён уже сбавил скорость до двадцати километров в час, но легче от того не стало. Вскоре началась грунтовка, и внедорожник, утробно рыча и переваливаясь с боку на бок, терпеливо преодолевал глубокие рытвины, то и дело попадая в глубокие наезженные колеи.

Населённых пунктов по пути попадалось на удивление мало,

по мере удаления от города и заправки уже почти не встречались, что весьма взволновало путешественников. Добравшись до очередной, товарищи заправились под завязку и в имевшемся здесь же магазине прикупили несколько двадцатилитровых канистр, заполнив и их. Но для этого прожорливого «бронтозавра», как обозвала внедорожник Катерина, этого топлива, что слону соломинка: так… на один зуб. Там же обнаружилась и небольшая, затрапезного вида забегаловка, хотя и заправка с магазином выглядели немногим лучше. Перекусив не первой свежести заветренными бутербродами и мутноватой бурдой под гордым названием — кофе, путешественники жутко пожалели, что не додумались затариться в городе продуктами. Та же колбаса, хлеб и молоко совершенно не помешали бы. Но здесь даже в магазине, кроме лимонада, сигарет и шоколадок, купить было нечего, так что пришлось довольствоваться тем, что есть, и молиться о том, чтобы это был не последний оплот цивилизации на их пути.

Дорога, как назло, стала ещё хуже, хотя, казалось бы: куда уже? К вечеру, порядком проголодавшиеся и уставшие, они достигли небольшого населённого пункта. Ни отеля, ни кафе или баров здесь не наблюдалось. Перспектива ночевать в машине не радовала, и Семён решился постучаться в один из домов.

— Чо надо? — выглянул из-за калитки плюгавенького вида мужичонка в засаленном ватнике и самокруткой в зубах.

— Извините, что потревожили, — опешил от такого приветствия Семён. — Мы здесь проездом и…

— Ну, так и катите себе… — огрызнулся мужичок и собрался уходить, но, видимо, Семёна это зацепило, и он решил так просто не сдаваться.

— Стойте, — рявкнул он, и в голосе прорезались командные нотки. Мужик, как ни странно, встал, как вкопанный, вот только в обращённом к непрошеному гостю взгляде ничего хорошего не читалось. — Нам всего-то переночевать бы где-нибудь, — и не подумал пугаться Семён, а тем временем из дома на шум вывалилась здоровенная бабища и, уперев руки в боки, грозно гаркнула:

— Петя! Где тя носит, мать твою?

Мужичонка тут же спесь потерял, стушевался и сгорбился пуще прежнего.

— Хозяйка, — игнорируя бывшего собеседника, крикнул Семён. — У вас трёх коек лишних не найдётся? Мы заплатим!

Этот аргумент тут же возымел действие. Бабища запричитала, подгоняя муженька, чтоб тот поскорее дорогим гостям ворота отворял. Дом был большой, с просторными комнатами и

высокими потолками. Внутри хоть и бедненько, но чисто и уютно. Наскоро обговорив условия, довольная хозяйка спровадила муженька растопить баньку, проводила гостей в комнаты, принесла постельное бельё.

— Уж извиняйте, впрок не готовила, — причитала она промежду делом. — Сейчас картошечки поставлю, соленья достану. У нас своя корова, так что, если не побрезгуете, угоститесь сметанкой, молочком, творожком…

Вот уж не ждали горемычные путешественники такого тёплого приёма, после той встречи. Деньги творят чудеса. Однако Катерина расслабляться не собиралась: и защиту какую-то на их нехитрый скарб нашептала, и мужикам за столом пить строго-настрого не позволила. Однако то ли её наговоры помогли, то ли зря она на хозяев напраслину навела, а ночь прошла без эксцессов. А наутро выспавшиеся на мягких, жарких перинах гости постоловались «чем бог послал», как выразилась хозяйка, распрощались и продолжили путь.

— Душевные здесь люди, — с блаженной улыбкой растянувшись на заднем сиденье, произнёс Станислав.

— Ага, не то слово, — с ехидцей в голосе поддакнула Катерина, — как вспомню, сколько Семён им бабла отслюнявил…

Дороги поражали своим кошмарным состоянием. «Вот где тест драйв внедорожникам проводить надо!» — не выдержал как-то бессменно сидящий за рулём Семён. За весь день им попалась всего одна заправка, да и та всем своим видом орала: «Назад в прошлое! Да здравствует СССР!», к тому же оказалось, что и с топливом проблемы, налили им ведёрко из-под полы, так сказать. Бронированному монстру этого надолго не хватит, пришлось сливать всё из закупленных ранее канистр. «Не местечко, а дыра!» — как высказался Станислав. И действительно, здесь даже забегаловок не было. К счастью, хозяйка, у которой ночевали, собрала им снеди в дорогу с избытком. Оголодать в ближайшие дни не должны, и ладно.

Уже стемнело, когда товарищи свернули на изъеденную глубокими колеями узкую просёлочную дорожку с глубокими канавами по бокам. Вскоре вдали показались огни разыскиваемого населённого пункта. Уставший от бессменной тряски по бездорожью Семён уже предвкушал, как договорится опять с кем-нибудь и… ну, ладно, пусть и без баньки, но горячая еда и мягкая постель затмевали всё. Однако стоило приблизиться к первым домам, как случилось неожиданное: раздался ружейный выстрел, и скрежетнула по бронированному металлу машины отрикошетившая пуля.

— Вот тебе, бабка, и Юрьев день, — пробормотал Семён и,

нажав на тормоза, попытался рассмотреть, что происходит впереди.

— Управляющий был прав: здесь неспокойно, — поёжилась Катерина.

Не знающий о том, что внедорожник — бронированный, Станислав вжался в сиденье и испуганно таращился по сторонам не произнося ни слова.

Тем временем на освещённый фарами участок дороги начали выходить люди. Стоило вглядеться в их лица, и становилось не по себе. Слепой фанатизм, готовность выполнить что-то даже ценой собственной жизни. Вот только что? Чем «случайные» проезжие успели кому-то здесь насолить?

— Валим, — процедила сквозь зубы Катерина.

Семён и без её команды уже подтыкал заднюю. Джип, утробно рыча, подался назад, вот только колеи и глубокие канавы вдоль узкой дороги не давали возможности развернуться, а света габаритов было недостаточно для совершения рискованных манёвров. Застрять рядом с обезумевшей толпой, проверяя и далее прочность брони, не хотелось. Так и ползли до самой развилки. Пули и патроны уже не раз чиркали по корпусу и обращённому к обезумевшей толпе лобовому стеклу, а похожие на зомби из фильмов ужасов жители посёлка, вооружённые кто лопатой, кто вилами, неотвратимо приближались.

— Ты до сих пор не понимаешь, почему об аварии узнали с опозданием? — съязвила явно нервничающая женщина.

Семёну было не до разговоров. Развилка была уже рядом, и вдруг о капот что-то разбилось. Всю морду машины охватило пламя, хорошо ещё, что стекло не зацепило.

— Мать вашу, — только и смог процедить ослеплённый огнём водитель, из-за отсветов и густого чёрного дыма видимость на пути к отступлению ухудшилась, а впереди вообще ничего не было видно. — Надеюсь, броня нормальная…

Видел он когда-то, как легированная сталь плавится под зажигательными смесями. Простым напалмом-то её не прожечь, а вот с примесями марганца или… Думать о том, что вскоре, возможно, придётся встать перед нелёгким выбором: выскакивать на растерзание толпе или взорваться — не хотелось.

— Может, ну их нахер… напролом? — подал голос перепуганный музыкант.

— Я не могу, — едва слышно прорычал Семён, который был всё же врачом до мозга костей.

Закладывающий уши грохот, и подпрыгнувший многотонный внедорожник едва не угробил не готовых к таким поворотам судьбы пассажиров. Семёну тут же припомнились годы службы в

горячей точке. Он готов был руку дать на отсечение, что это граната. «Да что ж тут творится-то? Это ж уже война какая-то…» Хвалёный автомобиль пока держался. Очередной взрыв выбил одно из стёкол, очевидно, то самое, что когда-то было заменено. В салон машины ворвался удушливый, едкий дым от нежелающего до сих пор тухнуть капота. Машину дёрнуло от столкновения с колеёй на перпендикулярно идущей дороге. Семён вслепую вывернул руль и рявкнул, мельком глянув на Катерину:

— . Открой окно, глянь, что с дорогой… тут стреляют…

В машине было жарко от неугасающего на капоте огня. В открытое окно повалил густой дым, но женщина всё же высунулась.

— Чуть поворачивает вправо… ой, влево… тьфу ты… — выругалась Катерина и показала направление рукой.

Семён, прислушиваясь к машине, пытался определить, правильно ли держит курс, и гадал: «Что ж они бросили? Горит как термит? Нет, нереально! Пирогель? Но откуда он здесь? Хотя… много ума не надо, чтоб сделать. Вот гранатам тут точно делать нечего и пистолетам тоже! Ладно, ружья у охотников могли быть, но…» Очередной взрыв оборвал его мысли. Катерину отбросило взрывной волной на колени водителя. «Хорошо хоть, рвануло с другой стороны» — как-то отрешённо подумал Семён. Женщина же тем временем переползла на своё место и, обтерев рукавом кровящие порезы на лице, подняла спасительное стекло.

— Иди ты со своими идеями! Этот монстр — внедорожник или нет? — зло выкрикнула она и, как ни в чём не бывало, стала изучать пострадавшую часть лица в откуда-то взявшемся зеркальце.

«Вот и как их понять, этих женщин? Нас убить пытаются, а она царапины изучает…» — продолжая пробираться на ощупь вперёд, подумал Семён, передёрнул плечом и прибавил газу. «Была, не была!» — испытывать и дальше прочность брони не хотелось. Конечно, видел он эти машины в деле и то, как они, на фугасе подрываясь, спасали жизнь экипажам, но там-то, ясен пень, броня в полном фарше была, а тут бабка надвое сказала. Гражданский вариант всё же. Пусть до сих пор «машинка» и показывала себя исключительно с положительной стороны, но всё не вечно, и дожидаться критического момента желания не было. Со скоростью пламя несколько улеглось, и дым разогнало, открывая взору раскалённый докрасна металл капота. Но главное, видимость улучшилась.

Неожиданно из прилегающих к дороге кустов вырвался сноп света, а следом за ним, с неприметной тропинки, выскочил

мотоцикл. Семён вильнул было рулём, желая избежать столкновения, вот только заметившая неладное Катерина оказалась с ним не согласна и быстрым движением руки спровоцировала столкновение. И как оказалось — вовремя! Сидевший сзади держал на плече здоровенную… трубу? Нееее… эта «дура» была далеко не так невинна. А понял это Семён, потому что выстрелить мужик всё-таки успел. К счастью, своевременный удар сбил направление, и неслабый взрыв прогремел неподалёку, но всё же в стороне.

— Тормози! — как резаная, заорала Катерина.

Ничего не понимая, Семён нажал на тормоза.

— Станислав, глянь, есть там живые? Если есть, тащи сюда, — распорядилась женщина, и парень, несмотря на явно испуганный вид, послушно выскочил из машины, а спустя меньше чем минуту втянул на заднее сиденье постанывающее окровавленное тело.

И тут за их спинами показались многочисленные огни фар. «Погоня, мать вашу…» — выругался Семён и, насколько это было возможно для военного антиквариата, рванул прочь.

То ли у местных транспорт был получше, то ли наступающие хорошо знали дороги, но расстояние между беглецами и преследователями неумолимо уменьшалось. А в какой-то момент и на горизонте появились встречные огни. Вот только совсем не верилось в то, что за весь день им в пути, максимум, одна машина встретилась, а тут, на ночь глядя, флешмоб собрался не по их души. Недолго думая и едва ли не впервые в жизни искренне помолившись, Семён свернул в поля. Бронтозавр даже не заметил, как миновал относительно неглубокую в этом месте придорожную канаву и рванул по целине. Несколько машин последовали за ними.

Прошло уже больше часа безумной гонки по бездорожью. Вполне проходимые луга сменились негустыми подлесками, потом началась поросшая редкими клочками кустарника холмистая равнина. Наблюдать за происходящим стало сложнее: одно зеркало срубило «пролетавшим» мимо деревом, от которого Семён чудом увернулся, второе загнулось так, что в самый раз на себя любоваться. Но стоило повернуться, и стало ясно: преследователи не отстают, но вроде и не приближаются, что тоже неплохо.

— Вот чёрт… выиграет тот, у кого топлива больше… — пробормотал он, с опаской поглядывая на датчик топлива.

Минут через сорок они с облегчением поняли, что выиграли это соревнование: огни преследователей скрылись в ночи. Вот только останавливаться явно не стоило. Что помешает этим

маньякам дойти и убить беглецов? К сожалению, ещё минут через пятнадцать их баки окончательно обсохли и, рыкнув пару раз на прощание, спасший их жизни бронтозавр встал, словно вкопанный, в редком хвойном лесу. Огонь к тому времени уже потух, напоминая о себе не успевшим ещё остыть светящимся пятном раскалённого металла.

— И что теперь делать? — ударив кулаком по рулю, буркнул Семён.

— По любому, ночевать здесь, а потом пешочком куда-нибудь. Куда б мы ни пошли, суть одна — там и будет, но есть нюанс: в том месте должно быть озеро. А ещё… музыкант, слез бы ты с этого, а то придушишь, нам бы ещё поговорить с ним.

Ничего не понимающий Станислав наконец-то отклеился от сиденья, где, по сути, лежал в обнимку с подобранным на дороге раненым мужиком. Катерина же, несмотря на комплекцию, довольно бодро перебралась на заднее сиденье, взглядом указав музыканту, что он здесь лишний, и парень послушно вышел из машины. Начался допрос…

Глава 15 Возвращение к жизни

Провести допрос полумёртвого, страдающего от многочисленных переломов, ушибов и внутренних кровоизлияний человека было не так-то просто. Катерина первонаперво решила немного «подлатать» пленного. Эти действия окончательно ввели в ступор непонимающего, что происходит, но с любопытством поглядывающего на странные манипуляции женщины музыканта. Катерина, заметив его удивлённое лицо, маячившее за окном машины, вздохнула и вышла на улицу. Пришлось временно отключить его, мало ли чем аукнется для того впоследствии полученная информация.

— Помоги, — подозвала она Семёна. — Нашего клиента на травку, а этого, — она кивнула на музыканта, — в салон обратно затащи. А то замёрзнет здесь ещё…

И в этом она была права. Хоть в машине и было выбито одно небольшое по площади стекло, и внутри уже становилось достаточно прохладно, но хотя бы пронизывающий до костей ветер не завывал, норовя выкачать последнее тепло из неудачливых путешественников. Пока тягал бесчувственные тела, Семён успел немного согреться.

Спустя полчаса весьма утомлённая женщина умудрилась-таки привести камикадзе в чувства и, удерживая в нём последние капли жизни, обезболить для возвращения ясности мышления. И тут же пришлось ещё и обездвижить эту поломанную массу живой плоти, ринувшуюся, несмотря на травмы, завершить своё грязное дело. Мужчина лежал на траве и, ощущая свою беспомощность, только зло сверкал глазами. Как и предполагалось, говорить «по-хорошему» он не захотел, и Катерина, тяжело вздохнув, заговорила уже знакомым низким голосом. Результат не заставил себя долго ждать: пленный запел соловьём.

А дело было так. Около трёх недель назад возле их посёлка произошла странная авария. То есть, в самом факте ДТП на том месте ничего удивительного не было, такое случалось порой: то по пьяни кто-то в поворот не впишется и в дерево влетит, то переоценят свои водительские таланты или характеристики автомобиля в дрифте. Но в данном случае странностей было хоть отбавляй, не окажись «пленный» в числе первых оказавшихся на месте происшествия — многого так и не удалось бы узнать.

В тот день, будучи егерем, он ехал по своим делам в посёлок и стал первым из очевидцев. Он помнил, как набирал номер участкового, как бежал к начинающей уже загораться машине, как дал команду пригнать кого-нибудь из медиков, как вытащил из

машины два тела. Девка, которая была за рулём, вроде как вполне жива оказалась, только в шоке, и вскоре из-за стресса ушла в отключку, а вот пассажир был явно не жилец: лёгкое проколото, дыхание тяжелое, хриплое, пульс уже тогда еле чувствовался.

К тому моменту, как приехали фельдшера и участковый, джип уже догорел, девица всё ещё лежала в отключке, на парне единогласно поставили крест. Семёныч, так звали их участкового, схватился за голову, ему не хватало ещё и трупа на своём участке. Хранить тело негде, как, собственно, и виновницу аварии содержать тоже. Каморка из двух крохотных комнатушек, гордо зовущаяся «участком», располагалась в здании давно не работающего управления, и помещений для содержания преступников под стражей предусмотрено не было. Раньше как-то и поводов для этого не имелось, ну, набьют изредка мужики по пьяни друг другу морды, или муж с женой поцапаются, ну, вызовет их Семёныч, пожурит, постращает, на том и конец истории. Да и кому буянить-то? Некогда крупный посёлок вырождался. Остались почти одни старики, а все, кто помоложе, давно подались в город.

Вот только, пока местный представитель правопорядка горевал, а медики, глядя на пострадавшего пассажира, разводили печально руками, очнулась девица, вот дальше странности и начались.

Перво-наперво кинулась она к лежащему на носилках парню и, растолкав эскулапов, давай какие-то неведомые пассы выводить над его телом. Никто ей не препятствовал, хоть и не подозревали: чем всё кончится? Парень всё равно был не жилец, и помочь в таких условиях ему было нечем. И… о чудо! Он в какой-то миг вздохнул полной грудью, закричал от боли, выгнувшись дугой, а потом опал на землю. Все думали: всё, нет хлопца, ай нет. Медики-то девицу оттащили, собрались смерть освидетельствовать, вдруг присмотрелись: дышит! Пульс проверили — ровный, откинули наброшенное на тело пострадавшего покрывало (им же, егерем, и брошенное), а там только следы от крови, ни раны, ни шрамов! Словно у всех галлюцинации были. А потом девица вдруг подала голос, да такой повелительный, что все без исключения подошли к ней. А та, знай, вещает о том, что они ничего не видели: да, мол, авария была, но пострадавших нет, и им, мол, надо где-то остановиться на время.

Дальше, судя по всему, все свидетели и вправду забыли о случившемся. Одна из фельдшериц предложила молодым людям погостить у неё. На том и разошлись, а машину они вместе с

участковым уволокли трактором вглубь леса, предварительно скрутив номера и утопив их в небольшом, заросшем ряской пруду на краю посёлка. Что дальше было с машиной, егерь не знал. Прожили «гости» в посёлке недели три. А ранним утром накануне все как один, включая малышей и стариков, проснулись и, сами не понимая, зачем это делают, кто в чём был (а некоторые и голышом), направились к дому фельдшерицы. На пороге встретила их та самая девица и странным таким голосом говорит: «Сон дурной мне приснился. Ухожу я. Любого чужака, что явится в ваше селение после моего ухода, вы убьёте. А потом все покончите с жизнью…»

— И такой у неё при этом вид довольный был, — продолжал мужчина, — словно у кота, что смотрит на миску сметаны в предвкушении. Ну, и кинулись мы искать, что у кого в наличии есть для выполнения задания…

Ну, а дальше рассказа-то и не было. Мол, до темноты ждали, а тут фары на горизонте. Покамест не поняли, что это кто-то чужой, не трогали, а потом каждый пытался опередить других и отличиться.

— Так это что же выходит, они там… — Семён махнул в ту сторону, откуда они ехали, — не просто обсохли и метаются с мыслью, где топлива раздобыть, или как обратно вернуться…

— Они всё это время по нашему следу идут, — с тревогой в голосе закончила за него изможднённая до ужаса Катерина и, вздохнув, повернулась к пленному: — Отдай мне жизнь! — скомандовала женщина, и тело мужчины расслабленно опало на землю. — Не любила я это никогда, но он всё равно не жилец. Заклятия такой силы не перебить, а мне почему-то жить хочется, — оправдываясь и отводя глаза, произнесла она и, подойдя к машине, коснулась музыканта.

— Ой… задремал… — растерянно произнёс он. — Как же я так, после такого? Что пропустил?

— Да ничего. Умер он, — отмахнулась Катерина.

— Вот и мне казалось, что он больно на труп смахивает и вряд ли что расскажет, особенно после такой тряски.

— Ну, если бы ты его вместо матраца не использовал, может, что-то и удалось бы выведать, — слёту подхватила тему Катерина. — Но одно точно: нельзя нам здесь рассиживаться. Забирайте вещи и сматываемся.

— Куда? — оглядывая окутанные непроглядной мглой окрестности, поинтересовался Станислав, для которого света звёзд и луны явно было маловато для полноценного ориентирования на местности.

— Туда, — махнула неопределённо в направлении

противоположном тому, откуда они приехали, Катерина.

На сборы ушло минут пять. Даже Станислав проявил чудеса сноровки и оперативности, хотя и не понимал: к чему такая спешка, если они уже давно оторвались от преследовавших их сумасшедших?

Шли довольно интенсивно, несмотря на то, что едва разбирали дорогу. Часа через три до их слуха донеслось журчание ручья. Вдоль него и продолжили путь. Рано или поздно он обязан впасть в какой-нибудь водоём. И вот, выйдя из подлеска, заметили в свете луны одиноко бредущую фигуру. Катерина уже хотела притормозить, но в этот момент внезапно, словно прозревший, музыкант крикнул:

— Маша-а-а!

Фигура в нерешительности замерла и, кажется, обернулась, а затем медленно начала приближаться. Не уверенный в том, кто перед ними, и что от этого некто ожидать, Семён тут же подобрал с земли удачно подвернувшийся средь ровного места увесистый сук. Хотя и понимал, что если встретились они с ведьмой, то никакая дубина не поможет.

— Стас? — послышался неуверенный и какой-то безжизненный женский голос, и музыкант, что было сил, кинулся навстречу девушке.

— М-да… — только и смог промолвить Семён, но дубинку из рук не выпустил.

— Как мне кажется… — с некоторым сомнением прошептала Катерина, — сейчас в теле хозяйка, а не ведьма… — договорить она не успела, так как обвисшая в объятиях «близкого» человека Мария нарушила ночную тишину:

— А это кто с тобой?

— Знакомься, — тут же подводя её поближе, произнёс музыкант и представил спутников, но тут же забыл об их существовании.

Минут пять Катерина и Семён, словно зрители, наблюдали за встречей, в это краткое время Станислав успел выпалить очень многое, но вот когда поинтересовался о том, что же случилось после его отъезда, и где Виктор, девушка сникла.

— Нет больше его, — только и сказала она, а минуты через три вновь нарушила затянувшееся молчание: — Зря ты сюда пришёл… и их зря привёл. Я жить не хочу, — эти слова были сказаны до ужаса безразлично, — но рядом с вами умереть не смогу. Она… она найдёт способ перебраться в другую жертву или убить вас. Уходите…

— Ты что такое говоришь? — всполошился не на шутку напуганный такими речами музыкант. — Кто — она-то? Ты чего

это умирать вздумала?

— Не поймёшь ты, Стас, — вымученно вздохнула девушка. — Да и не надо тебе этого знать. Уходите. Не заставляйте меня прогонять вас. И так сил почти нет…

— Нет, подруга, — вмешалась Катерина. — Так дело не пойдёт. Он-то, ладно, — она кивнула на всё ещё обнимающего Марию парня, — но мы с Семёном многое знаем и понимаем. Ты вот лучше прямо скажи: как тебе удалось избавиться от ведьмы? Или… ты и есть она? Нет, та бы собой жертвовать не стала. Да и гнать потенциальную жизненную силу прочь, тоже…

— Кто вы? — отпрянув от музыканта, уставилась на спутников своего друга девушка.

— Скажем так… — решил подать голос Семён, — я — друг Светланы, она… — он задумался, подбирая слова.

— Названая мать, — подсказала Катерина. — Я тоже ведьма, если это можно назвать так. И Света, считай, восемь месяцев по всей России круги нарезает в поисках тебя.

— Но как? — удивление на лице девушки было очевидно даже при неверном свете луны, она переводила взгляд с одного присутствующего на другого. — Как вы нашли его? — она посмотрела на музыканта. — И где Светка? Вы мне поможете? Мы можем возвращаться?..

Вопросы посыпались градом. В голосе прорывались нотки надежды. Никто не перебивал и не отвечал, но, казалось, девушке этого и не требовалось. Она уже верила в то, что если сумели найти, то, значит, помогут. Вот только Катерина с сожалением понимала, что надежды эти, хоть и не лишены логики, но, увы, абсолютно беспочвенны. Только Станислав стоял, отвесив челюсть, с непониманием смотря то на спутников, то на возлюбленную. Оно и понятно: то, что они разыскивали Машину сестру и что-то знали о Маше, было очевидно, но эти речи о ведьмах? Парню казалось, что он вновь очутился в психушке, куда его упёк недовольный поведением приблудного сыночка папаша.

— Может, не будем вот так средь поля стоять? — перебив всё же девушку, поёжился Семён. — За нами возможна погоня. Мы, как мишень, в чистом поле стоим.

— И то правда, — спохватилась Катерина и первая пошла вперёд. — Предлагаю в том леске, — она махнула в сторону располагавшегося на дальней окраине луга густого тёмного леса, — отойти чуток поглубже и сделать привал. Не мешало бы костерок запалить, замёрзла я, — смущённо призналась женщина и добавила: — и поесть…

Вскоре компания расположилась возле отдающего жалкие крохи тепла небольшого костерка. На большой в темноте набрать

хворосту не удалось. Да и боялись, что он привлечёт нежелательное внимание. Отложив немного еды на потом, большую часть проглотили вмиг. Ну, Мария, видно было, что истощена, Катерина вымоталась, пока латала и допрашивала пленного, взятые у него крохи жизненной энергии дали ей сил, но, очевидно, их было недостаточно, а вот мужчин элементарно заедал стресс.

— Я ведь и вправду хотела умереть, — наконец-то наевшись, призналась девушка. — Эта тварь самым неожиданным образом берёт верх, и я не знаю, когда это может произойти в следующий раз, и что она опять сделает. Если бы вы знали, сколько на них крови, — девушка с отвращением смотрела на свои руки, протянутые к костру.

Во время привала рассказано было немало. Станислав молча сидел в сторонке, не вмешиваясь в то, в чём не смыслил, и вдруг в какой-то момент встрепенулся:

— Маш… постой… выходит, если большую часть времени ты была не ты… сумбур, чёрт… не суть! Так вот! У тебя… то есть, у неё… была какая-то очень древняя книга и дневник, в который она часто что-то украдкой писала. Ты… она… чёрт! В общем, он потерян? Она с ним не расставалась, он всегда был, но она его куда-то прятала, даже если путешествовала налегке. Для нас с Витьком это вечно было загадкой. Мы подумывали его как-нибудь спереть и почитать. Ну… ты же типа писатель… думали, ты о нас что-то пишешь, — смущённо добавил парень и умолк.

— Не было при мне ни разу никакой книги или дневника, как ты говоришь, — воззрилась на него девушка.

— Э, нет, подруга, так не пойдёт, — тут же поднялась со своего места Катерина. — Сдаётся мне, что он есть, да только ты о том не помнишь. И не ищи, — усмехнулась она, глядя на начавшую бессмысленно хлопать себя по телу девушку. — Тут надо слова правильные вспомнить, только вот для этого, прости… — Катерина коснулась протянутой к костру руки и тихим, глухим голосом произнесла: — Вспоминай заклятие тайника! — и тут же, закрыв глаза, погрузилась в чтение чужих образов и мыслей.

— Этхерзх, — отстранившись от девушки, произнесла Катерина. — Повтори за мной: Этхерзх.

Мария послушно подчинилась, и тут же у неё в руках очутились два довольно крупных, по современным меркам, формата А4, фолианта. От неожиданности девушка едва не выронила их в костёр. Одним из них оказалась действительно древняя, ещё рукописная книга в кожаном переплёте. Вторым — тот самый дневник, представлявший собой послевоенных времён

толстую тетрадь в затёртой коричневой, гибкой, напоминающей грубую клеёнку, обложке. Все присутствующие в шоке смотрели на материализовавшиеся из ниоткуда вещи. Вот только разобрать что-либо до восхода солнца не представлялось возможным. Но и пробираться в кромешной тьме всем, за исключением Маши, было весьма затруднительно, поэтому остаток ночи решили провести здесь.

«А может, это уже предсмертные галлюцинации? Может, я лежу где-то в овраге бесчувственная и умираю, а это мне всё грезится?» — мелькала мысль в голове начавшей задрёмывать девушки. Как она ни старалась, но совсем не думать не удавалось. С трудом она отгоняла чувство вины перед другом, увы, даже внезапное появления Стаса с товарищами не смогли заглушить эту боль. То, что содеянное было не её инициативой, не приносило облегчения. И, конечно же, хотелось узнать, что написано в этих рукописях, возможно, что-то способное помочь в избавлении от ведьмы? Но вдруг всё это фантазии, вызванные бредом? И нет ни Стаса, который, якобы, лежит рядом и обнимает со спины, ни его товарищей. Нет и книги. Нет и дневника. Есть только ненависть к ведьме. Понимая, что если это всё реально, то надо поспать, Маша старалась полностью отвлечься от всех мыслей: слушая звуки леса, анализируя запахи, разглядывая таинственный рисунок, образованный ветвями на фоне звёздного неба. Да так постепенно и уснула под мерное сопение спутников.

Никто ночью их не потревожил. Даже вездесущее лесное зверьё, казалось, обходило их стороной. Наутро продрогший насквозь Семён проснулся первым и тут же, стараясь не шуметь, взялся за разведение огня. К тому времени, как зашевелились, пробуждаясь, остальные, тот уже ярко пылал, щедро даря обильное тепло. Благо, утро выдалось безветренным. Пока ели, Маша углубилась в чтение. Разобрать написанное в книге не удалось: мало того, что текст был рукописным и древним, так ещё и язык неведомый какой-то оказался. Вот только одно удивляло: где эта книга хранилась, пока Варвары не было? Хотя кто знает, какие тайники возле озера были? В том же доме, в фундаменте, например. А вот строки из дневника были понятны, и первые же страницы заставили волосы на голове у Маши вполне ощутимо зашевелиться.

Как оказалось, Варвара начала вести дневник незадолго перед смертью. Где она его прятала, так и осталось тайной, но это было и неважно. Свежие записи появились в нём около двух лет назад. И именно эти первые страницы объяснили многое. Действительно, между Машей и ведьмой с самого рождения девочки имелась одностороння связь. К тому времени у ведьмы

имелся план, как вернуться в мир живых. Для этого она и показывала во всех подробностях во снах свою жизнь внучке, добавляя в неё ярких эмоций, затмевая реальность, заставляя жить грёзами. И Виктор очутился рядом не случайно. И к тому моменту, когда Маша знала всё необходимое, предложил ей написать книгу. И нашёл это проклятое богами Патошино. И попал в сети ведьмы…

— Получается, ещё в тот момент, как ты начала писать книгу, она уже обретала, благодаря этому, силу? — наскоро перечитав едва ли не четверть писанины, резюмировала Катерина. — Благодаря этому, ей удалось завлечь к озеру твоего товарища и сделать его своей «куклой». Дальше она с его помощью подпитывалась постоянно. Потом вышла твоя книга, и это дало ей сил на воплощение более длительное, но ей этого было мало, и она добралась до твоего тела.

— Но куда тогда делись сами книги? — непонимающе уставилась на женщину Мария. — Понимаю, что она могла высосать тех, кто их открыл или вообще был рядом, могу допустить, что книга, пока была упакована, не представляла никому угрозы… но куда они делись?

— А могла она дать на расстоянии такую установку кому-то, кто прикоснулся к тем книгам? — подал голос Семён, в то время, как Станислав лишь ошалело переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Не выгодно ей это, — покачала головой Катерина. — Лишний доступ к книгам — это дополнительные жертвы. Что-то у нас с вами не сходится в этой головоломке. Словно пазл, в котором какие-то кусочки потеряны… — задумчиво добавила она.

— Стоп! — спохватился вдруг Семён. — Вы забыли о тех, кто украл Свету и её группу.

— Что? — всполошилась тут же Мария. — Её украли? Когда? Кто?

— Да, — вздохнула Катерина. — Чуть больше месяца назад. А вот кто — неизвестно.

— Как же так? Вы меня в глаза не видя прежде, сумели здесь найти, а там…

— А вот так! — огрызнулась задетая за живое Катерина. — Не по зубам мне тот, кто их похитил. И полиции тоже не по зубам, — опередила она готовый сорваться с уст девушки вопрос.

— Но как же? Зачем?..

— Тебя эта дурында искала. В издательство с друзьями сунулась, видать, что-то надеялась там найти. Да только вот вышла оттуда уже под конвоем странного, не поддающегося внушениям мужика. Мы наведались туда с Семёном. Секретарь

сумела номера машины и модель вспомнить. Вот только толку ноль. Её словно бы и не существует. В общем… никаких следов найти не удалось, — вкратце поведала Катерина. — Кстати, лучше бы нам не задерживаться на одном месте. Что-то мне подсказывает: те сумасшедшие из деревни — всего лишь ведьмины куклы, и они не настолько опасны, как кое-кто другой… возможно, как раз этот кто-то уничтожил книги и украл Свету. Он явно идёт по нашему следу. А это не лучшее место для встречи.

Собрались достаточно быстро. Уже к полудню они вышли из леса и уставились на сверкавшую вдали водную гладь довольно большого озера. Семён и Катерина настороженно и в то же время облегчённо переглянулись. Что бы их ни ждало, развязка близка, а потом будет то, что будет…

По мере приближения Катерина начала как-то странно принюхиваться, посматривая с явно возрастающим интересом на озеро. А удивиться было чему. Никто, кроме женщины, конечно же, не понял, чем отличаются окружающие запахи от иных озёр, но вот то, что при полном отсутствии дорог, троп и иных признаков разумной деятельности на берегу обнаружился явно довольно старый, но чудом уцелевший деревянный настил, уходящий далеко вглубь озера… Он напоминал своеобразный недостроенный мост. Его опоры поражали своей основательностью: ни много, ни мало, метра полтора ничуть не пострадавшей от времени кладки из природного камня, промежутки между опорами также метра по полтора. И этот мост уходил метров на двадцать от берега и обрывался. А в самом его конце, в стороне, на расстоянии немногим более метра выступала из тёмной воды ещё одна каменная опора, словно строители хотели сделать поворот, да так и не закончили начатое. Катерина вошла на мосток, коснулась рукой побелевшей от времени древесины настила, скользнула ниже, и стоило прикоснуться к камню — тут же отдёрнула руку.

— Тут энергия бьёт ключом, — удивлённо произнесла женщина. — Маша, тебе бы здесь держаться… а лучше бы там, — она указала на одиноко выступающий из воды фрагмент каменного помоста. — Может, сил и хватит, чтобы ведьма верх не взяла.

— А если всё же… — робко подала голос девушка.

— Вот тогда я не знаю, что делать, — призналась Катерина. — За твоё тело она держится зубами, и почуяв угрозу наверняка постарается взять верх. Но… давайте-ка решать проблемы по мере их поступления. Например, сейчас надо разжечь костёр, и… у нас не так уж много еды осталось, — её

взгляд выжидающе остановился на мужчинах.

— Пойдём, — поняв, что Катерина хочет переговорить с девушкой без свидетелей, поманил Семён музыканта и направился в сторону небольшой рощицы неподалёку.

Одно очень поражало: то ли здесь имелась некая климатическая аномалия, то ли погода сжалилась над измученными беглецами, но солнце постепенно начало прогревать воздух. В лесочке Семён раздобыл сыроежек и подосиновиков, настругал перочинным ножиком небольших ровных веток, и вскоре все сидели возле разведённого Станиславом костерка и жарили добычу. Сыроежки и без соли оказались довольно вкусны, а вот подосиновики отдавали сырыми грибами, при этом став где-то усушенными, а местами до невозможности резиновыми. За неимением выбора, все терпеливо жевали то, что есть, с опаской поглядывая на прилегающий к полю луг, откуда, казалось, вот-вот кто-то должен был появиться.

Глава 16 Победит сильнейший…

Подходя к монастырю, Светлана и Сова ожидали какого-то ажиотажа. Всё-таки, ни много, ни мало, был убит один из старших наставников ордена, что, как они слышали — крайняя редкость. Ай, нет, тишь да блажь. Им только напомнили, чтобы заглянули в трапезную, а потом явились на тренировочную площадку. Вот тебе и монастырь, монахи здесь регулярно отрабатывают навыки владения холодным оружием, арбалетами, луками, а порой и огнестрельным оружием. К тому же он, по сути, мужской, вот только девушки настолько были измотаны, что не особо обращали внимание на здешних старожилов. Подруги разошлись по своим кельям и вскоре встретились в трапезной. Здесь, как оказалось, их уже ждали: «невнушаемый», бывший наставник Совы и Седой со своим наставником.

— Собственно, я заглянул попрощаться, — обратился к Сове её бывший учитель, — ну и, конечно же, поблагодарить тебя за всё и пожелать удачи.

Мужчина по-отечески обнял подопечную и покинул помещение. Седой, не обращая ни малейшего внимания на происходящее вокруг, что-то уплетал с аппетитом и даже не соизволил поприветствовать вошедших. «Невнушаемый» кивнул, приглашая подруг присоединиться к застолью. А попотчеваться в этот раз было чем. Странно смотрелись такие разносолы на монастырском столе: жареные мясо, курица и рыба, присыпанный мелко нарезанной зеленью и сдобренный сливочным маслом отварной картофель… всё это распространяло вокруг ароматные запахи.

Пока ели, никто не проронил ни слова. А когда все, довольные, откинулись на спинки грубо сработанных колченогих стульев, «не внушаемый» заговорил:

— Теперь вы не птенцы, и вас ждёт первое и, возможно, самое важное в этой жизни задание, — патетически начал он. — Уже завтра мы вылетаем на место. Наставники должны были вас подготовить. А значит, вам, — он перевёл взгляд со Светланы на Сову, — как «освободившимся», дам инструкции — я. Мне же поручено возглавить вашу группу в этом деле. И да пребудет с нами благословение свыше.

И всё. Подруги ждали, что он что-то пояснит, но нет. Рыцарь, очевидно считающий, что сказал достаточно, молча встал и вышел. Следом за ним ушёл, так ни разу не то, чтобы не открывший рта, но даже не взглянувший на подруг Седой. Было видно, что такое отношение бывшего возлюбленного причиняет

боль Сове, но женщина лишь проводила его полным непонимания и отчаяния взглядом.

— Странный он стал, — не удержалась Света.

— Посмотрела бы я на тебя, если б тебе так мозги промыли, — неожиданно вспылив, огрызнулась Сова, но тут же остыла и пояснила: — Хотя… если б любил, не изменил бы отношение настолько, — она вздохнула. — Ещё тогда, когда нас представили Понтифику, я слышала разговор о том, что им поставлена цель разобщить нас, настроить друг против друга, чтобы мы сотрудничали не по зову дружбы, а исключительно из чувства долга…

— Но зачем?

— Чтобы не объединились против них и не пошли у тебя на поводу: спасая твою сестру, а не уничтожая, как планируют они.

— Чтобы мы стали слепыми машинами для убийства, готовыми убить даже друг друга, если что-то пойдёт не так… — завершила за подругу ухватившая суть девушка.

— Да. И, кажется, как минимум, с двоими они преуспели. Жаль, предупредить вас возможности не было.

— Как я понимаю, на него, — Света кивнула в сторону ушедшего не так давно Седого, — и на Елену это подействовало…

— С этим не поспоришь, — с грустью согласилась Сова. — Но не это сейчас важно. Если «не внушаемый» едет с нами… одно дело, мы могли как-то нейтрализовать… — она запнулась и добавила: — без ущерба для здоровья — Седого, а вот что с этим-то делать будем? Или во имя реально существующего, но не факт, что правильно истолкованного пророчества, ты согласна убить Машу?

— С ума сошла? — воззрилась на подругу Светлана. — У меня есть идея… повторить то, что было с Пелагатти.

— Думаешь, после случившегося он додумается связать себя с кем-то из нас?

— Нет, но я могу это сделать. Помнишь ты когда отчитывала меня за глупость, сказала что практичнее делать наоборот? Привязать нанести себе же рану, сбросить все на жертву, отвязаться и подлечиться. Ну вот и нанесёшь мне какое-нибудь опасное для жизни увечье и дальше по твоему плану.

— Звучит красиво, вот только, боюсь, его защита тебе не по зубам, он же матёрый, как тот волчара. Но если… — Сова на мгновение задумалась. — Хм… может и проканать. А когда? Где?

— В самолёте. Выйду в туалет, ты за мной. Мои мысли прочесть он теперь не сможет, а ты как?

— Нормально. Поднатаскали, — заверила подруга. — Рискнём. Вариантов всё равно нет.

На следующий день заговорщицам несказанно повезло: попав в пробку, в аэропорт они прибыли с опозданием и едва успели пройти регистрацию. Само собой, в самолёт они попали бы по-любому, но главное, что посадочные места у всех оказались в разных частях салона. А «невнушаемый», очевидно, копя силы перед грядущей схваткой с ведьмой, вопреки ожиданиям не заставил освободить им места поблизости друг от друга. Воспользовавшись этим, Сова выхватила из его рук посадочные талоны и выбрала два ближних к одному из туалетов, один отдав подруге. «Невнушаемый» не придал значения этой блажи, лишь плечами передёрнул, всем своим видом показывая: «Женщины! Что с них взять? И за какие грехи мне баб навязали?»

Непривыкшая к перелётам Светлана, стоило подняться в воздух, сразу напрочь забыла о своих коварных планах. Благо, Сова, проходя мимо, аккуратно пихнула девушку, напоминая о том, что у них есть дела поважнее, чем сидеть, вжавшись в кресло, и бояться.

Оказавшись вдвоём в узкой кабинке, Сова дала возможность подруге присесть на единственное «сиденье», позволяющее сосредоточиться, не боясь упасть. Не ожидавший подвоха «невнушаемый» беззаботно спал. Связав себя с ним, Светлана отдёрнула воротник своей чёрной водолазки:

— Давай, — скомандовала она подруге.

— Подожди, — произнесла Сова и, достав откуда-то пару гигиенических прокладок и красный шарф, обвернула ими шею девушки. — Только не тяни. Я не лекарь. Основу мне дали, конечно, но это так…

Удар был точно рассчитанный: ни болевого шока, ни потери сознания. Света даже успела усомниться в решительности подруги: может, побоялась? Но взволнованное лицо Совы говорило о том, что дело сделано, и они тратят драгоценные мгновения. Быстро сбросив всё на «не внушаемого», она «отвязалась» от жертвы и проверила собственное состояние. Всё в порядке, лишь небольшая слабость. И неприятное липкое ощущение в области шеи и груди.

— Всё, — немного сипло произнесла Света, и подруга тут же аккуратно сняла с неё окровавленный шарф, жестом попросив встать.

Минут пять ушло на то, чтобы смыть «компромат» в виде шарфа, «использованных» прокладок и крохотного то ли стеклянного, то ли пластикового лезвия, наскоро застирать бадлон и визуально проверить отсутствие следов крови. Тем временем из салона послышались звуки переполоха, вскоре кто-то требовательно постучал в дверь. Когда не получивший ответа

старший стюард (довольно молодой парень) отодвинул дверцу туалетной кабинки, его взору предстала картина из фильмов для взрослых: Света, ошалевшая от стремительных действий подруги, закинувшей её на узкий умывальник, инстинктивно, пытаясь удержать равновесие, охватила ногами бёдра подруги, а та, всем своим видом демонстрируя страсть, припала к влажной на груди водолазке девушки. Стюард, громко выругавшись, захлопнул дверь и уже из-за неё довольно громко известил:

— Вы нарушаете правила поведения на борту! Пройдите на свои места!

Спонтанные действия Совы обеспечили подругам дополнительное алиби: сидящие рядом видели, что они не проходили в дальнюю часть салона. Удалившись в туалет, минут двадцать из него не выходили. А то, при каких пикантных обстоятельствах их застал стюард, окончательно снимало все подозрения. Вот только чем всё закончилось? Что будет, если не удалось довести дело до конца… — об этом думать не хотелось.

Подруги, как ни в чём не бывало, сели на свои места. Тем временем в дальней части салона царила суета.

— Что там случилось? — притормозив пробегающую мимо стюардессу, достаточно громко поинтересовалась Сова.

— Пассажиру стало плохо, — уворачиваясь от сдерживающих её рук «лесбиянки», ответила девушка и помчалась дальше.

Ему всего лишь плохо? Или эти слова должны предотвратить панику? Если он жив, то вскоре придёт в норму. Кто с ним проделал это, «невнушаемый» поймёт без труда, а отомстить с его талантами ничего не стоит. В этот момент самолёт ощутимо затрясло, и по громкой связи объявили о входе в зону турбулентности и необходимости пристегнуть ремни безопасности. О том, чтобы экипаж занял свои места, речи не было, значит… а что угодно это может означать: или ему оказывают помощь, или…

Немало полетавшая в своё время Сова с опаской ждала сообщения об экстренной посадке в каком-нибудь аэропорту. Это точно означало бы, что пострадавшему на борту нужна экстренная помощь, а их план потерпел крах. Время шло, по громкой связи никаких сообщений не озвучивалось, и это вселяло надежду. Хотя кто знает, может, поблизости не было готовых их принять и оказать соответствующую помощь аэропортов?

Ещё два часа прошли в ожидании и неведении. Стоило попытаться встать и направиться в другую сторону салона, тут же словно из воздуха вырастали стюардессы и отправляли любопытных обратно. Напоминая, что хождение по салону небезопасно, так как самолёт, якобы, так и не вышел из зоны

турбулентности. На аргументы типа: «Но не трясёт же! Или: «У меня ноги затекли»», — члены экипажа не велись. Наконец-то объявили о начале посадки. И только после того, как вместо благодарности за то, что воспользовались услугами авиалиний, прозвучала просьба оставаться на своих местах до соответствующего разрешения, а за окнами замелькали многочисленные проблесковые маячки, подруги облегчённо вздохнули: получилось!

Выйти из самолёта удалось лишь спустя ещё три часа. За это время они претерпели довольно тщательный допрос (оно и понятно, «невнушаемый» был иностранным гражданином!) и ничего не обнаруживший обыск, подписали нескольких бумаг, и вуаля! Да здравствует неожиданно морозный для конца августа воздух свободы! То, что обвинят ни в чём неповинных соседей погибшего по авиасалону, подруг не смутило. Брать вину на себя они не собирались. Имеются цели и поважнее, нежели мелкие бюрократические препоны закона и проблемы неизвестных им людей. Уж это Пелагатти вбил в их головы весьма обстоятельно.

Седой, не проронивший в Питерском аэропорту ни слова и даже не соизволивший поздороваться, и сейчас смотрел на подруг «сычом», явно что-то подозревая. Однако сделать что-то в данный момент он был не в состоянии. Не мог он сообщить органам о том, что человека, возможно, убили удалённо. С учётом его прошлого, Седого гарантированно ждала бы психушка, а это в его планы явно не входило.

— Не додумается кинуть смску? — поинтересовалась Света.

— Не дурак. Программер же. Тут сейчас всё фильтруют, — отмахнулась Сова.

Забрав немногочисленный багаж и прихватив Седого, подруги оккупировали первое попавшееся такси. И, добравшись до ближайшего центра проката автомобилей, отправили несолоно хлебавшего таксиста восвояси. Финансирование должен был обеспечивать безвременно почивший, теперь приходилось выкручиваться самостоятельно, по мере возможностей. Далее они также безвозмездно, но весьма опрометчиво взяли первую приглянувшуюся легковую машину и по наводкам Совы отправились на поиски Светиной сестры.

Седого, во избежание незаметной передачи ненужных данных, усадили за руль. Уже спустя час «гостям города и его окрестностей» пришлось горько пожалеть о своём выборе. Для езды по этим дорогам нужен был гусеничный трактор, а не увязшая в грязи на сотом километре от города легковушка. Оказавшись в западне, стало сложнее следить за действиями явно нервничающего Седого. Света переглядывалась с подругой, и в их

взглядах читалась возрастающая уверенность в необходимости «отключить» проникшегося новыми догмами «бывшего друга», а для кого-то и «экс-любимого». Очевидно, месяц тренировок для психики подруг бесследно не прошёл. Восемь часов назад они убили человека, а угрызений совести, сожаления или раскаяния — ноль, и вот перед глазами мишенью ходит потенциальная жертва. Да и место идеальное — полное отсутствие свидетелей. Вариант «отключить» казался подругам слишком лояльным. Кто его потом будет тащить на себе, если машину не найдут? А бросить здесь, означает оставить без надзора, гарантированно вскоре после этого ненужная информация попадёт в ненужные уши.

Однако убивать друга, пусть и бывшего, не хотелось. Света решила проверить то, чему учили, но в чём попрактиковаться толком не удалось: тотальное подчинение человека. Но, стоило Светлане подойти поближе, как почуявший неладное Седой, прытко отскочив в сторону, заявил:

— Не приближайся! Меня тоже кой-чему научили!

— Это ты так пугаешь или предупреждаешь, любимый? — обходя его сзади и держа в руке, не столько как оружие, сколько в качестве отвлекающего маневра — булыжник, ехидно поинтересовалась Сова.

— Смотрю и не понимаю, как я любил такую тварь… — прошипел мужчина.

Это было ошибкой. Не стоит злить женщин, способных за себя постоять. А тем более употреблять оскорбления, носящие личный характер. Ну, а если такое осмелится произнести «бывший»… то это — бомба, даже в исполнении мало-мальски уважающей себя «кухарки». Что произошло дальше, даже стоящая поблизости Света не успела разобрать. Мгновение, и у её ног, животом вверх, лежит тело с неестественно вывернутой в сторону земли головой.

— Отвернись и не смотри, сука, — отвесив трупу пинок, рявкнула Сова.

— Успокойся, — несмело коснулась плеча подруги Светлана. Девушка и предположить не могла, что всё получится настолько быстро, просто и фатально.

— Надо это убрать, — хладнокровно произнесла Сова и кивнула в направлении недалёкой рощицы.

Дотащить довольно тяжёлое тело до, казалось бы, близкого лесочка оказалось непросто. Благо, местность была довольно глухой, и за это время никто поблизости так и не появился. Тут же, в рощице, как по заказу, за высокой стеной камыша нашёлся плотно поросший ряской небольшой заболоченный водоём.

Подруги напряглись, приподнимая тело, раздался «жирный», хлюпающий всплеск, и ряска сомкнулась, приняв в свои объятия жертву. Света с какой-то отстранённой грустью посмотрела на всплывающие то тут, то там пузырьки. «И их осталось двое», — вызвав озноб, припомнилась фраза из некогда эпичного ужастика под названием «Десять негритят». Тут же взгляд переметнулся на нелепо смотрящуюся деталь пейзажа: зацепившийся шнурком за корягу кроссовок Седого. Заметившая взгляд подруги Сова, брезгливо поморщилась и небрежным жестом ноги отправила находку вслед за хозяином.

Вернувшись к машине, Света достала «купленный», а вернее, позаимствованный у таксиста мобильный, собираясь вызвать помощь, но, увы, связи не было. Подруги, не сговариваясь, погрузились в собственные мысли. И просидев так в тишине возле ставшей бесполезной машины, в надежде, что кто-то ещё проедет по этой богом забытой дороге, минут сорок, они забрали свой нехитрый скарб и пошли дальше пешком. Ещё спустя полчаса им улыбнулась удача, в виде полицейского УАЗика. Сотрудник правоохранительных органов оказался, на свою беду, человеком отзывчивым и, завидев бредущих по дороге женщин, притормозил, стоило им повернуться в его сторону.

— Ваша машина там полдороги перегородила? — вместо приветствия озвучил он своё предположение.

— Ну, если это можно назвать дорогой, — отозвалась Сова. — Не подкинете до ближайшего населённого пункта?

— Подброшу, отчего ж не подбросить, — приглашающе кивая на пассажирские двери, произнёс мужчина. — Всё равно по пути.

Сова тут же запрыгнула на переднее сиденье, Света была вынуждена сесть сзади.

— А вы где живёте? — словно для поддержания беседы, самым невинным тоном поинтересовалась Сова.

— Да вот как раз в Удальцово, — ответил тот, как будто это что-то говорило приезжим. — А вы сами-то откуда?

И тут произошло странное. Рука Совы плавно легла поверх кисти водителя на рычаге коробки передач, и женщина низким голосом произнесла:

— Вопросы здесь задавать будем — мы. Привод у машины полный?

— А как же здесь без этого? — кивнув на дорогу, ответил водитель.

— Табельное оружие есть? — продолжала допрос Сова.

— Есть. Дома спрятано, — послушно ответил мужчина, и у Светы едва глаза на лоб не вылезли.

«Это уже не простой диалог, а явное подчинение!» — в шоке

подумала девушка и только потом вспомнила слова наставника своей подруги, сказанные там — в лесу: «…и убивший учителя или конкурента на экзамене получит помимо свободы и его таланты…»

— Машину заправь под завязку, — тем временем взглянув на датчик топлива, распорядилась женщина. — После этого едем к тебе домой. Ключи оставишь в машине. Зарядишь оружие и отдашь мне. Никому о нас ни слова, пока не уедем, а после забудешь обо всём и пойдёшь спать. Проспишь двое суток, — приказала Сова, а Света облегчённо вздохнула, ей казалось, что подруга и этого ни в чём не повинного человека убьёт и не поморщится, но пронесло. — А теперь молчи, мне подумать надо, — добавила Сова и погрузилась в одной ей ведомые раздумья.

Мужчина лишь кивнул и продолжил маневрировать между ямами на дороге и колеями. А Свете тем временем стало почему-то не по себе. Она смотрела в затылок подруге и как-то бессознательно опасалась её дальнейших действий. Искренне хотелось верить, что на Сову месячная дрессура не оказала негативного действия. Хотя её реакция на не так брошенные взгляды Седого и на его слова говорили об обратном. Да и зачем ей оружие? Вспомнился бабушкин рассказ про смерть Варвары: как ни сильна она была, но быстрая пуля — сильнее. А вдруг, Сова решила выполнить задание ордена? Эти мысли девушка гнала прочь. Ведь подруга ни разу до сих пор не давала повода, позволяющего усомниться в ней.

Тем временем на горизонте показались первые деревенские домики, но загипнотизированный водитель миновал их. Также позади остались длинные и довольно обветшалые постройки, как ни странно в наши дни — действующей фермы. Впереди завиднелись не менее старо-древние колхозные гаражи со сваленными вокруг грудами металлолома и то тут, то там сверкающими пустыми глазницами окон, остовами разобранных на запчасти тракторов и грузовиков, сквозь которые уже успели прорасти хлипкие деревца.

Подъехав к одному из гаражей, водитель выскочил на улицу и направился к вышедшему на звук подъехавшего автомобиля мужику.

— Степаныч, заправиться мне бы.

— Так ты ж вчера ещё заливался, — почёсывая ухо, удивлённо воззрился на него «местный». — Не знай я тебя, подумал бы, что ты бензином барыжишь.

— Да не-е! — отмахнулся служитель правопорядка. — Тут одни обсохли на дороге, я им и слил малька.

— Доброта твоя тебя погубит. Ай… ладно! Дам литров сорок, но больше ни-ни! Мне ещё за них отчитываться…

Также молча мужчина привёз их к своему дому, скрылся внутри на пару минут, вернулся и, ничуть не смутившись от того, что к этому моменту за рулём по-хозяйски восседала Сова, отдал женщине пистолет и ушел в дом.

Ехать пришлось довольно долго. На ночёвку останавливаться не стали. По дороге подруги заправились в напоминающей декорации для фильмов о Стране Советов бензоколонке, а в какой-то момент до странности молчаливая в последнее время Сова, не обратив внимания на удивлённый взгляд подруги, свернула с наезженных, пусть и не слишком «проходимых» дорог, в поля. Вскоре на земле стали видны следы недавно проезжавших здесь автомашин. В одном месте трава была основательно истоптана, словно там толклись толпы народа, да и следов от машин хватало, но Сова лишь на мгновение притормозила, присмотрелась, принюхалась и погнала УАЗик дальше.

— Привяжи себя к сестре, — неожиданно прервала неимоверно затянувшееся молчание Сова.

— Зачем? — удивлённо воззрилась на неё подруга.

— Ну, в крайнем случае, если всё будет совсем уж плохо, провернём то же, что и в самолёте, — кинув взгляд на лежащий в не имевшем крышки бардачке пистолет, пожала плечами та.

— Так-таки она и даст тебе пушкой размахивать, — невесело усмехнулась Света, перспектива убивать сестру её не радовала.

— В свою сторону — нет, а в твою-то ей зачем препятствовать? Но ты не волнуйся, это я перестраховываюсь, — добавила Сова и вновь умолкла.

* * *

Стоило Маше перебраться на странно расположенный рукотворный, выложенный из камня островок, как, отражаясь от водной глади странным эхом, донёсся слабо различимый звук автомобильного двигателя. Постепенно он становился всё чётче, и вот на краю прилегающей к озеру поляны показался полицейский УАЗик.

— Это Света! — вглядываясь вдаль, радостно возвестила Катерина, но тут же, поймав какой-то затравленный взгляд Семёна, поникла.

Из остановившейся неподалёку машины вышли две фигуры: Светлана и Сова. Поняв, что здесь все свои, Семён расслабился и кинулся к «потеряшкам».

— Вы где пропадали? Мы с ног сбились…

— Не вмешивайся, смертный, — раздался со стороны озера странно усиленный голос Марии, и обернувшись, мужчина понял, что перед ним уже не та, борющаяся за свою жизнь, девушка, это — ведьма.

Словно не заметившая ничего Света, как ни в чём не бывало, ступила на мостки и направилась к сестре.

— Стой! — крикнул ей Семён, но девушка не обратила на него внимания.

Не отдавая себе отчёта в своих поступках, мужчина кинулся за ней, желая остановить, но в какой-то момент натолкнулся на невидимую стену. Как он ни рвался, что-то не пускало его дальше, не давая сделать больше ни шага.

Все присутствующие затихли, наблюдая за происходящим. Света молча шла навстречу «сестре». Дойдя до конца мостков, она села на выбеленные временем доски настила, окинула отрешённым взглядом стягивающиеся отовсюду тучи.

Варвара повела рукой, и полыхнула, словно сухой сноп сена, вода, норовя вот-вот поджечь и мостки. Света же никак не реагировала. Уставилась, словно не видя, на сидящую близко и в то же время недостижимо далеко сестру. В её глазах не было страха, лишь спокойствие и решимость, да отблески нет-нет, да вспыхивающих между ними молний и всполохов близкого, но холодного пламени. Казалось две ведьмы тем временем вели неслышный никому диалог. Время шло, стихии буйствовали, но никто не смел вслух произнести ни слова.

Вокруг ведьмы закрутились невысокие смерчи, способные в любой миг поглотить бесстрашно сидящую неподалёку женскую фигурку. Чёрные волосы Варвары развевались на ветру, и казалось, что из них сочится наружу тёмная сила и стаями напоминающих сгустки тьмы птиц устремляется в ясное небо, плотно затягивая его неведомо откуда появляющимися грозовыми тучами. Вот только ни смерчи, ни всё чаще бьющие в воду молнии не наносили Свете вреда, обходя стороной. Небо, казалось, разделилось на две части: со стороны темноволосой преобладали холодные оттенки, делая всё вокруг мрачным, а за спиной Светланы тона были тёплыми, яркими, даже разбросанные клочки то ли туч, то ли облаков окрасились солнечными, сочными цветами.

Катерина вдруг, тихо ахнув, упала, как подкошенная, на растущую вдоль берега траву. Уже ощутив, что полностью лишилась своих «сил», она с каждым мгновением всё отчётливее чувствовала приближение смерти. Ведьма выкачивала последние крохи жизненных сил из недавно ещё пышного, упитанного тела,

превратившегося в сухое и немощное.

Семён, не замечая творящееся за своей спиной, не сводил глаз со Светланы и раненой птицей бился о непреодолимую преграду, пытаясь прорвать защиту и как-нибудь защитить отправившуюся на верную гибель девушку.

Станислав безмолвно наблюдал за происходящим, и по его лицу невозможно было разобрать: о чём думает музыкант? Ни страха, ни волнения — ничто не отражалось в обращённых к ведьме глазах. И это было странным. Он так рвался на встречу к Марии, и вот когда его цель близка, он словно потерял к ней интерес, превратившись в застывшего в ожидании развития дальнейших событий зрителя.

Заметив то, что произошло с Катериной, Света медленно перевела взгляд на подругу и, прочитав в глазах немой вопрос, вытаращила глаза, мол — «не делай этого!» Но Сова это истолковала по-своему. В её руках появился реквизированный пистолет. Раздался выстрел. Обжигающая, щиплющая боль пронзила грудную клетку. И вдруг Свете до одури захотелось жить, она тут же скинула всё негативное — боль и ранения — на Варвару. И, словно со стороны, наблюдала, как та, булькая кровью, оседает на каменную кладку рукотворного островка. Глаза не могли оторваться от распростёртого поблизости тела, молнии по инерции всё ещё продолжали бить вокруг, но ветер начал стихать. Однако Света этого не замечала. Всё внутри разрывалось от боли. Не физической — душевной. Но девушка чувствовала, как связь с сестрой вытягивает из неё жизнь, и отвязалась от ведьмы.

— Прости… — едва различимо прошептали губы, а окружающий мир начало заволакивать пеленой слёз. «Всё кончилось…» — мысленно простонала девушка.

Звук выстрела разорвал окутавшую окружающий мир тишину, отозвавшись уже знакомой болью. Света так же, как и ведьма мгновение назад, осела на помост. Сил на исцеление нет, скинуть смертельную травму не на кого. Она из последних сил обратила непонимающий взгляд на держащую в руках пистолет «подругу».

— Ничего личного, — произнесла, смотря в глаза своей жертвы, Сова, и тихо добавила: — Из нас должен остаться только один…

Мир заволокло пеленой, из чувств остались лишь боль физическая и душевная, и смерть Маши не шла ни в какое сравнение с болью предательства. Громыхнул ещё один выстрел. Она успела понять, что это — «контрольный»…

— Молодец, девочка, — раздался усиливаемый эхом голос

музыканта. — Заводи машину. Нас ждут… — это было последним, что уловило угасающее сознание Светланы.

Эпилог

Чьё-то явное давление, напоминавшее воздействие «не внушаемого» в их первую встречу, отпустило. Сова в шоке уставилась на сидящего рядом музыканта. В голове сквозь туман проступали воспоминания о минувших событиях. «Почему она оставила мне жизнь?» — недоумевала женщина, уверенная в том, что в тело музыканта вселилась ведьма. «Что ей от меня надо? Лучше умереть, чем стать куклой!» Но и жить хотелось. «Я убью её!» — твердо решила Сова.

— Не мучай себя. Сейчас всё объясню, — явно прочитав её мысли, произнёс он. — Похвально девочка, что ты настолько одержима желанием выполнить наше задание. И ты его выполнила, — поймав удивлённый взгляд Совы, усмехнулся музыкант. — Да, да. Ты не ослышалась. И да, ты ошиблась. Я не Варвара. Увы, я слишком далеко, чтобы лично поучаствовать в этом деле. А так хотелось! Вот и вырвался, нашел свободное тело. Как зовут меня не важно, скажу лишь что ты не так давно убила моего лучшего ученика.

— Пелагатти? — не поверила своим ушам Сова.

— Именно. Но это не важно. Ты справилась. Пророчество остановлено. Нависшая над человечеством угроза устранена.

— Зачем вы убили Свету?

— Хм… правильная постановка вопроса. Твоей вины в том нет. Это был долг и благо я был рядом и смог вовремя направить твою руку.

— Зачем, — напомнила ему Сова свой вопрос.

— Затем девочка, что она последняя родственница Варвары и могла стать следующим воплощением ведьмы. Наш долг устранить весь её род.

— Всего лишь могла? На основании предположения вы убили ни в чём неповинного человека?

— Что жизнь одного по сравнению с целым миром? — философски ответил музыкант. — Дела зовут. Я ухожу. Усыпи если хочешь парня, как только он придёт в себя.

— Но что мне с ним делать?

— Не с ним девочка, а с ними, — он кивнул назад, и Сова в зеркале заднего вида заметила лежащего там Семёна. — Хочешь — отвези их домой. Хочешь оставь где-нибудь откуда они смогут выбраться самостоятельно. И память подчисти им на прощание. В монастыре отчёта ждут. А мне пора. Я обязан лично присутствовать на обряде по упокоению убиенных душ. Удачи, девочка…

Голова музыканта опала на грудь и тут же он встрепенулся, не понимающе озираясь по сторонам.

— Где Маша? Что с ней?..

— Спи… забудь обо всём, что с ней связано, — произнесла Сова и с грустью взглянула на беззаботно засопевшего музыканта.

«Кто бы мне сказал: забудь обо всём…»

Мистика – нечто вымышленное. Так ли это? Или что-то существует, но мы не готовы прозреть?
Мы удивляемся фантазии знакомых говорящих на эти темы, а порой и вообще чураемся их общества, считая странными или хуже того – сумасшедшими. Справедливо ли это?
Об этом заставит задуматься непростая история из жизни двух сестёр, получивших неоспоримые доказательства того, что привычная реальность всего лишь миф. Открытие принесло с собой многочисленные испытания. Окажись вы волей судеб на месте девушек, удалось бы вопреки всему добиться желаемого, устоять перед немалыми соблазнами и остаться собой?
Марина Андреева
Ведьмина книга

КОНЕЦ